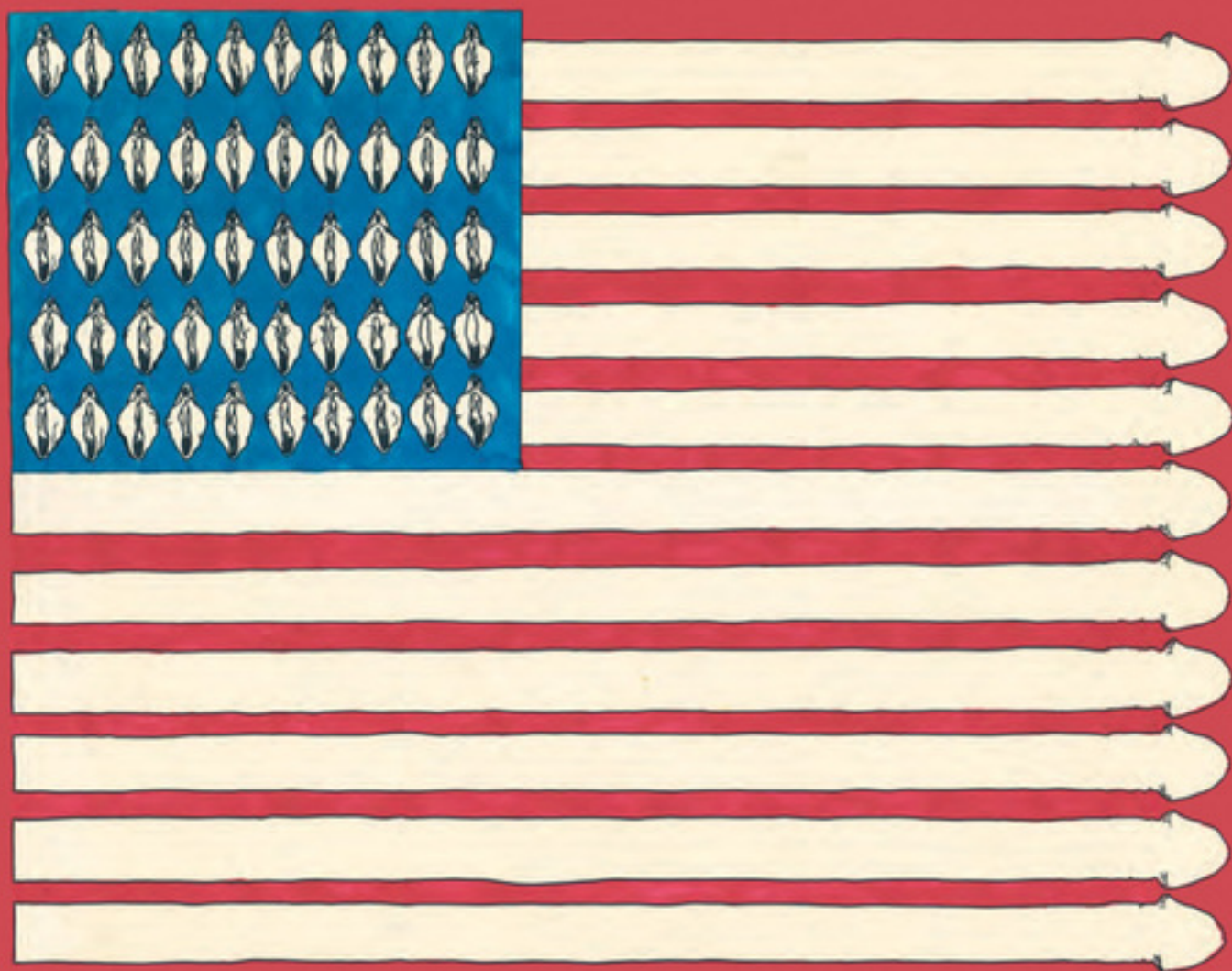

МИХАИЛ АРМАЛИНСКИЙ

**ЧТО МОЖЕТ
БЫТЬ ЛУЧШЕ?**

Михаил Армалинский

Что может быть лучше? (сборник)

«ИП Михайлов»

2012

Армалинский М.

Что может быть лучше? (сборник) / М. Армалинский — «ИП Михайлов», 2012

В авторский том Михаила Армалинского «Что может быть лучше?» вошли рассказы и эссе, написанные с 1999 по 2010 годы и впервые опубликованные в его интернетовском Литературном журнальце «General Erotic». Основная тема в творчестве Армалинского – всестороннее художественное изучение сексуальных отношений людей. Неустанно, в течение почти полувека, вне литературных школ, не будучи ничьим последователем и не породив учеников, продвигает он в сознание читателей свою тему, свои взгляды, свои убеждения, имеющие для него силу заповедей.

© Армалинский М., 2012

© ИП Михайлов, 2012

Содержание

Фантазмы	6
Млечный путь женщин	6
Любимое дело	14
Поэтические предпочтения	19
Любимый вальс	25
Напрасные дары	31
Вытекающие последствия	33
Посредница	41
Недоступность	45
Она, не глядя	51
Крепкий коктейль	58
Телесный ум	62
Орление	72
Любвеобильный песенник	76
Типун	96
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Михаил Армалинский

Что может быть лучше?

Измышления и фантазмы 1999–2010

© Михаил Армалинский. 2012.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Фантазмы

Млечный путь женщин

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 1999. № 8. Оглавление и все номера *General Erotic* см.: <http://www.mipco.com/win/GEr.html>

На одной из самых крупных молочных ферм в два дня умерли все коровы от неизвестной болезни. В течение следующего месяца неуловимый летучий вирус уничтожил практически всех коров в стране и лишил людей молока, сыра и прочих бесцётных молочных продуктов, без которых людской рацион стал ужасающе непривычным. Непривычность быстро сменилась болезненностью, так как оказалось, что многим людям молочные продукты просто необходимы.

Джордж Сток, успешный предприниматель, заболел то ли из-за отсутствия молока, то ли из-за шока, что его вложения в молочные фермы были потеряны. В то время его жена Марго родила их второго ребёнка, и Джордж, лёжа в гостиной на диване, наблюдал за женой, кормившей его трёхмесячного наследника.

– Вот какой упрямый, – дивилась Марго характеру сосунка, – только из левой груди сосёт, а правую отпихивает. А у меня в ней столько молока скопилось. Придётся сцеживать.

– У тебя наверно, левый сосок больше и легче пропускает молоко, вот Джони и не хочет напрасно напрягаться и сосать правый.

– А ты как себя чувствуешь, милый? – спросила Марго мужа, у которого был жар.

– Неважно. Я так хочу молока, или сыра, или хоть чего-нибудь молочного, что мне кажется, выпей я стакан молока, то сразу бы и выздоровел.

– Бедненький, будь ты моим сыночком, я бы тебе помогла.

– Послушай, а это идея, – оживился Джордж, – дай-ка я попробую пососать твою правую грудь, да и тебе легче станет.

Он поднялся с дивана, подошёл к сидящей в кресле жене, встал перед ней на колени и присосался к груди. Теперь он сосал не только как мужчина, ласкающий женщину, но и как голодный младенец. Их сын продолжал своё дело у левой груди, покашивая глазки на отца.

Джордж успешно высасывал струйки сладенького молока. Он любил подслащать сахаром или вареньем коровье молоко, поэтому сладость молока жены его лишь радовала. Он сосал, жена прижимала его голову к себе, и живительная влага придавала ему сил, но голова чуть кружилась от жара, и Джорджу вспоминалось что-то очень раннее в жизни: мать, грудь, запах молока.

В тот день Джордж сосал грудь жены ещё три раза и на следующее утро почувствовал себя совершенно здоровым. Он приписал своё выздоровление исключительно молоку жены. Кроме того, сосание молока из её груди сблизило его с женой ещё плотнее. Нечто отчётливо материнско-сыновье прибавилось к ощущениям, привычным для мужа и жены.

Но что оказалось не менее важным, предпринимательская жилка Джорджа задрожала от новых идей. Газеты, телевидение наполнились сообщениями о страданиях и болезнях, которые испытывали люди из-за отсутствия молочных продуктов. Жизнь без коровьего молока оказалась большинству не под силу. Козье молоко достать было практически невозможно, поскольку его производство было весьма малым по сравнению с коровьим. Кумыс был слишком чужд для жителей его страны – о существовании кобыльего молока знали лишь из книжек. А тут под боком естественное, уже налаженное и повсеместное производство молока у любой родившей женщины. В голове Джорджа уже громоздились грандиозные деловые планы.

Казалось бы надёжно забытые события, сведения, информация всплывали в голове Джорджа и выстраивались в поддержку охватившей его идеи молочного спасения человечества естественным способом, избегая зависимости от животных. Весьма далёкий от проблем искусства, он вдруг ясно вспомнил лекцию, на которую он с год назад повёл своего старшего сына. Им показывали слайды картин знаменитых европейских художников, и среди них была картина Рубенса «Отцелюбие римлянки». Римлянин Кимон, заключённый в тюрьму, был обречён на голодную смерть. А его дочь Перо, навещая отца, тайно от стражи кормила его грудью и тем его спасла.

Не велик подвиг, подумал тогда Джордж, кормить грудью: ребёнка ли, мужа ли, отца. Неужели картину восторженно назвали бы «Чадолюбие римлянки», если бы на ней она кормила грудью младенца? Вот если бы она отрезала грудь, чтобы скормить мясо отцу, вот это была бы жертва! А так никакой жертвы – сплошное удовольствие. Тем более что отец на картине был изображён мускулистым мужчиной средних лет.

Джордж дивился оживающим воспоминаниям о когда-то прочитанном и услышанном. Так было всегда, когда он концентрировался на одной идее – память начинала поставлять ему информацию, которая до этого момента надёжно хранилась неосознанной.

Молозиво – белая грудная жидкость, появляющаяся перед самыми родами и первые дни после, считалась издавна афродизиаком и представляла особый деликатес для осведомлённых мужчин. В даосизме эта жидкость называлась «белым снегом», причём она появляется даже у бездетной женщины. Но скудное молозиво следует превращать в обильное молоко – «персиковый сок бессмертия», как его называли китайцы.

Джорджу пришла в голову мысль, которая ошеломила его своей очевидностью, столь тщательно сокрытой общественными нормами морали. Если младенцу так необходимо женское молоко, то почему в каком-то возрасте происходит переключение на молоко коровье? Ведь в течение всей своей жизни человек питается молоком – с какой стати вдруг происходит подмена лучшего на худшее? Почему, подрастая, ребёнок не продолжает питаться женским молоком? Пусть не материнским, пусть не из соска, но от кормилицы, или бутылочным, но женским. Раньше были чисто технические трудности в налаживании массового производства женского молока, теперь необходимость вынуждала вернуться к истинному, кардинальному решению молочной проблемы.

«Млечный Путь» – так решил назвать своё молочное предприятие Джордж.

Джордж рассказал о своей идее жене, которая всегда была в курсе его дел и часто давала ему полезные советы. Она спросила его:

– Хочешь, чтобы я поучаствовала далее в этом эксперименте? Ты, как всякий настоящий экспериментатор, успешно испробовал эту идею на себе. Но женщина – это главный компонент твоего замысла, так что и я должна испытать эту идею в полной мере. Ведь если моё молоко так подействовало на тебя, вовсе не обязательно, что оно так же благотворно подействует на других.

Джордж понимал, что необходимо проверить эту идею со всех сторон. Для представительности эксперимента они решили, что в нём должны принять участие минимум трое: старый человек, молодой мужчина и женщина. Для того, чтобы эксперимент прошёл гладко, по крайней мере со стороны сосущих, они выбрали людей, особо тяжело страдающих: от отсутствия молока. Это не составило труда, поскольку таких людей было много, и с каждым днём их число увеличивалось. Оказалось вполне достаточным сказать этим заболевшим людям, что единственным спасением для них является женское молоко, как они сразу согласились его пить. Когда же им пояснили, что молоко придётся сосать из груди, чтобы эффект от этого лекарства был максимальный, мужчины удивились больше всего, но сильное недомогание резко ослабило их первое сопротивление, а когда они увидели юную и красивую Марго, которая вытаскила свои полные груди, то возможность вылечиться таким способом сразу показалась им вполне реаль-

ной. Женщина-пациент не удивилась вовсе, чутьём она поняла правильность такого метода лечения и, едва Марго села к ней на кровать, сразу жадно присосалась к её груди.

После первых пробных сосательных движений срабатывал младенческий инстинкт, и сосание шло у всех автоматически. Наилучшие результаты были со стариком, то ли оттого, что он впал в детство, то ли оттого, что у него не было зубов и они не мешали, как это было с молодыми, зубастыми. Эффект выздоровления был быстрый и разительный. В женском молоке явно и с лихвой содержались какие-то необходимые вещества, которых перестало хватать человеческому организму, когда он лишился молока коровьего. Оказалось, что человеку необходимо выпивать лишь стакан женского молока раз в три дня, чтобы его здоровье оставалось в норме.

За этим экспериментом последовали другие и не менее успешные – с различными женщинами, – а затем Джордж развернул свою деятельность в полном масштабе.

Джордж разместил объявления, что ищет кормящих матерей, желающих: заработать хорошие деньги. Откликнулось немало желающих:, и он предложил им кормить грудью тяжелобольных. Два аргумента: благородство задачи и щедрая оплата – помогли женщинам легко избавиться от стыда, что, впрочем, и раньше им вполне удавалось даже при наличии одного лишь последнего условия.

Успех с выздоровлением больных был сразу разнесён по стране всеми средствами массовой информации, и количество женщин, желающих стать кормилицами, росло день ото дня. Рука Джорджа их только «направляла, строила в ряды». Он арендовал здания, которые оборудовал под центры кормления грудью. Также он снова запустил в работу заброшенные молочные фабрики, так как большинство оборудования, которое использовалось для обработки коровьего молока, вполне подходило и для работы с женским.

После того, как стали очевидны целебные свойства женского молока, предрассудки, безгласность постепенно исчезли и основная масса населения ринулась его потреблять.

Прежде многие мужчины испытывали отвращение к женскому молоку, тогда как коровье они пили с удовольствием или, во всяком случае, без отвращения. Это противоречие было сродни безгласности мужчин к женским вагинальным выделениям при одновременном сильнейшем стремлении заполнить членом влагалище, а также отвращению к содержимому прямой кишки при любви многих к анальному сексу. Так и здесь: при своей безгласности к женскому молоку, большинство мужчин предпочитало брать в любовницы женщин с большими грудями. Но большие груди – это символ обилия в них молока, и таким образом мужчины возбуждались от символа и отвращались от символизируемого объекта. Однако необходимость молока для выживания быстро сняла это противоречие.

Следующей задачей было сделать женское молоко доступным для каждого, а не только для больных, причём за цену, сравнимую с ценой коровьего.

Попутно стали проводиться медицинские исследования качества женского молока, которое оказалось намного полезнее и целебнее коровьего. Оно так повышало сопротивляемость иммунной системы людей, пьющих его, что большинство болезней стало сходиться на нет. Целебный эффект был наиболее сильным от парного молока. Если раньше люди съезжались к целебным водным источникам, то теперь люди съезжались на женские фермы, где они могли приникнуть к целительным соскам. Подобно младенцам, которые, как правило, не болеют, пока мать кормит их грудью, взрослые, присасываясь к женской молочной груди, обретали небывалую стойкость к болезням.

Очевидно, что целебные свойства молока отличались у разных женщин. Поэтому стали возникать легенды и слухи о суперцелебных качествах молока у той или иной кормилицы, и люди устремлялись к ней. Молоко такой женщины резко повышалось в цене, и она быстро богатели. Учёные старательно развеивали подобные слухи, чтобы не возникало ажиотажа. Они регулярно брали пробы молока у всех женщин, и данные по жирности, химическому и про-

чему составу появлялись на специальном мониторе, установленном над рабочим местом каждой профессиональной кормилицы.

Само собой разумеется, что часть денег от любого кормления поступала Джорджу, и его богатство становилось фантастическим.

В результате развития женско-молочной промышленности установилось три формы потребления женского молока: из груди сосанием, питиём парного, которое стали ласково звать «парнухой», и консервированного. Сосание из груди было самым эффективным, хотя, казалось бы, только что сцеженное, ещё тёплое молоко должно было производить тот же эффект. Но тут вступало в силу влияние контакта с грудью: сосательный рефлекс, животворно вспоминавшийся из детства, ощущение горячей женско-материнской плоти, нежность и нужность процесса – всё это давало дополнительный позитивный психологический заряд. Сосущие сосуществовали в более прочном мире и в более крепкой дружбе.

Естественно, что в первую очередь женщинам подносились их собственные младенцы, а затем – чужие. Ерудным детям, если им не хватало материнского молока, груди предоставлялись бесплатно и без всяких ограничений.

Для экономии времени женщина кормила двух людей сразу. Она полулежала на специально сконструированной высокой кровати, а к ней с каждой стороны подсаживались сосуны. Сиденья располагались ниже уровня кровати так, что грудь оказывалась на уровне рта сосущих.

Молочные женщины на фермах доились по пять раз в день – среди них были стационарные, постоянно живущие на ферме, а были и приходящие: подоятся и уходят домой. Некоторые женщины приходили лишь время от времени, чтобы сдать молоко и подзаработать.

Неудивительно, что кормящие женщины вскоре стали самыми популярными и чтимыми в обществе, а карьера кормилицы – наиболее желанной для женщин. Она обеспечивала беззаботную жизнь, наполненную наслаждениями, а также гордостью за общественно полезную деятельность – это вполне устраивало женщин, лишённых интеллектуального честолюбия, а таковых было, по счастью, большинство.

Однако оставались женщины, которые не хотели посвящать свою жизнь производству молока и кормлению, они делали карьеру в науке, искусстве и кормили только собственных детей, если те у них были. Таких не кормящих женщин стали называть «мясными», в отличие от кормящих – «молочных».

Очевидно, что кормилицы и сами нуждались в молоке, и не только для поддержания собственного здоровья, а также для усиления работы своих молочных желёз.

Женщинам-кормилицам давали специальную еду и лекарства, которые стимулировали производство молока. Кроме того, им необходимо было потреблять много жидкости, и поэтому они почти постоянно что-либо пили, подобно тому, как коровы – жевали. Над рабочим местом кормилицы располагалось с десяток трубочек, из которых можно было пить всё: от прохладительных напитков и соков до пива и вина. Крепкие напитки были запрещены, потому что произошло несколько несчастных случаев, когда взрослые сосуны, напившись молока с высоким содержанием алкоголя, возвращаясь с ферм, попадали в автомобильные аварии.

В перерывах между кормлениями женщины получали необходимую дозу молока друг у друга, чтобы производство молока не прекращалось.

Некоторые из них пытались пить собственное молоко, но оно не влияло так благотворно, как чужое. Поэтому кормилицы объединялись в группы и подкармливали друг друга.

Чтобы сэкономить время, кормилицы создавали «кольца»: пока одна сосала грудь у другой, третья сосала грудь у первой и т. д. Часто не обходилось без сексуальных контактов, но они вовсе не были обязательными, хотя свободно допускались.

Соски у постоянно кормящих женщин становились такими длинными и утолщёнными, что для них приходилось делать специальные лифчики с мешочком на месте соска, чтобы ему было куда деться, особенно во время эрекции. У молочных женщин сосок в состоянии эрек-

пии становился таким большим, что некоторые использовали его в качестве мужского члена в интимных отношениях с подругами-кормилицами. Женщина, в которую вставлялся такой сосок, давала знак, и женщина, владелица соска-члена, нажимала на грудь, чтобы из соска изверглась струя молока, которая хотя и не оплодотворяла, но давала радостное ощущение наполняемости спермой.

Необходимость пить молоко другой женщины для поддержания производства собственного, сблизил многих женщин, раскрепостила их тягу друг к другу. Конечно, не все женщины предпочитали сосать друг у друга грудь. Некоторые пили молоко с отвращением, но всё-таки пили, если хотели продлить свою способность кормить молоком своих детей, мужей, любовников, родственников. Часть женщин потребляла консервированное женское молоко. Однако профессиональные молочные женщины не ведали отвращения и пили, сосали своих подруг, как спортсмен пьёт специальные напитки, необходимые для повышения уровня его энергии и достижения лучших результатов на соревнованиях.

Многие профессиональные кормилицы испытывали череду оргазмов при кормлении, и потому весь рабочий день они проводили в наслаждении. Они и впрямь превращались в подобие коров: с мутными глазами, малоподвижные, мычащие в момент наступления оргазма. Кормилицы смотрели поверх голов сосущих, и, казалось, им было безразлично, кто сосёт, мужчина ли, женщина ли, лишь бы сосали долго и не останавливаясь.

Кормление грудью стало использоваться как самое безопасное противозачаточное средство. Так как доступ к этому средству женщина получала только через деторождение, то у неё был стимул родить хотя бы раз, чтобы обрести способность к лактации и, следовательно, к стерильности.

Наступила пора, когда большинство женщин наконец вышло из экономической зависимости от мужчин и могло содержать себя без всякого труда. Конечно, при условии, что у них было достаточно молока. Поскольку большинство женщин стало кормилицами, так называемые «мясные» женщины легко и без конкуренции находили возможность применить свои интеллектуальные таланты и тоже приобрели полную экономическую независимость.

Вследствие постоянного кормления, размер груди у большинства женщин резко вырос. Многие не могли передвигаться без специального корсета, потому что спина их не выдерживала тяжести грудей.

Как всегда, нашлись противники новой жизни, а именно: женских молочных ферм и самого женского молока. Эти люди, называвшие себя Коровниками, выступали за воспроизводство коровьих стад из оставшихся считанных экземпляров после эпидемии. Такую позицию им позволила занять их редкая конституция организма, который прекрасно справлялся с полным отсутствием любого молока. По извечной схеме всех фанатиков Коровники предпочитали болезни и гибель остальных людей, аморальной, по их пониманию, жизни. Они утверждали, что потребление женского молока является формой каннибализма, поскольку поедается часть женщины. Молоко, не будучи высосанным или сцеженным, перегорает, то есть остаётся в женщине – оно вовсе не испражнения, которые необходимо выводить. В этом смысле молоко (как и кровь) является частью организма женщины. Иными словами, женское молоко может остаться в теле женщины и рассосаться и таким образом продолжать быть его частью. Коровники также возражали против кормления младенцев материнским молоком и настаивали на том, чтобы их кормили искусственной молочной смесью.

Следует признать, что простота для индивидуума и в то же время трудность для общества в возникшей необходимости сосания женской груди состояли в том, что грудь является эрогенной зоной. Желание женщины кормить грудью стимулируется удовольствием, которое она получает от сосания. Оно подобно наслаждению, возникающему при сосании в процессе сексуальных ласк груди, в которой может и не быть молока. Старое выражение «Дитя, сосущее грудь, лукаво» как раз и намекает на присутствие наслаждения при кормлении. Всё бы

и прекрасно: стимулом для кормления ребёнка является наслаждение, испытываемое кормящей, – что можно придумать умнее? Но христианство, да и всякое другое массовое умопомрачение, ополчающееся против наслаждения, прежде всего требует прятать грудь, считая её постыдной. А значит, и кормление грудью должно быть также постыдным и скрываться от глаз общественности – однако такой подход стал невозможен при повсеместном потреблении женского молока.

Сексуальный характер кормления делал прекрасным этот процесс не только для кормилиц и для сосущих. Он стал приемлемым и для всего общества, так как это удовольствие связалось с необходимостью выживания. Подобно тому, как и необходимость размножения делала совокупление допустимым для христианства, но не в той мере, чтобы перестать против него отчаянно бороться.

Потерпев поражение в попытках запретить кормление грудью, Коровники пошли кружным путём: они активно спонсировали научные разработки по искусственному разведению коров. Но рождались коровы, давали молоко, а люди, отвыкнув от него, присосались к женщинам, и становилось просто коммерчески невыгодно заниматься молочным скотоводством.

Вместе с тем рост количества молочных женщин обернулся опасной для людей стороной. Оттого что множество женщин стали кормилицами, рождаемость резко упала из-за стерильности многих женщин в период кормления. Женщины рождали по одному ребёнку, чтобы запустить процесс производства молока в своём организме, а потом беспрерывно кормили грудью.

Но если женщины только сцеживали молоко и никому не давали сосать, то выделение молока у них прекращалось. Поэтому те женщины, которые избирали карьеру кормилицы, молоко сцеживали лишь понемножку и в основном давали сосать грудь, а это было неэффективно с точки зрения массового производства молока. Вот почему вскоре изобрели автодоилки, которые точно воспроизводили людские сосательные движения. Для женщин, что не хотели иметь контакта с живыми потребителями, это решение было идеальным. Они поселялись на фермах, заключая контракты на определённые сроки, и там ежедневно по нескольку раз в день их доили с помощью автодоилок. Женщины располагались на кроватях и блаженствовали. Большинству женщин автодоилки давали гораздо больше наслаждения, чем сосущие люди, – у доилок не было зубов, которые могли укусить, или грубых движений, приносящих боль. Предпочтение автодоилок перекликалось у женщин с их любовью к вибраторам. Более того, по просьбе женщин им выдавались вибраторы, которые многие любили использовать одновременно с работающими автодоилками.

Многие мужчины, получая свой молочный рацион, пытались «убить двух зайцев»: пососать молока и одновременно утолить свои сексуальные желания с кормилицей. Поэтому проституция стала маскироваться под рекламой кормилиц, открыто предлагающих свои груди, а в действительности не только груди. Более того, появилось множество фальшивой рекламы кормилиц, которые были вовсе не «молочными», а «мясными» проститутками и лишь привлекали клиентов своими грудями.

Возникла категория мужчин, которые свихивались на женском молоке. У тех, что сосали молоко и одновременно совокуплялись с кормилицей, образовалась прочная психологическая связь между едой и сексом. То, что и раньше существовало в туманных, малоосознанных формах, стало ясной и неизбежной фиксацией. Еда и половая жизнь для многих мужчин стали неразделимы, и, если одно происходило без другого, возникали болезненные реакции. Были мужчины, которые, совокупляясь с «мясными» женщинами, требовательно прокусывали их груди в поиске желанного молока. Но, так как молока у них: не было, мужчинам приходилось довольствоваться кровью.

Образовалась также категория гурманов, которые предпочитали молоко той или иной женщины или определённого типа женщин. Стала устанавливаться мода на разных кормилиц, так как начинали ходить слухи о специфическом вкусе их молока. Дегустации молока превра-

тились в повод для праздника, во время которого выбиралась «кормилица года», и ей поклонялись, как богине. Чтобы добраться до её сосков, требовалось иметь большие деньги и столь же большие связи.

В каждой семье возникала конкуренция с внешним рынком. Женщина рожала ребёнка и пыталась прокормить молоком всю семью. Однако это удавалось далеко не всякой, да и члены её семьи, особенно мужчины, предпочитали присасываться к чужим женщинам. Молоко одной и той же женщины быстро надоедало – даже во вкусе молока мужчины искали разнообразия.

Находилось немало женщин, которые предпочитали тайно прикармливать чужих; и когда на членов её семьи вдруг переставало хватать молока – разражался скандал с обвинениями в измене. Хотя недостаток молока мог случаться и по другой причине, первые возникали именно ревнивые подозрения, поэтому каждая молочная женщина делала всё возможное, чтобы увеличивать производство своего молока.

В силу того, что мужское половое влечение основано на стремлении к противоположному тому, что имеешь, в обществе возникла мода на женщин с крохотными грудями, среди которых преобладали «мясные» женщины.

Значительное количество мужчин пресытились повсеместными кормилицами, брызгающими им в лицо молоком в качестве заигрывания. Они увлекались «мясными» женщинами, в которых их привлекало отсутствие молока и маленькие груди. Однако «мясные» женщины всегда держали при себе «молочных» подруг для насущного потребления молока, чем неизменно вызывали ревность у своих: возлюбленных.

Играя на этом всемужском влечении, правительство, в большинстве состоящее из Коровников, решило действовать окольным путём. «Коровников» возглавлял Джонни – баснословно богатый сын владельца предприятия «Млечный Путь», с давно обсохшим молоком на губах. Он с раннего детства по очевидным причинам резко ревновал мать к отцу. Более того, у него возникла ненависть к отцу, основанная на убеждении, что тот умышленно морил его голодом, высасывая молоко матери. А когда повзрослевший Джонни узнал, что мать его участвовала в экспериментах и кормила других людей, посчитал, что отец вынудил её на предательство по отношению к своему ребёнку. Подобного рода претензии стали предъявлять своим отцам многие молодые люди – дети кормилиц. Конфликт отцов и детей возникал на том же эдиповом комплексе, но замешенном на материнском молоке.

Тем временем Коровники интенсивно эксплуатировали мужскую тягу к редким «мясным» женщинам, их худобе и безмолочности. Исподволь Коровники пропагандировали и внедряли в подсознание облик «мясных» женщин как образец красоты и сексуальной привлекательности. Для того чтобы компенсировать отсутствие у них молока, Коровники бесплатно раздавали мясным женщинам бутылки с коровьим молоком, к которому те заново приучали своих любовников, да и сами привыкали к нему, отказываясь от личных кормилиц. Сначала возникли секретные ячейки эстетов, которые поклонялись красоте малогрудых, безмолочных женщин и поощряли отвращение к женскому молоку. По известной схеме развития идей тайный культ перерос в открытое элитарное мировоззрение, а затем разросся в общенародную моду, вскоре ставшую нравственной нормой.

В то же время гайки морали закручивались всё сильнее, и грудь женщины, а тем более её молоко стали символом позора и стыда. Дошло до того, что кормление грудью младенцев стало предосудительным, и для обоснованности преследования «молочных» женщин кормление грудью объявили вредным для здоровья матери и младенца. Утверждалось, что только искусственное кормление полезно для обоих. На матерей стали оказывать всяческое давление, чтобы они отрывали младенцев от груди и вместо соска вставляли им соску с коровьим молоком.

«Коровникам» удалось-таки возродить коровьи стада, а там и людскую привычку к коровьему молоку. Снятому и обезжиренному.

Женщины поддались сексуальным предпочтениям мужчин, и количество кормилиц резко уменьшилось, что вызвало дополнительный спрос на коровье молоко. Эталоном красоты стали тощие женщины с еле различимой грудью, пользоваться которой для кормления считалось безнравственным. Редкие мужчины предавались тайному пороку сосания женской молочной груди, а преданные матери, прячась ото всех, прикармливали своих детей грудью.

Как и предрекалось, красота спасла-таки мир. От женского молока.

Любимое дело

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2000. № 19.

С одной стороны, ей и ему хотелось разнообразия. С другой стороны, не менее важной, Дженнифер и Джорджу нужны были деньги. Часто размышляли они вслух, как соединить вместе две стороны одной медали. Да чтобы она была из чистого золота. Джордж придумал. Дженнифер одобрила. А быть может, и наоборот. Обсудили возможные варианты. Детали и общее. Осталось воплотить. В плоть. В её плоть.

Они оделись в нарядное. Она сверкала. Он светился. О, как Дженнифер была красива! А как Джордж был хорош! Она не отпускала его руку. И заглядывала Джорджу в глаза. Он прижимал её к себе. Они предвкушали.

Вошли в одну из лучших гостиниц города. Направились прямо в бар. Там, как всегда, сплошные мужчины: бизнесмены, отцы семейств, владельцы, менеджеры. Возрасты на выбор лет с тридцати и выше. Торчали две некрасивые женщины, окуренные со всех сторон мужчинами. Ибо лучше не было, а что было – лучше, чем ничего.

Несмотря на полумрак, все мужчины разом выхватили из него глазами Дженнифер. Её светлая кожа и солнечные волосы заставили головы повернуться или по меньшей мере вынули глаза скоситься. Мужчины её мысленно облизали. Две женщины одарили её взглядом, ревниво оплевав. А в Джорджа некрасаицы всматривались жадно и слгатывали слюну.

Чарующая пара села за столик неподалёку от бара.

Как и договорились, Джордж и Дженнифер стали шарить глазами по мужским фигурам и лицам в поисках достойного.

Официант принёс её любимое Chardonnay. Джордж заказал сок, чтобы не поддаваться алкоголю.

– Как тебе тот, у стойки, разговаривающий с барменом? – спросил он.

– Можно. Но лучше другой, что с полуседой шевелюрой.

– Желание дамы – закон.

Они ещё повыбирали, но вернулись к её первому.

– Ну, с богом, – напутствовала Джорджа его возлюбленная.

Дж и Дж, как они себя стали называть, познакомились на лекции по мотивации, на которую их послали фирмы, где они работали. Сами бы они никогда не пошли на это поистине религиозное мероприятие, заполненное нездоровым энтузиазмом, сомнительными примерами чудес индивидуального обогащения и дурно скрываемыми усилиями лектора продать слушателям видео– и аудиокассеты с навечно запечатлённым, а следовательно, ещё более нездоровым энтузиазмом.

Джордж и Дженнифер сидели в соседних рядах и сразу обратили внимание друг на друга. С радостью заметив, что каждый из них скучает, в отличие от входящих в раж слушателей, они улыбнулись друг другу и в перерыве решили сбежать с лекции. Убежищем оказался номер в том же отеле, где проходило мероприятие.

Заполнив тремя щедрыми порциями спермы три восхитительных отверстия Дженнифер и гарантировав языком, что Дженнифер получила свою долю божественных судорог, Джордж со спокойной совестью принялся за речевое общение:

– Единственный трюизм в этой лекции, который наводит меня на размышления, это: «Найди в своей жизни любимое дело, отдайся ему целиком и построй это дело так, чтобы получать за него деньги».

– Ты нашёл своё любимое дело? – поинтересовалась Дженнифер со счастливым лицом женщины, испытавшей многократный оргазм.

– Давным-давно, – не задумываясь отозвался Джордж с лицом мужчины, выполнившим сладостный долг перед очередной представительницей рода, перед которым он всегда чувствует себя в неоплатном долгу.

– Не будет ли нескромным с моей стороны спросить, что же это за любимое дело? – кокетливо выясняла Дженнифер, играя пальцами с его членом.

– Нескромным? – переспросил Джордж, скосив глаза на её пальцы. – А что это слово значит?

Они рассмеялись, и Джордж вернулся к поставленному вопросу:

– Моё любимое дело – приносить наслаждение женщинам. Хорошее определение?

– О, мой бескорыстный джентльмен! – прильнула к нему Дженнифер.

– Ошибаешься, в этом моя корысть как мужика. А ты нашла своё любимое дело? – спросил Джордж.

– Конечно, – с готовностью откликнулась его возлюбленная, – приносить наслаждение мужчинам.

– Что ж, полдела сделано. Но разве мы отдались этому делу целиком? – торжественно обратил Джордж к себе и к Дженнифер основополагающий вопрос.

Они опять рассмеялись, тем самым показывая, что делают всё, что на данный момент могут, но ещё не всё, что возможно. Однако нужно уже было дойти до конца этого провозглашённого канона жизни. И они поразмышляли о том, как это любимое дело построить так, чтобы получать за служение ему деньги. И вот через месяц страстных встреч они оказались на пороге первой денежной попытки.

Джордж встал из-за стола и направился к их жертве-счастливчику: типичному успешному бизнесмену лет под сорок. Стройному, самоуверенному, крепколицему.

Джордж подсел к нему на стул у бара, держа в руках свой бокал с соком.

– Хелло, – окликнул он его.

Мужчина повернулся к нему с коньячной рюмкой, держа её у губ, – он завершил глоток и отвёл рюмку.

– Хелло, – ответил он выжидательно. На его пальце торжествовало обручальное кольцо. Он подпадал и под минимальный критерий безопасности.

Джордж протянул руку и назвал своё имя.

– Роберт, – с улыбкой пожал тот его руку. – Мы где-то встречались?

Он тщетно напрягал свою память, всматриваясь в Джорджа.

– Мы уже встретились, сию минуту. Вы остановились в этом отеле?

– Да. – Роберт улыбнулся, видно, принимая Джорджа за чуть подвыпившего весельчака.

Джордж продолжил:

– Моя возлюбленная послала меня поприветствовать вас, вы показались ей знакомым.

На его вопросительный взгляд – где она? – Джордж указал на Дженнифер, сидящую за столиком и смотрящую на Роберта мимо подошедшего к ней мужчины, который пытался познакомиться.

– Такую красивую женщину нельзя оставлять в одиночестве, – заметил Роберт и помахал ей рукой. Мужчина, отшитый Дженнифер, отошёл от неё, а она улыбнулась, сверкнув в полумраке великолепными зубами.

– Роберт, что бы вы отдали за приключение с такой женщиной?

Роберт отвёл взгляд от Дженнифер и внимательно посмотрел Джорджу в глаза:

– Я надеюсь, что у вас, Джордж, есть полномочия вести такой разговор.

– Можете не сомневаться.

– Не будет ли тогда более удобным сесть к ней за столик и обсудить это вместе?

– Нет, все обсуждения надо вести со мной. Тэмми не любит разговоров.

Дж и Дж договорились, что не будут раскрывать её настоящего имени. Кроме того, Джордж хотел выдать из него сам как можно больше, а потом уже использовать чары Дженнифер, чтобы добавить ещё.

– Что же вы предлагаете? – спросил Роберт.

– Всё, что вы пожелаете.

– Сколько это «всё» будет стоить?

– Две тысячи.

Бизнесмен посмотрел пристально на Дженнифер, а потом на Джорджа.

– Как это «всё» будет происходить?

– Мы с Тэмми придём в ваш номер в гости.

– Мы? Вы тоже?

– Да. Мы с Тэмми никогда не расстаёмся в любви, мы просто позволим разделить вам наши радости.

– Тогда вы должны платить мне, – заулыбался Роберт.

Джордж встал со стула, показывая, что он готов уйти.

– Подождите, Джордж. Я пошутил. Я предлагаю пятьсот.

Джордж снова сел за стойку.

– Мы собираемся быть у вас не торопясь, часа два-три. Тысяча восемьсот – ради первого знакомства.

– Тысяча, не больше.

– Пойдём за столик к Тэмми, – предложил Джордж, справедливо полагая, что теперь вблизи с ней соискатель должен уступить ещё.

– Тэмми, это Роберт, – представил его Джордж, чуть было не назвав её настоящее имя.

– Здравствуй, Роберт, – улыбнулась она своей действительно обворожительной улыбкой. – Это я выбрала вас.

Джордж между тем думал, как бы не увлечься ситуацией и не забыть о деле. Он видел, что Дженнифер захотелось Роберта, а нужно было продолжать торговлю. Джордж напоминающе нажал под столиком ногой на её ногу.

– Роберт почему-то не ценит время с тобой по достоинству.

Роберт взял руку Дженнифер в свою и целовал её пальцы, поглядывая на Джорджа. Она опустила другую руку под стол и погладила его вздувшуюся ширинку.

– Тысяча пятьсот, – сказал Роберт сквозь пальцы Дженнифер.

Дж и Дж одобритительно переглянулись.

– Договорились, – завершил сделку Джордж.

Они направились из бара к лифту. В лифте были двое мужчин, слюнявивших глазами Дженнифер. Все молчали. Впервые при ярком свете они разглядывали друг друга. Роберт был хорошим уловом. Дорогой костюм на ладном теле, умная голова с мужественными чертами лица. Его глаза пылали. Дженнифер уставилась в этот огонь и лишь иногда взглядывала на Джорджа с лёгким извинением за свою страсть. Джордж поощрительно улыбался.

Номер оказался на тридцатом этаже с прекрасным видом на светящиеся изнутри небоскрёбы.

Чуть дверь номера щёлкнула за ними, Роберт обнял Дженнифер за талию и нацелился было на поцелуй.

– Прошу прощения, – остановил Роберта Джордж, взяв его за плечо, – давайте сначала закончим деловую часть.

– Хорошо, – сразу согласился Роберт, ушёл быстрым шагом в спальню и вернулся.

– У меня наличными есть только тысяча, остальное я выпишу чеком, на чьё имя?

Джордж дал ему своё имя, и Роберт нетерпеливой рукой выписал чек и отсчитал ему десять сотенных.

«Даже если он отменит потом чек, тысяча – это тоже неплохо», – подумал Джордж и спрятал деньги и чек во внутренний пиджачный карман, что был на молнии.

Роберт повёл Дженнифер в спальню, и Джордж последовал за ними.

Дженнифер раздевала нового возлюбленного, он – её, Джордж – сам себя.

Через десять секунд все были голые.

Дженнифер, как всегда, взяла инициативу, положила Роберта на спину, взяла в рот его красивый член, облизала его до нужной кондиции и забралась на него. Джордж сидел сзади и держал её за зад, разводя в стороны ягодичы, видя, как жадно углубился член Роберта меж её сочащихся губ. Джордж привстал, его поджидал её дышащий сфинктер. От их регулярных радостей у неё в анусе заработали железы смазки, подобные вагинальным. Джордж плавно углубился в Дженнифер, ощущая движение Роберта через чрезвычайно тонкую стенку. Он сравнивал, шутя, её толщину с толщиной презерватива, настолько чётко ощущалась шейка её матки или член другого мужчины.

По движениям и стонам Дженнифер Джордж знал, когда надо кончить, чтобы принести ей максимальное наслаждение, – она любила, чтобы кончали в неё за две-три секунды до её оргазма, чтобы семя было уже в ней и её спазмы всасывали его. Кроме того, ощущения мужских спазм были для неё верхом возбуждения, которые сталкивали в неотвратимость собственного оргазма.

Она уже давала Джорджу знать, стелая и глубоко насаживаясь, что уже – скоро. Но тут Роберт оторвался от рта Дженнифер, приостановил свои движения и сказал:

– Сладкая моя, я хочу поменяться с Джорджем местами.

«Что ж – подумали Джордж с Дженнифер, – раз клиент просит...»

Роберт вывернулся из-под Дженнифер, оставшейся стоять на четвереньках, а Джордж посторонился и уступил ему место. Джордж смотрел, как Роберт умело вдавливая член в радостно расступающийся сфинктер. Джордж полез было на место Роберта, под Дженнифер, чтобы не оставлять её недозаполненной.

– Джордж, – сказал Роберт, – а ты еби в зад меня.

Это было для Джорджа неожиданностью, ибо он никогда раньше не делал этого. Но и здесь он понял, что надо выполнять желание клиента. Да и всё когда-то случается в первый раз, а это не самый худший вариант. Джорджа к тому же разобрало любопытство: сравнить ощущения в женском и мужском зад.

Роберт медленно двигался в Дженнифер, а Джордж подступился к нему сзади – чуть волосатые ягодичы, раскрыл их, как женщине, и там, среди волос, светилось нечто, делающее мужчину и женщину почти неразличимыми. Роберт приостановил свои движения, позволяя Джорджу углубиться в него. У него ещё не заработали смазочные железы, и Джордж поспешил свой член. Когда он углубился до упора, Роберт возобновил медленные движения, к которым Джордж приравнял свои. Двигались в такт. Джордж держал его за бёдра, непривычно узкие, радуясь, что всем им так хорошо да ещё деньги за это в кармане.

Джордж от новых ощущений чувствовал, что долго не выдержит, дал знать Дженнифер стоном приближение и задвинул в Роберта всё, что скопилось. Роберт с лёгким стоном тоже кончил, сжимая член Джорджа анусом значительно сильнее, чем женщины. Мышцы и здесь оказались сильнее у мужчины. За Робертом, как последнее выстроенное в ряд домино, ухнула в оргазм Дженнифер.

«Совсем неплохо для первого раза», – подумал Джордж, и Дженнифер потом поделилась с ним, что эта же мысль посетила её сразу после последней спазмы.

Они расцепились и легли – Дженнифер лежала между мужчинами. Её подмышка пахла сладким потом похоти, который переборол даже дезодорант.

– Теперь ты, Тэмми, соси его хуй, а ты, Джордж, соси мой, – скомандовал Роберт и добавил: – Ничего не смывая.

Помедлив мгновение, необходимое для осознанности выполнения приказа, Дженнифер проглотила хуй Джорджа, побывавший в задке нового любовника, потому что это хуй любимого, а на нём всё желанно, тем более от пришедшегося по вкусу любовника, а Джордж облизывал его хуй, потому что он побывал в глубинах Дженнифер, а они облагораживают любой предмет, в них погружавшийся, тем более первый для Джорджа хуй, оказавшийся вполне уместным во рту.

Они образовали кольцо и долго не хотели его разрывать мужским оргазмом. Роберт в этом кольце замкнулся на клитор Дженнифер, а он приводил её к оргазму многократно. Дженнифер знала, как ублажать Джорджа, и всё это вводило её в особый раж, обострявший её мастерство. Оргазм начался у Джорджа и пронёсся по кольцу. Ему в рот плеснуло семя, и он, как птица, несущая червя птенцу, донёс почти всё до рта Дженнифер, и она в страстном поцелуе под влиянием очередного оргазма сглотнула всё и вылизала язык Джорджа.

Организм наслаждения разделился на три части. И они лежали в восторженной прострации.

– Неплохо поработали, – сказал Роберт. – Мне завтра рано вставать, и нам пора расставаться. Я приезжаю сюда раз в две недели, и, надеюсь, мы сможем встретиться снова.

Заставлять Дж и Дж не пришлось, они быстро оделись, Роберт поцеловал Дженнифер в губы, а Джорджа в щёку.

– Дай мне твой телефон, – попросил Роберт Джорджа.

Тот продиктовал.

Когда они садились в машину, Дженнифер сказала:

– Не знаю, как тебе, а мне очень всё понравилось: и сладко было, и полезно.

– Да, – согласился Джордж – первый блин вышел настоящим трёхслойным тортом. – И они поцеловались.

– Но ты допустил ошибку, – сказала ему Дженнифер, отстраняясь, – нужно было взять с него дополнительные деньги за то, что ты его ублажал.

– Ты права, в следующий раз не оплошаю. Поехали, вложим чек в банк, чтобы, чего доброго, он не отменил его назавтра, – предложил Джордж.

– Давай. Рента на этот месяц и еда – оплачены. Теперь можно и об удовольствиях подумать, – радостно подытожила Дженнифер.

– Когда снова пойдём на охоту? – спросил Джордж.

– Завтра, – ответила Дженнифер и положила голову на плечо Джорджу.

Через неделю Роберт позвонил Джорджу договориться о встрече в его близящийся приезд. Он останавливался в том же отеле.

– Видишь ли, – начал корректировать финансовые условия Джордж, – в прошлый раз я тебя ублажал сверх нашей договорённости. Так что, если ты хочешь, чтоб я к тебе подключился, это будет на тыщу больше.

– А ты приходи без Тэмми, – услышал Джордж в трубке.

– Как без Тэмми?

– А так – ты меня интересуешь больше, чем она.

– Мне нужно подумать, – проговорил опешивший Джордж.

– А чего думать – ты свою тыщу получишь.

– Хорошо, – быстро согласился он – слишком легко шла в руки эта тысяча. «Определение „любимого дела“, – подумал Джордж, – теперь надо будет расширить».

Поэтические предпочтения

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2000. № 24.

Странные влечения были у этого Поэта, такие же, казалось бы, взаимоисключающие, как и его поэтический талант и баснословное богатство, полученное им в наследство.

Поэта сего влекли чрезмерно толстые женщины, тогда как время он проводил со стройнотелыми красавицами. Как известный человек, ведущий светскую жизнь, он был постоянно на виду, и ему приходилось для сохранения приличий появляться в обществе только с элегантными и красивыми женщинами.

С толстыми, а часто и вообще с бесформенными женщинами он встречался тайно.

Руки, губы, и всё, чем Поэт мог пробовать женщину на ощупь, требовали обилия плоти, а общаться ему приходилось с тонконогими, сухопарыми манекенщицами. Во всяком случае, такими они ему представлялись по сравнению с теми, желанными.

Кроме того, его любовная лирика, обращённая к женщинам, подразумевала в героинях красавиц, как полагали читатели и критики. Если бы вдруг стало известно о Поэтовых предпочтениях, то его поклонники, а особенно поклонницы, могли не только разочароваться в нём, но и даже возненавидеть.

Когда в двадцатилетнем возрасте Поэт впервые осознал своё влечение, то поначалу он облюбовывал и облюбливал просто полных женщин, потом – уже откровенно толстых, а затем стал искать только таких, плоть у которых была буквально необъятной.

Но странное дело – когда он добывал себе толстых женщин, то, колыхаясь на них, он в мечтах представлял себе стройную любовницу, а когда он проводил время со стройной женщиной, ему всегда не хватало её плоти, чтобы чувствовать себя полностью в неё погружённым.

Ли была женщиной высокого роста и носила свободную широкую одежду, которая, как она была уверена, скрывала её огромное тело. Лицо Ли было хотя одутловатым, но красивым, и это было для Поэта необходимой принадлежностью обильной женской плоти.

Поэт познакомился с ней в небесах. Вернее, в самолёте, где они сидели в широких креслах первого класса, а Ли даже в такое кресло помещалась с великим трудом и поэтому большую часть полёта стояла. Когда они приземлились, она уже была готова выполнить все земные желания Поэта.

Обыкновенно женщину встречают по лицу, а провожают по насыщению её телом. Уродливое лицо нередко может оказаться существенным препятствием для эстетически чувствительных мужчин, среди которых не последнее место занимают поэты. Посему, чтобы не оскорбить своего чувства красоты, мужчины, бывало, укрывали некрасивое лицо женщины задранной юбкой, тряпкой, одевали ей на голову мешок или совершали священнодействие в темноте – и всё для того, чтобы отталкивающее лицо не портило пейзаж прикладных частей женского тела.

Нередко инициатива прикрытия лица исходила от самокритичной женщины, которая предлагала: «Хочешь, лицо прикрою?» Такой честный порыв мог возникнуть у женщины только от страстного желания заработать или бесплатно отблагодарить своим телом.

Размышляя над своими влечениями, Поэт пришёл к выводу, что когда лицо прикрыто, его как бы и нет, но зато беспрепятственно раскрывается панорама с глубоким и влажным ущельем или предстаёт портрет «губки бантиком» ануса. В процессе падения в ущелье или в момент, когда анус под давлением перестаёт быть молчаливой точкой и произносит букву «о», можно себе навообразить любое красивое лицо. Главное, чтобы хую было сладко, тогда и тебе всему сладко будет. Взор твой видит роскошествующую пизду, мягкий живот с точным центром пупка, лобок разнообразной густоты и цвета и хуй, утопленный в блаженстве, выле-

зающий как бы сделать вдох и снова ныряющий во влагище ли, в прямую ли кишку, в коих бы ему попеременно жить да поживать и горя снаружи не видеть.

Но на этот раз всё перевернулось не с ног на голову, а с головы на живот. Ли была красавицей. Лицом. Годов ей было двадцать три. Голубые глаза, густые каштановые волосы, налитые губы, всегда готовый лизать язык. Ли предупредила Поэта о своей необычной толщине перед первым раздеванием. На что он ответил: «Я люблю полных женщин, исходя из простого и очевидного принципа: чем больше у женщины плоти, тем больше самой женщины».

Однако, когда Ли сняла с себя одежду, её красивое лицо перестало притягивать Поэтин взгляд и не потому, что он увидел пизду, а потому, что он её не увидел. Вернее, он её увидел позже, но с трудом. А дело обстояло так: взору Поэта открылось тело, не похожее на человеческое, это были огромные куски бесформенного мяса, которые начинались сразу под грудью и спадали вниз. Сама грудь неузнаваемо терялась в грудях мяса, которые сразу под ней возникали в форме не связанных друг с другом кучек, холмиков и горок. Соски с трудом можно было рассмотреть в огромных складках, которые вовсе не выглядели грудями, но, разглядев, только по соскам становилось понятно, что это – молочные железы.

Посередине живота проходила вертикальная складка, разделяющая левый и правый массив мяса. Пупка не было. Лобок был скрыт провисающим мясом, которое прятало бёдра и доходило чуть ли не до ляжек, как мини-юбка. Поэту пришлось задрать эту «юбочку» на живот, чтобы открылся лобок и в раздвинутых ногах замаячила знакомая суть, не тронутая творщимся выше уродством и лишь перекликающаяся с красотой лица.

Выстраивались две вехи красоты, между которыми торжествовало уродство. Теперь Поэт старался не отрывать глаз от лица Ли, пока распоряжался хуем так, чтобы он вошёл в исправно влажное отверстие под глыбами мяса. Когда проникновение состоялось и хуй почувствовал себя как дома, торс поэта кое-как укрыл собой мясные глыбы под ним, но они вылезали по сторонам, а красивое, вошедшее в блаженство лицо сияло перед поэтическими глазами. На краткие мгновенья всё стало прекрасным.

Когда любовники очнулись, Поэт решился спросить Ли, что такое с ней случилось, произошло или приключилось, что сделало её столь плотеобильной. Ответ её был медицински чётко: Ли родилась с кишками наружу, и ей была сделана операция по вкладыванию их вовнутрь живота. Возможно, эта операция нарушила процесс размножения клеток, и они стали плодиться беспорядочно, в основном на территории груди и живота. Ноги и руки тоже отозвались на это нарушение, и с них волнами свешивалось мясо. Создавалось впечатление, что мышцы отказались работать и плоть болтается как попало. Однако Ли весьма резво для своих размеров могла двигать всеми конечностями.

Поэт пытался унять своё потрясение и переводил глаза от живота к лицу, но взгляд снова возвращался на живот. «Неужели уродство влечёт нас не менее сильно, чем красота?» – спрашивал он себя.

Как бы там ни было, но красота и уродство в данном случае сосуществовали бок о бок, а точнее – лицо о торс.

Ли наблюдала за Поэтом спокойно – с ней уже случалось так, что, когда мужчины отчаянно на неё стремились, как только она обнажалась, у них отвисали челюсти, обвисали члены и ужаснувшиеся мужчины в отвращении стушёвывались, пренебрегнув зияющей пиздой, которой Ли стремилась их привлечь, задирая кверху свисающее над лобком мясо. Получалось нечто противоположное ожидаемому – вожденная нагота женского тела не соблазняла, не влекла, а отталкивала.

Лишь один раз Ли удалось в полумраке обмануть мужчину и, не раздеваясь, задрать платье, но не слишком высоко, а лишь для того, чтобы открыть доступ ко влагищу. Она умудрилась под платьем подтянуть вверх мясную «юбочку», и мужчина впопыхах справил своё

дело. Но когда он всё-таки разобрался, что к чему, он убежал так же резво, как и его предшественники.

Поэт же оказался стойким. После первого шока, который был связан больше с ошеломлением, чем с отвращением – ведь в чрезмерную женскую плоть он всегда стремился, – Поэт оправился достаточно быстро. Для отдохновения глаз он попросил Ли перевернуться на живот, чтобы не видеть его. Но и спина была покрыта громадными сгустками плоти. Зад же у Ли был вполне красив, как её лицо, и анус жадно вбирал Поэтов хуй. Но в стороны от ягодич, на уровне, где должна была быть талия, расплывалось мясо, и зад напоминал желток в глазунье, красующийся в растёкшемся белке, хотя, разумеется, был не жёлт, а вполне достойного цвета.

Поэт старался смотреть не на окружение, а лишь в жирную точку ануса. Подобное он научился производить и с пиздой – только ею радовался глаз, и потому он вычленил её из тела, по возможности пренебрегая уродливой оправой.

Ли напоминала русалку по тому разочарованию, которое она в себе таила – женщина с отталкивающим телом, к которому влечёт красота её лица. Но благодаря всё-таки наличию двух отверстий Ли была прекраснее любой русалки.

Отправляясь на тайную встречу с Ли, Поэт грезил только этими двумя отверстиями в её необозримом теле. А на обратном пути, потеряв к ним интерес, он размышлял об отвратности остальной её плоти. Но через некоторое время желание возвращалось, и бесформенность мяса начинала даже увлекать Поэта – он говорил себе, что получил то, о чём мечтал: обилие женской плоти, но собранное в кучу.

Что же касается Ли, то она была безмерно счастлива, ибо нашла-таки любовника, да ещё богатого, да ещё Поэта. Хотя за последнее ей пришлось в итоге пострадать, правда хеппиэндно. Ведь всякий поэт по сути своей обладает бурной фантазией, и Поэт, о котором идёт повествование, не был исключением. А фантазии влекут нас жить.

Углубившись в Ли и созерцая её мясо, обхватывая его руками и как бы сгребая к центру, будто это поднимающееся и убегающее тесто, Поэт, как обычно, мечтал о прекрасных линиях тонкой талии да округлых ладных бёдер. Когда же Поэт оказывался в тех же позах со своими красивыми поклонницами, он, уже привычно, представлял на их месте плетеобильную Ли.

В глубине души его тяготила такая двойственность желаний. Насколько было бы беззаботней, думал он, удовлетворяться красавицами, которые у него имелись в избытке, как было бы замечательно, если бы уродство перестало его влечь.

Однажды ему попался в руки журнал, посвящённый художественной татуировке. В нём приводились фотографии различных частей тела с филигранными, изощрёнными работами татуировщиков. На одной спине была вытатуирована танцовщица в ярком платье, с веером и кастаньетами, изгибающаяся и манящая. Эта татуировка натолкнула Поэта на мысль, которая вскоре превратилась в навязчивую фантазию, – а её следовало немедленно воплотить, как он это делал со всеми фантазиями. Но для участия в выполнении этой затеи требовалось согласие Ли. Впрочем, она ради того, чтобы сохранить к себе интерес Поэта, пошла бы на всё, о чём бы он ни попросил. И Поэт об этом без труда догадывался.

Дальше всё дело было за деньгами, которых у Поэта водилось предостаточно. Он связался с татуировочными художниками и выбрал из них лучшего, который писал по телу картины с мельчайшими, точно выведенными деталями. С ним Поэт обсудил не только рисунок, который должен был вытатуировать художник, но и тип туши. В туши состояла особая забота, о которой ниже – она была не менее важна, чем сам рисунок. Художник нашёл специалистов по древним татуировкам из Африки и Южной Америки и получил тушь, за которую Поэт заплатил маленькое состояние. Было известно о секте татуировщиков, на которых не действовал яд самых опасных змей, вследствие чего все почитали их за волшебников и магов. Оказалось, что, постоянно татуируя друг другу изображения на теле, они использовали краску, в которую добавляли крохотные порции яда от разных змей. Регулярно накалывая татуировку

такой краской, художники таким образом делали прививки, вырабатывая в себе иммунитет к змеиному яду.

Художник-татуировщик приезжал в особняк Поэта ежедневно в течение нескольких месяцев. Ли пришлось на это время поселиться в особняке, чему она была несказанно рада. Более того, Поэт взял Ли на содержание, так как работать ей в течение этой почти ежедневной и фундаментальной процедуры было просто невозможно. Две служанки, медсестра и врач были приставлены к пациентке, чтобы следить за её самочувствием во время длительного процесса татуировки.

Однако радости у Ли убавилось, когда Поэт объявил ей, что не будет заниматься с ней любовью, пока на её теле ведутся работы, так как не хочет видеть татуировку, пока она не будет полностью закончена. Будучи человеком соболезнующим чужим бедам, Поэт разрешил ей, если удастся, соблазнить художника-татуировщика, чтобы он, имея полный доступ к её телу, мог бы проникать в него не только иглками. Ли жаловалась потом, что всё, к чему ей удалось склонить художника – это получить его позволение удовлетворить его ртом. К остальному её телу мастер не пожелал прикасаться, кроме как иглками.

Поэт тем временем продолжал свою половую жизнь, меняя стройных на толстых и толстых на стройных. Но среди толстых не было такой прекраснойлицей и в то же время такой плетеобильной, как Ли.

И вот наступил день, когда можно было принимать работу. Ли волновалась больше всех – она понимала, что от успешности татуировки зависит её будущее с Поэтом. Принятие работы происходило, как и было решено, вечером в спальне. А именно – в действии.

Когда Поэт вошёл в полумрак будуара и взглянул на широкую кровать с балдахином, он прежде всего увидел на мягко подсвеченной подушке красивое лицо Ли. Издали обнажённое тело её испускало туманный свет, ибо краски, которые использовал татуировщик, были, по договору, флюоресцирующие. Подойдя ближе к кровати, Поэт увидел произведение искусства: на кровати лежало идеальной формы женское тело с головой Ли: на бескрайней плоти была вытатуирована тонкая талия, небольшие груди, пропорциональные полные бёдра, нежный живот с пупком посередине. Эта картина занимала, наверно, лишь десятую часть плоти Ли, которая была не видна за пределами светящейся розовой татуировки. Очертания длинных стройных ног соединялись татуировкой бёдер так, что лобок и пизда совпадали по месту с границами татуировки. Поэтому, когда Поэт попросил Ли развести ноги, ему открылся вид, вполне соответствующий мастерски изображённому роскошному телу.

– Повернись на живот, – скомандовал Поэт, и Ли медленно, с огромным усилием перевернула свою плоть. По пути, когда она оказалась на боку, светящаяся стройная фигура вдруг обнаружила свои границы – на боках ничего татуированного не было, и в полумраке он предстал тёмным пятном, затмившим линию края красоты. Но через мгновение, когда Ли перевалилась на живот, глазам Поэта открылась вторая половина дивной фигуры, вытатуированной на спине, ягодицах, ногах. Художник поработал не только над совершенством очертаний, но и над фактурой кожи – её цвет поглощал все неровности, бугры и впадины плоти Ли, попадавшие внутрь изображения прекрасного тела. Как спереди, так и сзади главное отверстие бёдер оказывалось точно в нужном месте светящейся плоти.

Удовлетворённый увиденным, Поэт должен был теперь насытиться прочувствованным – он сбросил с себя шёлковый халат, подошёл к лежащему на животе телу, раскрыл светящиеся ягодицы, положив руки не внутри татуированных идеальных очертаний, а вне их, на свисающую плоть. Между ягодиц зиял мрак, в котором он умел перемещаться на ощупь. И вот Поэт замер в глубине, охватывая руками чрезмерную плоть, но видя перед глазами сияющее совершенство меры.

Затем он попросил Ли перевернуться на спину (для чего ему пришлось сойти с кровати, потому что места для Поэта при перевороте не хватало), и насладиться зрелищем спереди и ощущениями входа в творилище будущего.

Счастливая Ли спрашивала:

– Как я тебе нравлюсь?

– Ты прекрасна! – искренне восклицал Поэт, распахнув руки, чтобы держаться за её бока. Он осторожно прикасался к нарисованному, боясь что-либо повредить, смазать, будто это был свеженаписанный холст.

Как прекрасен был теперь лик тела! Каким особо восторженным было теперь ощущение огромности плоти!

Казалось бы, мечта Поэта свершилась – в одной женщине он нашёл воплощение двух своих противоположных устремлений.

Для Ли это тоже была победа – она поняла, что теперь Поэт принадлежит ей больше, чем прежде, и доказательством этому было то, что он оставил её жить в своём особняке, отведя целый этаж в её распоряжение – меньшее пространство стало бы для её тела тюремной камерой.

Но последствия татуировки на этом не закончились, а только начинались. Светящаяся тушь была полна других свойств, которые вскоре начали вступать в действие. Линии, являвшиеся границами силуэта красивого женского тела, стали работать как медленные ножи. Химический состав краски, которой они накалывались, был таков, что она медленно разъедала плоть, но только в том месте, где эта линия была наколота. Этот процесс сопровождался бы ужасной болью, если бы в состав туши не входили сильные болеутоляющие вещества. В течение долгого времени татуировки организм наполнялся веществами, которые выработали иммунитет к боли на несколько недель, чего должно было вполне хватить для полного осуществления плана. В течение этого времени Ли находилась как бы в полусне. Служанки делали ей массаж, переворачивали, сестра следила, чтобы у неё не возникло пролежней и заставляла Ли подниматься с кровати и ходить. Врач пристально наблюдал за всеми функциями организма.

Вскоре татуированные линии, дававшие очертания прекрасного тела, превратились в глубокие порезы. Они не кровоточили, потому что порезы увеличивались достаточно медленно, и тело успевало заживать по мере их углубления с двух сторон: спереди и со спины. Разрезы шли в теле встречно, как строители, с двух сторон прорубающие тоннель.

Поэт объяснил Ли, что таким образом удастся избавить её от лишней плоти, и Ли, полностью доверяя Поэту, принимала всё исходящее от него как должное, тем более, когда она не испытывала никакой боли.

Наконец наступил момент, когда в самом тонком месте тела – на руках – разрезы соединились, и часть плоти, словно рукава, осталась лежать на постели, когда Ли подняла руки. Они ей казались теперь такими лёгкими и сильными. Врач аккуратно отрезал отвалившуюся плоть от той её части, которая ещё держалась, но вскоре должна была тоже отпасть.

Одним утром Ли пробудилась, потянулась и, как выпавшаяся красавица, села на кровати, небывало стройная и лёгкая. Её отрезанная татуировкой плоть осталась лежать на простыне, как тесто, из которого вырезали женскую фигурку одним нажимом формочки. Ли была настолько счастлива своей лёгкостью, подвижностью и абсолютной новизной ощущений, что она даже не обращала внимания на Поэта, любовавшегося ею, и на врача, который пытался рассмотреть все «срезы» тела Ли. После освобождения от лишней плоти оставшееся тело обрело особую чувствительность – при прикосновении к своему периметру Ли ощущала боль, как от касания к не до конца зажившей ране, которая затянулась ещё лишь очень тонким слоем кожи. Поэтому, чтобы избежать всяких прикосновений к торцу тела, она ходила совершенно обнажённая с растопыренными руками и ногами, чтобы ноги не тёрлись друг о друга, а руки – о бока.

Поэт боялся к ней подступиться, по привычке раскрывал объятия для необозримой плоти и обнимал воздух.

Через неделю Ли исчезла, оставив записку, где благодарила Поэта за подаренную ей новую жизнь, которую она хочет начать заново, причём в другом городе. Она просила не обижаться на неё, обещала, что вернётся – просто ей необходимо побыть наедине с собой и потом заново войти в человеческое общество иной женщиной.

Поэт воспринял исчезновение Ли в высшей форме поэтически, другими словами – философски, хотя не поверил в её обещание вернуться. В нём тоже, показалось ему, произошли перемены, и его неистребимая тяга к толстым женщинам постепенно исчезла. Женская красота перестала быть для него противоречивой из-за постоянного требования её отрицания, и Поэт чуть было не женился на одной из самых популярных кинозвёзд. Однако по зрелому размышлению он решил повременить, когда к нему стала проявлять неотступный интерес знаменитая и не менее красивая журналистка. Но и на журналистке, писавшей замечательные статьи о его книгах, он тоже решил не жениться. Вместо этого он написал книгу весьма проникновенных стихотворений о женской плоти.

Через год к воротам поместья Поэта подъехал автофургон. Шофёр и пассажир долго что-то объясняли охраннику. Охранник связался с начальником, а тот – с самим Поэтом, который приказал пропустить приехавших визитёров. Когда автомобиль остановился у парадного подъезда, Поэт вышел из дверей. Он увидел с трудом вылезающую из автобусика Ли. На ней опять было широкое платье, но теперь даже оно не могло скрыть обилия плоти, которая вновь наросла на ней. Поэт бросился навстречу Ли и обнял частицу её огромного тела.

Любимый вальс

Памяти И.Я.А.

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2000. № 28.

С первого класса родители записали меня в кружок музыки, который проводился после уроков два раза в неделю. Моя пианинная игра, согласно родительским надеждам, должна была когда-то превратиться в рояльную. А пока занятия проходили в бывшей уборной в конце длинного коридора на первом этаже школы. Начальство решило, что вполне достаточно уборных на остальных четырёх этажах. Благодаря такому мудрому решению удалось изъять раковины и унитазы, кое-как заделать дыры в полу и втиснуть туда старое пианино. Однако лёгкий запах в этом музыкальном классе всегда оставался, напоминая, на каком фундаменте стоит искусство.

Учительницей моей была Римма Львовна, которой было тогда под сорок. Она была высокая, худощавая с прямой спиной. А также добрая и любящая своих учеников, каждого звала «голубчик». Все годы, что я её знал, она носила одну и ту же причёску: пробор посередине, гладкие длинные волосы, прижатые к голове, убраны назад, но по пути полностью закрывающие уши. А на затылке волосы были собраны в небольшой низкий витиеватый узел, проткнутый шпильками.

На стене над пианино Римма Львовна вывесила портреты в рамках – Чайковского, Мусоргского, Глинки, Глазунова, Римского-Корсакова и Моцарта. Ощущение мощи «Могучей кучки» плюс Моцарт врезалось в память. Под их величественными обликами я разучивал пьесу: «Жили у бабуси два весёлых гуся».

Когда ученик приходил чуть раньше или Римма Львовна задерживалась с предыдущим учеником, ожидающему позволялось сидеть в музыкальной комнате на стуле и дослушивать чужой урок.

Так однажды произошло и со мной. Когда я вошёл в бывшую уборную, я увидел Римму Львовну, наклонившуюся над своей ученицей в коричневом форменном платье и белом переднике, сидящей за пианино. Римма Львовна показывала пальцем строчку в нотах, стоявших на пюпитре. Ученица быстро оглянулась на меня, вошедшего, и снова повернулась к нотам. Римма Львовна сказала мне:

– Здравствуй, Славик, садись, голубчик, и жди, мы уже заканчиваем.

Увидев лицо ученицы, я почувствовал, как у меня задрожали ноги, и я плюхнулся на стул. Такой красоты я в своей семилетней жизни ещё не видел.

– Лиля, ты поняла, здесь надо играть анданте? – спросила Римма Львовна.

Девочка кивнула головой.

– Хорошо, сыграй ещё раз, сначала.

То, что я услышал, потрясло меня вконец. Волшебная грустная мелодия зазвучала из-под пальцев девочки – ещё никогда я не испытывал такого сильного ощущения от музыки.

Я сидел в полубессознательном состоянии. Девочка была лет на пять старше меня и виделась мне богиней, тогда я ещё не знал, богиней чего.

Когда она ушла, я сидел в трансе, пока меня не окликнула Римма Львовна:

– Голубчик, ты что, заснул?

В конце урока я осмелился спросить, как называется вещь, которую играла Лиля.

– Это «Вальс» Хренникова. Тебе он понравился?

– Очень. А когда я смогу это играть? – заметал я.

– Я думаю, через несколько лет. Зависит от того, как ты будешь стараться.

И я начал стараться. Научиться играть этот вальс стало основным стимулом продолжения моих занятий музыкой.

Через два года я спросил Римму Львовну, можно ли мне уже разучивать «Вальс» Хренникова, но разрешения не получил, и пришлось ждать ещё несколько лет. За всё это время я видел Лилю не так уж и много. Она стала заниматься по другому расписанию, и я уже не сталкивался с ней на уроках музыки. Иногда я наблюдал за ней на переменках, гуляющей с подружками по коридору. Но гарантированная встреча у нас была раз в году, весной, перед окончанием школы, когда проходил экзамен, который устраивала Римма Львовна. Она делала из него торжественный концерт, на который приходили родители учеников и даже их знакомые и родственники. Экзамен происходил в спортивном зале школы, в который вкатывали пианино и вносили длинные скамейки, на которые усаживались зрители и экзаменуемые. Справа от пианино за столом сидела Римма Львовна, её взрослый сын, который закончил консерваторию, завуч школы и представитель родительского комитета.

Римма Львовна называла фамилию экзаменуемого ученика и три вещи, которые он будет играть. Ученик вставал со скамейки и, трепеща, шёл к пианино. Учеников было не менее двадцати. После того, как концерт заканчивался, наступал перерыв, в течение которого жюри должно было выставить оценки, а все отмузыцировавшие бросались на школьный двор играть в «Али-Баба». Лиля была самой старшей, и она всегда затевала эту игру. Под её руководством все выстраивались в два ряда, один напротив другого. В каждом ряду все крепко брались за руки.

Лиля кричала, и её ряд ей вторил:

– Али-Баба!

Из другого ряда отвечали:

– Чего, кума?

Лиля, улыбаясь, громко выдвигала требование:

– Тяни рукава!

– С какого бока? – во весь голос вопрошали напротив.

– Слева направо Славу нам надо! – кричал ряд напротив меня с чудесным голосом Лили.

Я освобождал руки и бежал в ряд напротив, стараясь разорвать цепь. Я устремлялся в центр, где стояла Лиля. Мне удавалось разорвать сцепление рук, и поэтому я имел право взять к нам в ряд либо Лилю, либо стоявшего рядом с ней. Конечно же я выбирал Лилю и вёл её в нашу команду, как самый дорогой трофей. Она вставала рядом со мной, и мы крепко брались за руки. И это было счастьем.

Выигрывал тот ряд, который мог таким способом пополниться всеми, кроме одного последнего, из противоположного ряда.

Но нам никогда не удавалось доиграть до конца, так как заседание жюри кончалось, и нас приглашали обратно в школу. Там нам объявляли оценки, которые содержали плюсы и минусы. Просто пятёрка была недостаточна для тщеславия музыкальных исполнителей. Лиля всегда получала пять с плюсом.

Так мы регулярно встречались из года в год, и всегда она в какой-то момент игры выкликивала меня, и я бежал разорвать именно её звено. А когда я кричал, то я звал Лилю, и она бежала именно туда, где стоял я.

С каждым годом Лиля становилась всё красивее, у неё выросла высокая грудь и раздались бёдра. И с каждым годом мне это нравилось всё больше и больше.

Наконец Римма Львовна разрешила мне разобрать «Вальс» Хренникова. Для того чтобы достать ноты, которых в магазине не было, мне пришлось поехать в музыкальную библиотеку и самому копировать пять страниц, накладывая кальку с проведёнными карандашными линиями, на которые я переводил ноты. Потом эту кальку я наклеил на листы бумаги, чтобы она не

просвечивала. Это было в те времена, когда копировальные машины существовали только в КГБ.

По этой самодельной копии я разучивал свою музыкальную мечту. К тому времени Лиля уже закончила школу, и Римма Львовна как-то сказала мне, что Лилия вышла замуж.

Всякий раз, когда я слышал или играл этот вальс, я думал о Лиле. Думал я о ней и в другие времена, когда делал свои первые поползновения на девочек.

Однажды, когда я пришёл на очередной урок, уже заучив наизусть «Вальс» Хренникова, и открыл дверь в класс, бывший туалет с тем же невыветриваемым запахом, я увидел Лилию, разговаривающую с Риммой Львовной.

– Здравствуй, Слава! – обрадовалась мне Лилия. – Какой ты стал большой.

– Привет, – сказал я, – ты тоже.

Лилия и Римма Львовна рассмеялись.

– А я вот соскучилась, пришла посмотреть, как вы живёте, – сказала Лилия, глядя то на меня, то на Римму Львовну. – Можно мне послушать, как Слава играет?

– Конечно, голубчик, конечно. Мы с тобой уже поговорили, сиди, слушай, что он играть будет.

И я заиграл «Вальс» Хренникова. Когда я закончил, Лилия хлопала в ладоши:

– Молодец, хорошо сыграл, с душой! Как я люблю этот вальс! – воскликнула Лилия.

– И я люблю, – сказал я, вкладывая в это слово смысл, выходящий далеко за музыкальные пределы.

Когда урок закончился и я стал собираться уходить, Лилия встала и сказала Римме Львовне, что ей пора. Да и новая ученица уже ждала своей очереди.

Мы вышли вместе с Лилей в коридор. Сердце моё носилось по всему телу.

– Что ты так на меня смотришь? – игриво спросила Лилия.

– Ты очень красивая стала, – сказал я, глядя ей в глаза, пылая лицом.

– Ты тоже стал взрослым, – сказала она и добавила: – Почти.

Мы подошли к раздевалке, нянечки не было, она всегда уходила к концу дня.

Мы углубились в раздевалку, я нашёл свою куртку. Лилия сняла с крючка свою шубку и накинула на плечи. Вдруг я почувствовал её руку у себя между ног.

– Иди сюда, я тебя взрослым сделаю, – шепнула она и оглянулась, нет ли кого вокруг.

Она опустила на колени, ловко расстегнула мне ширинку, вытащила из-под широких трусиков мой сразу вскочивший хуёк и взяла его в горячий влажный рай. В потолке раздевалки распахнулись небеса и божество дало мне вкусить его благодати.

Эти ощущения, несмотря на огромность силы, по сути, не были новыми для меня, ибо я уже несколько лет занимался онанизмом. Чудо оргазма я про себя называл «ебенья», не будучи тогда знакомым с научной терминологией, но чувствуя необходимость дать ему название. Играя во дворе с ребятами, я нередко ощущал непреодолимую похоть и прерывал игру – я убежал в парадное, сбегал по пролёту лестницы, ведущей в подвал, куда никто в темноту не спускался, кроме дворника, вытаскивал свой хуёк и давал ему жару, а он – мне.

Некоторое время назад он стал выплёскивать семя, что меня поначалу удивило, а потом стало удручать неудобством его куда-то девать, чтобы не было мокро в трусах. Однажды я даже попытался, ожидая выплеска, зажать пальцем дырочку, не пуская семя наружу, но острая боль от распирающего канал семени заставила меня палец поскорее убрать и выпустить жидкость на свободу. Я попробовал её на вкус, лизнув палец, но вкусной она мне не показалась. И вот теперь в те божественные мгновения, когда Лилия вершила со мной чудеса, озабоченная мысль пронеслась среди наслаждения: как бы Лилия не отпрянула от меня в отвращении, когда выплеснется семя. Оно не заставило себя долго ждать и зафонтанировало в Лилин рот, который только ещё более жадно стал его засасывать. Двойное облегчение окатило меня.

Лиля поднялась с колен, облизывая губы и проверяя рукой лицо, не осталось ли что снаружи.

– Пошли отсюда скорее, – шепнула она и вышла из раздевалки. Я, всё ещё приходя в себя, с восторженной лёгкостью в теле выбежал за ней. Коридор был пуст, только в другом конце его, за дверью бывшего туалета, раздавались звуки пианино.

Мы вышли на улицу.

– Застегни ширинку, Славик, – указала глазами Лиля.

Я поспешно отошёл к углу дома и дрожащими пальцами застегнул пуговицы.

– Вот ты и стал мужчиной, – сказала Лиля и добавила: – Почти.

Она по-доброму засмеялась.

Мы шли к трамвайной остановке. Я чувствовал, что должен что-то сказать, но не знал, что в такой ситуации следует говорить, а точнее, после такой ситуации.

– Можно я тебе позвоню? – спросил я Лилю.

– Славик, я ведь замужем. Да и тебе нужно школу кончать.

Я никак не мог уловить логической связи между этими двумя предложениями.

Тут подошёл трамвай, и Лиля сказала:

– Мы с тобой обязательно увидимся когда-нибудь, будь хорошим мальчиком, – и побежала к трамваю.

Но мы с ней больше не увиделись, и хорошим мальчиком я быть перестал, так как девочки заинтересовали меня значительно больше музыки. Впрочем, это, наверно, и значит – быть хорошим мальчиком.

Закончив седьмой класс, я ушёл из этой школы, и мои занятия музыкой прекратились. Приблизительно раз в год я случайно встречался на улице с Риммой Львовной, и мы минутами разговаривали об идущей жизни. Она рассказывала о музыкальных успехах своего сына, ставшего известным музыкантом. А я всегда успевал спросить, как поживает Лиля. Оказывается, она не забывала свою учительницу музыки и часто приходила к ней повидаться. У Лили родился мальчик, потом девочка. Римма Львовна каждый раз интересовалась, продолжаю ли я играть на пианино. И я действительно старался не забывать своих музыкальных навыков, а «Вальс» Хренникова никогда не выходил из моего репертуара.

Потом наступили долгие годы, когда я перестал встречать на улице Римму Львовну. Пришла пора эмиграции. Ходили слухи, что сын Риммы Львовны уже в Америке. Вскоре и я очутился на её благодатной земле. Первые пять лет новой жизни были плотно нашпигованы острыми впечатлениями и яркими событиями, однако я находил время ездить раз в месяц в университетскую библиотеку, где был большой фонд русских книг и периодики.

Однажды я сидел в журнальном зале, просматривая новые поступления, и вдруг мой взгляд остановился на узле волос на затылке женщины, сидевшей впереди меня. Этот низко уложенный узел, проткнутый шпильками, показался мне исключительно знакомым. Прямая спина тоже напоминала мне кого-то из детства. Я вышел из-за стола, зашёл сбоку и увидел гладкие волосы, укрывающие уши, и лицо, отчётливо знакомое.

– Римма Львовна! – воскликнул я.

Она обернулась, узнала меня и тоже воскликнула: «Славик, голубчик!» – и встала мне навстречу. Мы обнялись. Вокруг читатели оглядывались на нас.

– Давайте выйдем, – сказал я, понизив голос.

Она кивнула, светясь улыбкой, и мы вышли в холл.

– Какими судьбами! Как вы здесь оказались?..

Сколько вопросов мы обрушили друг на друга, сколько радости было увидеться с близким человеком на другом краю земли после двадцати лет разлуки. Да ещё осмыслить эту божественную случайность: оказаться обоим в том же городе, в той же библиотеке, в то же время. Римма Львовна мало изменилась, такая же стройная, высокая, с той же неизменной причёс-

кой, но поседевшей. Она приехала год назад к своему сыну, который, оказывается, тоже жил в нашем городе и преподавал музыку в университете. Она жила одна в двухкомнатной квартире неподалеку и приходила в библиотеку почти каждый день. Римма Львовна пригласила меня к себе. Квартира была на пятнадцатом этаже, из окна компактной гостиной открывался вид на сияющий даунтаун. В углу светился и бормотал телевизор.

– Я его только на ночь выключаю – пытаюсь научиться понимать разговорную речь, – пояснила Римма Львовна.

В комнате стояло пианино, а на нём лежала стопка нот. Над пианино висел портрет Моцарта, именно тот, что висел в классе-уборной. «Могучую кучку» взять с собой не удалось, как мне потом пояснила моя учительница. Пока Римма Львовна готовила чай, я стал перебирать ноты и наткнулся на «Вальс» Хренникова.

– Смотрите, что я нашёл! – радостно бросился я с нотами на кухню.

– Да, я помню, как тебе нравился этот вальс, – сказала Римма Львовна, взглянув на мою находку, – а ты играешь?

– Нет, давно уже не играл, – здесь у меня нет пианино.

– И очень плохо, – назидательно по-учительски сказала Римма Львовна.

Я сел за пианино, в надежде сыграть вальс, но пальцы у меня заплетались, и я уже забыл всё, кроме первых нескольких тактов. Удручённый, я встал со стула, а Римма Львовна села и сыграла мой вальс. И я вспомнил прошлое и Лилию в нём. Римма Львовна не виделась с Лилей последние годы перед отъездом и ничего не знала о ней.

Я взял у Риммы Львовны ноты и скопировал их, теперь уже не через кальку, а на ксероксе. Я надеялся, что скоро куплю пианино, восстановлю былую подвижность пальцев и заново разучу вальс.

С тех пор мы встречались и перезванивались в течение двух лет, вспоминали прошлое, обсуждали настоящее. О будущем мы не говорили – Римма Львовна считала, что времени осталось ей немного, но тем не менее с лёгким кокетством жаловалась, что к ней привязывались какие-то мужчины, когда она шла в библиотеку – её вполне можно было принять за молодую женщину, глядя со спины на её стройную фигуру и лёгкую походку.

Однажды под Новый год я позвонил Римме Львовне, чтобы поздравить её, но ответчик сказал, что номер отключён. Я решил позвонить её сыну, номер телефона которого мне дали в справочном. Он узнал меня (его мама рассказывала ему о нашей встрече) и сообщил жутким голосом, что он похоронил Римму Львовну три дня назад. Я что-то ошарашенно пролепетал и повесил трубку, чтобы как-то осознать такое естественное, но в то же время невероятное событие. О, ужас!

В течение нескольких дней я старался уложить не вмещающееся в сознание. А память, в помощь неверию в случившееся, поставляла ясные зрительные образы прошлого, далёкого и недавнего. Мне захотелось получить на память какую-нибудь фотографию Риммы Львовны, чтобы взглядывать на неё время от времени.

Я снова позвонил её сыну и более связно выразил свои соболезнования. Он рассказал подробности о последних днях матери, извинился, что не пригласил меня на похороны – он никого не пригласил, боялся при всех разреветься. Но и приглашать-то было особенно некого: родственников у нее, кроме сына, не осталось, а немногочисленных знакомых, среди которых значился и я, приглашать показалось необязательным. Я попросил сына о фотографии на память и дал ему свой адрес. Он сказал, что фотографий мало, да и то только старые, но обещал отобрать и выслать.

Недели через две, вернувшись домой с работы, я вытащил из почтового ящика пачку писем, газет и рекламы. Открывая дверь, я на ходу просматривал конверты и нашёл среди них один от сына Риммы Львовны. Когда я открыл дверь, навстречу мне, с объятиями бросилась

моя возлюбленная Вики, которой я дал ключи от дома, и она часто сюрпризом поджидала меня. Вики была в халатике, готовая к любви.

– Как я тебя хочу, – шептала она мне в ухо, совлекая с меня пальто, а затем пиджак. Я поцеловал её в шею, держа в руках письмо:

– Подожди секундочку, я хочу открыть этот конверт.

– Ты открывай, а я пока тебе пососу.

Вики опустилась передо мной на колени.

Я разорвал конверт.

Вики расстегнула молнию на моих брюках и привычно вытащила наружу источник её жажды.

Я вытащил из конверта фотографию.

Вики стала добывать влагу из моего артезианского колодца.

На чёрно-белой фотографии Римма Львовна склонилась над играющей Лилей в тёмном платье и белом передничке. Римма Львовна указывала пальцем в ноты, стоящие на пюпитре.

«Ебенья!» – назвал я про себя охватывающий меня восторг.

Напрасные дары

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2000. № 29.

Гостевая виза Юрия скоро истекала, и по закону следовало возвращаться. Юрий подал прошение на политическое убежище, но Джуди об этом не сказал. В качестве последнего выхода он готов был на ней жениться. Джуди работала секретаршей, жила в крохотной квартирке, еле сводя концы с концами, а Юрию хотелось богатенькой. А вот Джуди мечтала выйти замуж за Юрия – он ей нравился своей выносливостью в любовных делах, и она с радостью за ним ухаживала, стирала его бельё и, что самое главное, учила его английскому и обычаям жизни в Штатах. Юре нравилась её заботливость, и были моменты, когда женитьба на Джуди не казалась ему чем-то ужасным. Но эти моменты, как им и свойственно, долго не длились. Юрий для себя решил одно: возвращаться он не будет ни за что.

Любимым развлечением для Юрия и Джуди были гуляния в парках, вокруг озёр, пикники на природе. Джуди аккуратно приготавливала ланч, укладывала еду в пластиковые коробочки и клала их в переносную холодильник. Но она категорически отказывалась брать с собой хотя бы пиво, не говоря уже о вине или о чём покрепче.

– Это запрещено законом, – настаивала Джуди, что звучало для Юрия абракадаброй, хотя эту английскую фразу он хорошо уже понимал. По дорожкам часто проходила парковая полиция, и Юрий не хотел в своём неустойчивом положении гостя нарываться на неприятности. Он шурился на солнце, яркий свет которого он с трудом переносил после жизни в городе, над которым почти всегда было либо облачное, либо дымное небо.

Джуди припасала пиво дома в холодильнике и заботливо наливала его в запотевшую пивную кружку, которую предусмотрительно держала в морозилке.

Юрий и Джуди познакомились на вечеринке, устроенной американским знакомым Юрия, по приглашению которого он приехал. Джуди, как увидела Юрия, сразу захотела его, а Юрий в то время хотел любую. Они встретились на следующий день, Джуди повезла его смотреть достопримечательности города, главной из которых в тот вечер оказалась сама Джуди. Через неделю она перевезла Юрия с его чемоданом к себе на квартиру.

Близилась годовщина со дня их знакомства, которую Джуди тревожно и радостно поджидала. Ей очень хотелось выйти замуж ещё до знакомства с Юрием, но после знакомства с ним это желание стало обуревать её с огромной силой. Она старалась как можно более дипломатично выяснить о намерениях Юрия, и при складывающихся обстоятельствах у неё создавалось впечатление, что намерения эти – серьёзные. Юрий чувствовал, что происходит проба пера, которым Джуди хотелось бы расписаться в американском загсе, и он не хотел лишать её надежды.

Юрий совершенно забыл о надвигающемся юбилее, вернее, не придавал ему никакого значения, но накануне Джуди невзначай напомнила о нём. Юрий стал копаться в своём чемодане, думая, что бы ей подарить. Все привезённые сувениры он уже давно раздарил, а что мог – продал. Денег тратить на неё он не хотел – не так уж и много их оставалось. Но в боковом кармашке чемодана он нашёл колечко, которое купил перед отъездом на родном базаре. Юрий совершенно забыл о колечке, но вот оно пригодились теперь как нельзя кстати. Оно было позолоченное со стекляшкой, сверкающей на солнце.

Джуди постаралась справить юбилей как можно торжественней. Она приготовила обильный обед, поставила на стол свечи, купила шампанское и стеклянную фляжку смирновской водки, так полюбившейся Юрию. Бутылку она решила не покупать, чтобы вечер не был испорчен излишним количеством горячительного напитка. В начале вечера Джуди вручила Юрию открытку, которую она попросила его прочесть вслух и перевести. Текст полнился изъяснени-

ями Любви и намёками на долгую счастливую совместную жизнь. После этого она вручила Юрию коробочку, тщательно завернутую в красную бумагу. Юрий взялся было её распаковать, но решил, что сначала нужно дать Джуди колечко. Коробочки для него не было, и он просто вытащил колечко из кармана, потёр стекляшкой о свою рубашку и вручил его Джуди. Она подпрыгнула от радости, примерила кольцо на соответствующий палец, и оно ей точно подошло. Юрий, стесняясь дешёвости своего подарка, сказал, что это его последний сувенир, но из-за несовершенства его английского получилось, что это последняя его ценная вещь. Джуди бросилась его обнимать и целовать, в полной уверенности, что это обручальное кольцо. Юрию же было невдомёк, что он ввёл в заблуждение Джуди, и он недоумевал, чего это она так радуется ерундовому колечку – небось старается вежливо показать, что ей и дешёвый подарок от него ценен. Так думал Юрий, распаковывая подаренную коробочку. В ней лежали очки от солнца. Юрий примерил их – они показались ему слишком тяжёлыми и тёмными, но он и виду не подал, что они ему не понравились.

Остаток вечера прошёл в особо приподнятом настроении – Джуди каждые две минуты вытягивала руку, на которой блестело кольцо, и любовалась им. Потом подбегала к Юрию и целовала его. Затем просила его ещё раз примерить очки и подводила его к зеркалу, чтобы он удостоверился, как они ему идут.

Через два дня Юрий получил извещение, что ему дали статус беженца.

А ещё через месяц Юрий нашёл хорошую работу, снял квартиру и завёл себе новую girlfriend¹.

Когда та увидела на Юрии очки, подаренные Джуди, она восхитилась ими и сказала, что такие очки стоят не меньше трёхсот долларов.

Откуда было знать Юрию, что Джуди два месяца экономила деньги, чтобы купить ему лучшие очки знаменитой фирмы.

Чтобы покончить с прошлым и поправить свой бюджет, Джуди решила продать кольцо. Она поехала к ювелиру, который, посмотрев на камень, казавшийся ей бриллиантом, сказал, что оно может стоить от силы десять долларов. Она взяла эти деньги, полагая, что это лучше, чем носить такое дешёвое кольцо. Откуда было знать Джуди, что в то время за десять долларов она смогла бы купить в России настоящее золотое кольцо с хорошим бриллиантом.

Однако ювелир внимательно изучил глазами не только кольцо, но и Джуди. Он поинтересовался, где изготовлено это ювелирное изделие. Джуди ответила, что в России, но не стала рассказывать об обстоятельствах, при которых она его получила.

Завязался разговор, который продолжился совместным обедом в ресторане. Время, проведённое вместе, произвело на обоих такое сильное впечатление, что они стали любовниками, а через полгода мужем и женой.

На помолвку жених подарил ей два кольца: одно, обручальное, чтобы носить всегда, не снимая. А второе – на память, кольцо Юрия, которое стало причиной их знакомства.

Когда Юрий узнал, что подаренные очки такие дорогие, он воспылал к ним любовью и надевал их всякий раз, когда погода становилась по меньшей мере с переменной облачностью, а в солнечную погоду он носил их просто не снимая. Но когда он рассорился со своей возлюбленной и та выехала из его квартиры, очки с роскошным футляром исчезли. Бывшая возлюбленная настаивала, что их не брала, а что Юрий их сам потерял.

Юрий погоревал и купил себе другие очки от солнца. Большие деньги тратить на них ему было жалко, и он купил пластмассовые за десять долларов.

¹ подружку (англ.), часто в смысле «любовница».

Вытекающие последствия

*Нам ли, брошенным в пространстве,
Обречённым умереть,
О прекрасном постоянстве
И о верности жалеть?*
О. Мандельштам. 1915

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2001. № 34.

Виктор был женат со всеми вытекающими оттуда последствиями. Главным из них было развившееся за пятнадцать лет брака полное безразличие к жене как к женщине. Тем не менее он её нежно любил и глубоко уважал. И двоих сыновей обожал и заботился о семье изо всех сил. Да и жена была добра и хороша собой – мужчины сворачивали шеи, оборачиваясь. Хорошая семья была, образцовая.

Лет десять жизни Виктора заняло, чтобы осознать и принять, что нет никакого противоречия в сосуществовании, казалось бы, взаимоисключающих вещей: красоты жены и безразличия к ней, а также желания других женщин и в то же время – любви к своей жене.

Почти столько же времени ему потребовалось для того, чтобы убедиться, что посещение проституток или мимолётные связи вовсе не угрожают браку, а лишь укрепляют его, ибо, не будь их, Виктор бы давно полез на стену от отсутствия свежих ощущений и, неизбежно свалившись со стены, раздавил бы брак всмятку. И вовсе не потому, что у Виктора был большой вес, а потому, что брак – существо хрупкое.

После долгого пути проб и ошибок в деле оптимизации своих сексуальных радостей вне брака Виктор нашёл-таки идеальную схему. Виктор был человеком небогатым, и, как обычно, это усложняло достижение целей, особенно женских. Так, он не мог себе позволить покупать проститутку достаточно часто и достаточно надолго. Для полного удовлетворения ему нужно было хотя бы три раза в неделю по два часа, а денег у него еле-еле хватало на полчаса раз в месяц. Виктор был ответственным семьянином и не хотел подвергать страданиям семейный бюджет. Кроме того, все проститутки настаивали на презервативах, а это удручало Виктора принципиально, хотя он и признавал необходимость этого приспособления при общении с женщинами-профессионалками.

Однако заниматься поиском любительниц и их соблазнением у него абсолютно не было времени. К тому же он не был ни знаменитым, ни красавцем, ни чем-либо ещё в свои 45, чтобы женщины сами бросались на него и тем самым экономили его время. Заводить какую-либо постоянную любовницу он тоже не хотел, так как долгое общение с одной и той же женщиной тоже быстро бы лишилось свежести ощущений да и представляло бы угрозу возникновения чувств, выходящих за пределы сексуальных, а все прочие чувства были полностью предназначены Виктором для семьи.

Вот такую сложную задачу приходилось решать Виктору.

В процессе её непростого разрешения он часто повторял про себя фразу из песни: «Money for nothing, chicks for free»². «Вот она чёткая формулировка универсальной мечты мужчин, большинство из которых даже не осознаёт её», – размышлял Виктор.

Так как он не был жаден и о больших деньгах не грезил, а лишь хотел не тратить своей зарплаты на женщин, то такая мечта вполне могла стать реальностью.

Виктор работал в компьютерной фирме, и весь его рабочий день проходил перед монитором. Начальство за ним не следило, и он мог путешествовать по Интернету без ограничений.

² «Деньги ни за что и бесплатные девицы» (англ.) – песня британской группы *Dire Straits* 1985 года.

Это не значило, что он пренебрегал своей работой, просто он успевал всё. Часто ему приходилось ездить в местные командировки для настройки оборудования у заказчиков. Таким образом, он легко мог выкроить пару часов в середине дня для удовлетворения своей похоти.

Сначала Виктор поместил объявление в Интернете о поиске любовницы и сам отвечал на объявления женщин. Из всего этого с трудом отсеклось несколько встреч в гостиницах. Это было прекрасно, но нерегулярно и дорого. Женщины явно не влюблялись в него, а потому повторные встречи возникали редко и приходилось заново уговаривать, находить удобное для обоих время. Ситуация знакомства из раза в раз оставалась прежней, и поэтому для экономии времени он заготовил стандартные ответы и предложения, так как мог уже предвидеть большинство вопросов женщин и почти все их ответы.

Значительная часть женщин была не замужем и мечтала о стабильных отношениях, такие не хотели встречаться с женатым мужчиной. Им он лгал, что разведён, и вообще говорил всё, что им хотелось, лишь бы они согласились на встречу и хотя бы разок развели ноги.

Другая категория женщин была замужней, и потому они часто предпочитали женатых мужчин, с которыми они чувствовали себя безопаснее и надёжнее, но и среди них находились такие, которые планировали развод и присматривали себе нового мужа.

Если Виктор предлагал женщинам оплатить номер гостиницы хотя бы пополам, женщины, как правило, оскорблялись. Те же, что соглашались, потом уже не хотели встречаться повторно. Бывали, конечно, исключения, которыми Виктор и жил. Но ему хотелось не исключений, а правила – надёжности и регулярности удовлетворения похоти.

Бывало, женщины приглашали его к себе домой. Но либо жили они далеко, и те часы, которыми располагал Виктор для свидания, ушли бы на поездку, либо Виктор опасался приходить к малознакомым женщинам: придёшь – и в самый интересный момент явится муж или любовник. Нет, самым безопасным и нейтральным местом был отель в пяти минутах от его работы.

Однажды верноподданно женатый приятель Виктора, выпив не лишнего, а ровно столько, чтобы стать откровенным, признался ему, что мечтает завести любовницу или хотя бы как-то сексуально развеяться. И в этот момент у Виктора возникла идея, грандиозность которой проявилась значительно позже. У Виктора было запланировано свидание с женщиной. С ней он уже встречался один раз, и, несмотря на то, что два часа были проведены весьма интенсивно, у них хватило времени коснуться в разговоре заманчивых мечтаний. Эта женщина поведала, что всегда мечтала провести время с двумя мужчинами одновременно. Виктор подумал, что может убить двух зайцев: осуществить мечту женщины, что весьма возвышенно, и в то же время практически получить оплату за номер в мотеле от своего приятеля, в качестве компенсации за предоставленное удовольствие.

Приятель радостно согласился присоединиться и оплатить расходы на мотель. Женщина была счастлива. Виктору, несмотря на соучастника, вполне её хватило – ведь, чем больше женщину используют, тем больше её остаётся для других. Приятель тоже был в восторге от приключения, а Виктор получил бесплатную женщину. Редкий случай всеобщего счастья.

Но, как и всякое счастье, это тоже кончилось, и Виктор задумал сделать его более продолжительным и регулярным.

Он подал объявление, где предлагал женщинам исполнить их тайное желание, а именно: провести время с двумя мужчинами одновременно. Виктор и не представлял, что количество женщин, чью чувствительную струну он затронет, будет таким огромным. Ответы стали заполнять его почтовый ящик. Конечно, не все женщины, которые ответили, были готовы сразу встретиться. Приходилось убеждать их в безопасности и конфиденциальности, но бывали и мгновенные согласия. Виктор и здесь заготовил стандартные ответы, в которых звучал надёжный, уверенный в себе и опытный мужчина. Чтобы унять страхи, он предлагал женщинам встретиться сначала с ним вдвоём, чтобы потом, когда они убедятся, что он точно такой, как

он о себе говорил, тогда его партнёр присоединится к ним. Часто такое предложение было последней каплей, переполняющей жидкую женщину.

Своего приятеля Виктор решил не использовать для этого дела. Во-первых, тот не смог бы всегда участвовать, когда требовалось, поскольку не располагал ни достаточным временем, ни, что самое важное, желанием. Во-вторых, Виктор не хотел брать себе в команду мужчин, которые были его знакомыми. Это должны были быть мужчины, с которыми он встречался бы только для соучастия в наслаждении, чтобы никто не знал, кто он и откуда.

Виктор подал ещё одно объявление, что ищет женатого мужчину, который бы согласился принять участие в тройном соитии. Тут почтовый ящик Виктора стал заполняться желающими с такой скоростью, что ему через два дня пришлось объявление убрать.

Следующей задачей был выбор мужчин, нужно было отфильтровать привлекательных, надёжных и послушных его указаниям. Прежде всего он просматривал присланные фотографии, а тех, кто не хотел их присылать, он отсеивал как слишком своенравных. Потом он про-сил их номер телефона, свой номер он никому не давал. Поговорив по телефону, он назначал встречу в каком-нибудь ресторане минут на десять. Для этого он использовал свой ланч и назначал обыкновенно несколько встреч одну за другой. Он садился с очередным мужчиной в его машину и рассказывал о ситуации: цель – доставить удовольствие женщине и заодно получить самому. Нужно быть готовым к тому, что женщины необязательно красивы лицом или прекрасны фигурой, но все они искренне и самозабвенно рвутся к наслаждению. Мужчине разрешалось делать с женщиной всё, на что она согласна, но запрещалось пытаться назначать с ней свидание. Виктор не желал упускать контроль над ситуацией и следил, чтобы женщины получали наслаждение только через него. Кроме того, он договаривался, что мужчина после часа совокуплений уйдёт по команде Виктора и Виктор останется с женщиной наедине.

Мужчины часто любопытствовали, где Виктор достаёт женщин, но Виктор отвечал уклончиво. В конце разговора возбуждённый и предвкушающий мужчина спрашивал: «Когда?» В этот момент Виктор добавлял ещё одно условие: мужчина, в качестве компенсации за предоставленную женщину, должен оплатить стоимость комнаты в мотеле. Большинство соглашалось сразу или чуть подумав. Виктор подталкивал их к согласию следующим аргументом: если вы предложите женщину мне, то я с удовольствием оплачу мотель в благодарность за приключение.

Тех мужчин, что жмотничали, Виктор исключал из списка кандидатов.

Женатые мужчины в принципе представляли из себя наиболее осторожную и податливую на все условия категорию.

Свидания втроём проходили гладко. Виктор и счастливец-соучастник встречались на стоянке мотеля. Там они поджидали женщину. Виктор заранее бронировал комнату и брал ключ, но в комнату не входил, чтобы можно было от неё отказаться, если женщина по той или иной причине не являлась, заранее не предупредив. Но обыкновенно они приезжали, трепещущие и напряжённые в предвосхищении. Тогда Виктор брал деньги у своего партнёра и говорил ему номер комнаты, в которую он должен явиться минут через десять. Сначала он шёл с женщиной в комнату один. Он её быстро раздевал и на вопрос, где же его партнёр, отвечал, что тот появится, когда она будет готова. Виктор включал телевизор, чтобы заглушать непре-менные стоны женщины. Затем он быстро опробовал её тело на вкус, она – его, и тут появлялся у дверей его партнёр. Тот, видя уже раздетых, быстро к ним присоединялся, и начиналось счастье. Время проносилось во мгновение ока – так, во всяком случае, казалось каждый раз. Затем Виктор подавал знак партнёру, тот одевался и уходил вполне удовлетворённый, а Виктор проводил ещё с полчаса с женщиной, лаская её, ошеломлённую, но счастливую и готовую повторить всё сначала и не раз.

Таких женщин вскоре набралось пяток, которые, уже доверяя Виктору, жаждали повто-рения и смакования великих ощущений.

Для того чтобы единолично управлять ситуацией и являться единственным источником, поставляющим для женщины второго мужчину, а для мужчины – женщину, Виктор решил не использовать одного и того же мужчину дважды для одной и той же женщины. Когда он ещё не придерживался этого правила и вторично взял того же мужчину, женщина вручила тому свою визитную карточку и Виктор не успел этого предотвратить. Больше женщина не проявляла интереса к Виктору, и он узнал, что у неё и у того мужчины завязалась любовь, что вывело обоих из круга подчинённых Виктора.

На первой же встрече женщина и мужчина бывали настолько увлечены новизной друг друга, что им было не до разговоров, а если они всё-таки начинались после первых оргазмов, Виктор давал мужчине знак уходить.

Так Виктор набрал человек двадцать партнёров, которых он чередовал с пятью женщинами. Но ни двадцать, ни пять не оставались теми же – конечно же происходил круговорот тел в природе.

Мечта Виктора как будто исполнилась – он наслаждался разными женщинами бесплатно. Однако ситуация была ещё далеко до идеальной – время, которое уходило на знакомство с женщинами, переписку, организацию встречи, подбор партнёров, время это было немалым. А время по-прежнему приравнялось к денежным знакам, и, значит, совокупления с женщинами были всё-таки платными.

Наблюдая, с какой готовностью мужчины оплачивают комнату в мотеле и как ненасытно желание у женщины, допустившей до себя второго мужчину, Виктор увидел, что есть возможность не только получать бесплатное наслаждение, но и некоторый доход.

После того как партнёр, насладившись женщиной, уходил и Виктор оставался с ней наедине, он не раз спрашивал, двигаясь в ней и нежно смотря в глаза, хотела бы она в этот момент ещё одного мужчину в её два другие осиротевшие отверстия. На что женщина, не колеблясь, давала утвердительный ответ.

У Виктора созрел план: он в следующий раз пригласит двух мужчин, но последовательно и с каждого возьмёт цену комнаты в мотеле. Таким образом, первый мужчина оплачивает мотель, а плата второго будет являться уже чистым доходом.

Женщины ничего не знали о денежных взаимоотношениях Виктора и его приятелей и просто радостно отдавались мужчинам.

Виктор назначил двух мужчин следующим образом: первый должен был явиться в мотель в два часа дня, а второй – в три пятнадцать. Одного часа вполне хватало женатому занятому мужчине, чтобы насладиться тайной новизной. Пятнадцать минут были условием разрозненности мужчин: первый уходил из номера так, чтобы он не был замечен вторым мужчиной. Когда приходил второй, он видел Виктора с женщиной в постели и принимал следы от первого мужчины за Викторовы. Таким образом женщина становилась на одного мужчину счастливее, а Виктор – на стоимость номера богаче.

Такое новое благосостояние в совокупности с наслаждениями длилось около месяца. Виктор менял мотели, чтобы не примелькаться обслуживающему персоналу и чтобы они не заметили его системы, которая могла бы вызвать ненужное внимание и нездоровый интерес.

Теперь Виктор был полностью удовлетворён сексуально – цвело разнообразие женщин и фонтанировал изощрённый секс не только участника, но и наблюдателя.

Сексуальная сытость освобождала мысли Виктора для другого – он стал раздумывать, как сделать побольше денег, причём столько, чтобы можно было бросить работу. Табуны жаждущих женатых мужчин заполняли своим желанием почтовый ящик Виктора. Женщины, мечтающие вкусить удвоенный запретный плод, предлагали себя с такой готовностью, которой Виктор никогда не замечал по отношению к себе лично. Нужно было как-то пользоваться этим золотым дном, не преступая закона. Брать деньги за женщин было юридически недопустимо, поэтому всё сводилось к многократной оплате мужчинами номера в мотеле.

Сделать это можно было за счёт ещё большей оптимизации использования комнаты, которая сдавалась на сутки, а также с помощью тщательной организации потока страстей.

Система выстроилась таким манером – поначалу всё шло как прежде: Виктор, его первый партнёр и женщина. Партнёр отрабатывает свои желания за час, уходит, заплатив за номер. Затем является второй партнёр, который уже начинает приносить доход. Если женщина хочет ещё одного и может остаться на третий час, приходит третий – это уже двойной доход.

Первая женщина когда-то уходит, и на её место приглашается следующая, причём каждый мужчина не должен даже подозревать, что перед ними был кто-то другой и что за ним последуют другие.

Итак, является вторая женщина, с ней Виктор и очередной мужчина, а за ним приходит следующий. Итого, можно запланировать шесть мужечасов с двумя или тремя женщинами в день. Из шести часов пять – это «доходные» часы. Если умножить на пять дней в неделю (все вечера и выходные Виктор всегда проводил с семьёй), то получалась сумма, значительно превышающая его зарплату.

Виктор уже был уверен, что дело пойдёт, и бросил работу. Жене он сказал, что решил стать независимым консультантом, вместо того чтобы гнуть спину, делая деньги для владельца компании. Жена восприняла это радостно – это давало ей возможность ещё больше посвятить себя работе в церкви, чему она отдавала всё время, свободное от воспитания детей.

Дело закипело. Виктор сидел у себя в кабинете, планировал и организовывал свидания. Мужчин у него набралось в итоге человек сорок постоянных, надёжных и всегда готовых. Трудности, как известно, были только с женщинами – существами, ускользающими по своей влажной сути. Многие из них были замужние и, вполне понятно, осторожничали. Другие осмеливались на один раз, а потом исчезали. У третьих, после договорённости, что-то случалось, от спущенной шины до болезни ребёнка и потом их желание куда-то пропадало. Других после полученного наслаждения начинала мучить совесть, и они избегали его повторять. То они вдруг в кого-то влюблялись и решали, что будут жить моногамной жизнью, то, откуда ни возьмись, их захватывала карьера или забота о детях – Виктор больше не обращал внимания на причины их постепенного отсеивания и привлекал новых, делая множественные вариации своего объявления и помещая их в различных изданиях такого рода.

Он понял, что главная задача установления стабильности – это свести на нет текучесть женских кадров и образовать ядро из хотя бы 20 женщин, которые предпочитали бы наслаждения всему прочему. Однако одним сексуальным наслаждениям с такой задачей было не справиться – уж слишком давило общество своими обязательствами и нравами.

И тут прошлое пришло на помощь настоящему. У Виктора был школьный приятель, который с юности приторговывал наркотиками. Теперь он работал аптекарем и нежно любил свою работу. Наркотики Виктора никогда не интересовали, но с приятелем они время от времени встречались, поскольку жили неподалеку друг от друга и любили повспоминать былые времена за кружкой пива. Однажды во время одной из таких встреч Виктор невзначай спросил, сможет ли тот достать наркотик, о котором он вычитал в Интернете. Это было снадобье, которое заставляло женщин забывать обо всём, кроме похоти. Друг-аптекарь подтвердил свои возможности и даже назвал цену, которая оказалась вполне приемлемой.

Виктор раздумывал, как это вещество надёжно и незаметно ввести женщине. Подмешивать в еду или питьё – самое рискованное, ибо в этом очень легко будет его заподозрить. Делать укол – вообще не подлежит рассмотрению. Виктор вспомнил, как в давние времена отравляли людей, вливая спящему яд в ухо. Однако женщины во время свиданий находились в крайней степени бодрствования, и этот приём тоже не годился.

Именно во время совкупления Виктору пришло решение этой проблемы – перемещая с места на место свой член в прямой кишке радостной женщины, Виктор вспомнил, как, будучи в Италии в командировке, он заболел. Местный врач лечил его лекарствами, которые изго-

товлялись не в форме таблеток, а в форме анальных свечей. Врач объяснил, что усвояемость лекарства, введённого в прямую кишку, быстрее и полнее, чем при принятии через рот. Вставить свечку и протолкнуть её членом можно было совершенно незаметно для женщины, находящейся спиной к Виктору и готовой к проникновению его члена или пальца.

Виктор проконсультировался с приятелем-фармацевтом, и тот подтвердил, что в виде свечей это снадобье будет действовать не хуже, если не лучше, чем при приёме через рот. Фармацевт не задавал лишних вопросов, зная по опыту, что в таких делах не следовало проявлять излишнего любопытства.

Технологию Виктор разработал такую: когда происходила встреча с женщиной, Виктор усаживал её на острие его партнёра – тогда внимание женщины полностью поглощалось получаемым наслаждением, и она легко принимала в анус член Виктора, которым он проталкивал вглубь свечку с наркотиком. Иногда он делал это пальцем. Женщина конечно же испытывала лишь восторг. Теперь она с радостью оставалась на третьего и четвёртого мужчину, восхищаясь наслаждением, которое она никогда в жизни не испытывала. Особый восторг, который она получала от введённой свечки, она относила исключительно за счёт совокупления с двумя мужчинами и Викторовой сноровки.

После ощущений от первой свечки женщина уже никогда не отказывалась от повторных свиданий, а лишь настойчиво стремилась испытать эти чувства опять и опять. Женщины были согласны брать целый день как выходной, чтобы посвятить его многочисленным любовникам – то, что и нужно было Виктору. Теперь он мог обходиться одной женщиной в день. Виктору не приходилось уговаривать женщину или гадать и волноваться, придёт она или не придёт – она приезжала раньше назначенного времени и нетерпеливо поджидала его.

Мужчины тоже не опаздывали, а лишь иногда норовили задержаться дольше положенного часа, но таких Виктор больше не приглашал.

Теперь процесс напоминал добротное конвейерное производство. Виктор и женщина шли в номер, он выходил за первым мужчиной в лобби, брал у него деньги за номер и вёл его в номер, где женщина уже ждала в предвкушении. Она знала, что наслаждение начинается после того, как Виктор введёт ей член в анус, и потому она сама садилась на мужчину и прогибалась, оттягивая рукой ягодицу. Женщина закрывала собой мужчину, так что ему тоже было не видно, как Виктор вводил ей в анус дозу, задвигал членом поглубже и действие начиналось. Через час первый мужчина уходил и появлялся следующий, жадный и готовый.

Таким образом, проходило шесть мужчин с маленьким перерывом на ланч. На обед женщина и Виктор успевали приезжать в лоно своих семей.

Участие Виктора в совокуплениях с каждым последующим мужчиной, естественно, уменьшалось – он следил, чтобы мужчина и женщина не разговаривали, а занимались плотный час любовью. Время от времени он углублялся в женщину, чтобы женщина чувствовала второго мужчину – начальную причину её появления здесь. Но свечка горела в ней, и черед мужчин её увлекала не меньше, чем их одновременность.

Для повышения доходов Виктор решил перенести встречи из мотеля в отель, где номера стоили значительно дороже. Для этого пришлось сменить мужчин на более состоятельных, а женщины оставались прежние и лишь были польщены улучшением обстановки наслаждения. Виктор дал объявления в дорогие журналы и привлёк обеспеченных женатых мужчин, которые не хотели встречаться с проститутками или иметь постоянные связи, но соблазнялись именно возможностью присоединиться к влюблённой парочке, как представлял себя и очередную женщину Виктор. Теперь те же шесть мужчин за день давали значительно больший доход.

Ядро из 20 постоянных женщин всё настойчивей просилось почаще устраивать блаженную цепную реакцию. Раз-два в месяц им уже не хватало. Те женщины, которые, как они признавались, пытались заменить Виктора и его приятелей другими мужчинами, сталкивались с полным разочарованием, и женщины ещё больше уверились, что именно Виктор умеет ввер-

гать их в то блаженство, которое они испытывали от наркотика. Виктор ухмылялся про себя и соглашался с комплиментами, подтверждая каждой, что многие женщины ценят его уникальные способности.

Жена Виктора была счастлива растущими денежными успехами своего мужа. Это позволило бросить работу и посвятить всё своё время детям и церкви, в которой она вела активную преподавательскую работу в школе по изучению Библии. Виктор, в отличие от жены, к Богу относился спокойно. Он был уверен, что если Бог существует, то он знает, что ему делать и суeta в виде молитв только отвлекает Бога от его важных дел.

Несмотря на то, что дело, которому посвятил себя Виктор, было его любимым делом, само наслаждение от ежедневного многократного свершения стало притупляться. Он стал учиться тантре, чтобы избегать семяизвержения и кончать не больше одного раза в день, несмотря на почти ежедневные шестичасовые развлечения. Это помогло. Но незначительно. Одновременно потребовалась виагра. Это означало дополнительные расходы, хотя одной таблетки ему хватало на два дня.

Следующим шагом для увеличения доходов стала плата за комнату, которую он начал взимать и с женщин. Они были готовы на всё, только бы участить наслаждения. Каждой просящей женщине Виктор говорил, что у него нет денег на оплату номера, и они сразу соглашались оплачивать сами. Виктор решил, что надо заработать миллион и свернуть производство. Так как деньги он получал наличными, то налога на них он, естественно, не платил, что значительно упрощало достижение его финансовой цели. Главное было не жадничать, и он это прекрасно понимал.

Виктор решил сделать рывок в производительности и быстро заработать задуманные деньги. Для этого он снял два смежных номера. В один приходила женщина, а вторая женщина с запозданием в полчаса приходила в другой. Таким образом Виктор успевал вставить запал первой и встретить первого мужчину. Затем он спешил в смежный номер, где он включал второй конвейер, протолкнув снадобье в глубину второй женщины. После этого женщинам уже становилось не важно, сколько времени с ними проводил Виктор, а он занимался выпроваживанием и встречей очередных мужчин. Далее он стал снимать уже три смежные комнаты, где наслаждались три женщины, а к ним поступали неиссякаемые голодные мужчины. Такая челночная работа почти не оставляла времени Виктору для отрадного совокупления, и голод его стал возвращаться.

Но самое главное, что женщины всё более зверели и требовали чуть ли не ежедневных встреч. Свою усиливающуюся тягу они объясняли для себя как безумную любовь к Виктору, который может возбуждать их так, как ни один другой мужчина. Виктор предусмотрительно никому не называл своей фамилии и никому не давал своего телефона. Единственная связь с ним была через электронную почту. Поэтому женщины не могли до него добраться никаким иным способом.

Рекорд, который поставил для себя Виктор, было шесть комнат: по три смежные, находящиеся в коридоре отеля друг против друга. Он договорился с администрацией отеля о значительной скидке, которую ему предоставили за ежедневный съём стольких номеров, а с мужчин и женщин он продолжал брать прежние цены. При такой шестикомнатной системе Виктор успевал запустить одна за другой шесть женщин, что было самым ответственным делом, требующим огромной концентрации внимания и организаторских способностей.

Каждой женщине полагалось приезжать на своё место, отведённое на стоянке машин перед отелем. Эти места были разнесены друг от друга так, чтобы женщины не видели одна другую. А для того, чтобы ни одна женщина не видела Виктора с другой женщиной, он заранее говорил каждой, в какой номер она должна прийти, и на её имя лежал ключ у портье. Женщины сами располагались в комнатах и ждали появления Виктора и его друга. Виктор входил в первую комнату с первым мужчиной и после кратких поцелуев-объятий вводил женщине

свечку и делал несколько возвратно-поступательных движений, загоняя её поглубже. Через минуту-две женщина была включена в процесс, и Виктор спешил к новому мужчине, чтобы отвести его к другой женщине, поджидавшей в соседней комнате. Там всё проходило так же эффективно. После того как все женщины были заправлены, становилось уже легче. Им уже присутствие Виктора было необязательно, и он только регулировал уход и приход мужчин, взывая с них мзду за номер в отеле.

К концу дня карманы его брюк топорщились от денег.

Таким образом, личная половая жизнь у Виктора совершенно прекратилась. Придя домой, возбуждённый денежными приключениями, он уже радостно совокуплялся с женой, к которой у него пробудилась страсть. Жена дивилась мужниной воспрянувшей похоти, которая ей льстила. У неё же вся страсть расходовалась на пастора в церкви, который был красив и зрел. Более того, один из её сыновей был от него, о чём Виктор, конечно, не подозревал. Жена, которую, кстати, звали Мэри, любила пастора потому, что видела в нём воплощение Христа. Так что её увлечённая работа в церкви имела весьма серьёзные основания. Уж такая была Мэри.

Встречалась она с пастором в каком-либо мотеле, который несколько раз оказывался тем же, где практиковал Виктор. Но так получалось, что они не наталкивались друг на друга, хотя один раз они даже проводили время в одной и той же комнате с разницей в два часа: утром в ней побывали Мэри с пастором, а после ланча – Виктор с женщиной и плательщиками. Недалом, когда он в тот день вошёл в номер, ему показалось, что он почувствовал запах жениных любимых духов, но вскоре запах женщины, что была с ним, затмил его. Будто два самолёта они пролетели в седьмых небесах в опасной близости, но счастливо избежали катастрофы.

Наступило время, когда Виктор заработал вожаденную сумму, и, согласно своему плану, он разом закрыл своё производство. Сделать это было весьма просто – он прекратил помещать объявления и уничтожил электронный адрес своего почтового ящика, на который приходили письма от жаждущих женщин и мужчин. Мужчины, удивляясь, несколько раз слали письма, но каждый раз они возвращались с пометкой, что такого адреса нет. После этого они принялись рыскать в других направлениях, пытаясь самостоятельно сварганить себе наслаждения.

А вот у тех двадцати женщин, которые перестали получать свою дозу анальной любви, возникли странные для них самих симптомы. Для врача-нарколога – это были бы легко узнаваемые классические симптомы у наркомана, резко прекратившего приём наркотиков. Но терапевты, мужья и родственники недоумевали по поводу депрессии или буйства своих близких женщин, а те сами не понимали, что с ними происходит. Женщины кое-как пытались объяснить своё состояние неразделённой любовью к Виктору. Они пытались его разыскать, но Виктор всегда парковался так, чтобы они не видели, на какой машине он приехал. Поэтому по номеру машины они его найти не могли. Фамилии его они не знали. В отелях им отказались давать какую бы то ни было информацию.

Одна женщина наняла детектива, который в конце концов нашёл Виктора и его адрес. Но к тому времени Виктор уже продал дом и уехал со всей семьёй во Флориду, тем более что жена стала настойчиво просить о переезде. Причина была в том, что, как стало известно, пастор совращал маленьких мальчиков, и его арестовали. Ужаснувшаяся Мэри восприняла это как указание настоящего Христа на то, что пора возвращаться к мужу и жить благопристойной жизнью.

Так Виктор и Мэри, пройдя трудные пути внебрачных наслаждений, зажили счастливо в солнечной Флориде.

И всё было настолько прекрасно, что Виктор вскоре купил небольшой мотель.

Посредница

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2001. № 39.

Теперь мы женаты, а начиналось это так. Она жила в квартире на нашем этаже. Встречаясь в лифте или коридоре, мы с Джерри здоровались с ней, улыбались ей. Она улыбалась нам в ответ и многообещающе выпячивала зад и грудь. Однажды, когда мы возвращались из колледжа и столкнулись с ней в коридоре, она пригласила нас на чашку кофе и мы, переглянувшись, торопливо согласились.

Это был наш первый год в колледже и первая квартира, где Джерри и я жили независимо от строгих родителей. Мы дружили с самого детства, жили рядом и часто драчились вместе, устраивая соревнования, кто быстрее кончит. Мне всегда хотелось подрочить ему, пока он дрочит мне, и, как я потом узнал, ему хотелось того же, но нас сковывал страх, что если мы возьмёмся за члены друг друга, то сразу станем гомосексуалистами. Потом, когда у нас появились женщины, мы перестали заниматься совместным онанизмом. И больше об этом вслух не упоминали.

Соседка наша попросила, чтобы её звали Honey³. Мы не возражали, имя её нас не интересовало. С женщинами тогда мы чувствовали себя уверенней, чем друг с другом, поскольку они без всяких сомнений брали нас за хуй и прятали их в себе.

– Вы что, братья? – спросила Honey.

Мы всегда на такой вопрос отвечали утвердительно, чтобы избежать последующих разговоров на тему: как же вы похожи друг на друга.

Honey была на вид лет тридцати пяти, с привлекательным лицом легкодоступной женщины. Нас это вполне устраивало. Кроме того, нам обоим нравились женщины постарше – они знали, чего хотели, и обладали опытом, до которого мы были жадны.

Honey оставила нас в гостиной и пошла готовить кофе. Мы пока смотрели порнографические журналы, лежавшие на кофейном столике. Среди них был один, где женщине в пизду засовывали руку, чуть ли не по локоть. Лица женщины видно не было.

Honey вышла с подносом, на котором стояли дымящиеся чашечки. Одета она была уже в полупрозрачный халат, сквозь который сиял Млечный Путь и другие галактики.

Кофе мы не допили.

– Мальчики, знаете, зачем я вас пригласила? – спросила она, скидывая халат и распахивая Вселенную.

– Догадываемся, – сказали мы хором, стягивая носки – последнюю мерзкую одежду.

Мы раньше не бывали вдвоём с одной женщиной. Несколько раз, когда у Джерри и у меня оказывалось по подруге, мы вместе общались и обменивались ими, а тут равноценного обмена не предвиделось, и мы не хотели отнимать женщину друг у друга, а потому не знали, кто с чего начнёт.

– Давайте сначала познакомимся, – предложила Honey.

Она встала на четвереньки и взяла мой хуй в рот, но тут же оторвалась и попросила Джерри:

– А ты еби меня.

Но он уже был там. Мы быстро кончили, не соревнуясь. И уселись на диван. Honey промокнула себе между ног полотенцем и спросила:

– А вы знаете, что такое клитор?

– Знаю, – сказал Джерри, а я предложил: – А ты нам покажи.

³ «Медовая» (англ.), часто в смысле «желанная».

– А полижете? – как бы поставила условие Honey.

– Конечно, – сказал Джерри, опускаясь перед ней на колени. Honey развела пальцами большие и малые губы, и ещё не удовлетворённый центр Вселенной вылизал свою красную головку. Джерри стал чуть отстранённо лизать, вытягивая язык и стараясь не прикасаться лицом к дремучим окрестностям. Honey закрыла глаза и издавала счастливые звуки. Потом Джерри надоело, он поманил меня рукой, и я его заменил. Я это дело любил и не только не отстранялся, но и крепко прижался лицом, и тут мне пришло в голову, что я лижу также остатки Джерриной спермы. Меня это ещё больше вдохновило. Джерри тем временем лизал ей сосок, и Honey вдруг выкрикнула:

– Oh shit!⁴

Резко прижала мою голову к себе и почти сразу отстранила её.

– Shit? – переспросил я.

– Это значит, я кончила, – пояснила Honey.

Нам уже захотелось снова. У Джерри и у меня телескопические хуи вытянулись рассматривать её чёрные дыры.

– Я в вас не ошиблась, ребята, – отреагировала на нашу готовность Honey. Я ещё не был у неё в пизде и быстро туда проник – там было так просторно, что я в недоумении посмотрел на женщину.

Джерри заметил моё удивление, причина которого ему уже была известна, и спросил Honey:

– Сколько у тебя было детей?

Honey высвободилась из-под меня и со значением глядела на нас. Потом потянулась к столику, взяла журнал, где женщине в пизду засовывали руку, и спросила:

– Рассмотрели картинки?

– Да, рассмотрели, женщина телом на тебя похожа, а лица нигде не видно.

– Это я. Я работаю моделью в этих: журналах, – сказала Honey.

– Вот это да! Мы с порнозвездой познакомились! – воскликнул Джерри.

– Теперь понятно, у тебя было не много детей, а много рук, – сообразил я.

– Молодцы! Хотите попробовать?

– Хочу, – сказал я.

Она вышла и принесла из ванной комнаты смазочное вещество, пахнущее мёдом, которым обмазала мою кисть.

– Сделай пальцы вот так. – И она показала вытянутую щепоть.

Затем Honey легла на ковёр и завела мою руку, давая указания:

– Вводи медленно, теперь подожди, теперь глубже, ещё. – И моя кисть оказалась у неё в нутре. Это было волшебное ощущение влажного тепла, жизни. Рука плотно обжималась вожделенной плотью, которую раньше мог отведать только мой хуй. Я пальцами взял в горсть шейку матки – твёрдый хоботок, выскальзывавший из пальцев.

– Нравится? – спросила Honey.

– Очень интересно, – ответил я. – А тебе?

– Никакому хую не сравниться. Теперь лижи клитор, – велела Honey.

Я склонился к своей руке и как бы стал её целовать – клитор и моё запястье были неопостижимо рядом. Я осторожно двигал рукой взад-вперёд, имитируя движения члена.

– Иди сюда, а ты руку не вынимай, – руководила она мною, – я хочу, чтобы никто не скучал. Ложись под меня, – скомандовала Honey Джерри, и тот радостно повиновался и пролез под неё. Теперь она лежала спиной на его груди.

– Я хочу, чтобы ты вошёл мне в зад.

⁴ О, дерьмо! (англ.) – восклицание, используемое в смысле «Чёрт возьми!».

Нонеу села на Джерри спиной к его лицу. Я волочился за ней в этих движениях, стараясь, чтобы рука не выскочила.

– Послюни хуй, – давала указания Нонеу. Джерри поплевал. Она, упираясь одной рукой в ковёр, направила другой рукой Джеррин хуй себе в анус, и уже чувствуя, что хуй на верном пути, двумя руками опёрлась на пол. Я почувствовал, как за тонкой стенкой плоти её прямая кишка наполняется твёрдостью Джерри, касаясь моих пальцев.

Нонеу откинулась и легла на Джерри, а он обеими руками держал её за груди, играя сосками. У себя под запястьем я видел углубившийся Джеррин хуй. Нас разделяла трепещущая стенка плоти. Зрелище, скажу я вам, было из дивных.

– Еби меня быстро, – попросила Нонеу.

У меня под рукой задвигался член Джерри, я прижал к нему пальцы. Стенка была такая тонкая, что можно было подумать, будто Джерри надел презерватив, а я его дрочу. Я сжимал его движущийся член пальцами, а потом попытался даже взять его в кулак. Хотя соединить пальцы в кулак мне не позволяли внутренности Нонеу, но я ощущал его головку и тело.

Джерри, наверно, тоже чувствовал мои пальцы, он близился к концу, но по нашему детскому дробильному опыту я знал, что он мог остановиться и потом как бы начинать сначала, надолго оттягивая семяизвержение. Но теперь он не останавливался и тёрся о мои пальцы и быстро кончил, засадив хуй так глубоко, что я уже не мог достать до его головки: прямая кишка оказалась длиннее влагалища.

– Как сладко-о-о! – провыла Нонеу. – А теперь ты кончи туда же, – попросила меня Вселенная голосом Нонеу.

Я вытащил свою руку из дымящейся пасти. Мокрую руку я вытер о живот Нонеу.

– Джерри, – продолжала устраивать себе наслаждение женщина, – вот тебе мазь, ты же видел, как нужно туда входить... Да, вот так, сладкий мой, и лижи мне клитор, не забывай, я уже скоро кончу.

Я подлез под Нонеу, она направила мой хуй, который легко прошёл по проторённому пути. Я прижимал к себе её бёдра, впился зубами ей в загривок и чувствовал пальцы Джерри, сжимающие и гладящие мой хуй из её нутра.

Так мы впервые подружились друг друга, и Нонеу была нашей посредницей, которая предохраняла нас с Джерри от прямого контакта друг с другом.

И тут Нонеу снова воскликнула:

– Oh Shit! – И в это самое мгновение я извергся.

Прощаясь, мы договорились, что скоро встретимся опять, и действительно встретились. Теперь мы были уже специалистами, и Нонеу не могла нарадоваться, какие мы умельцы и как правильно мы всё делаем. Но для нас Нонеу стала представлять совершенно особый интерес – у нас было немало разных женщин, но только Нонеу являлась для нас средой, местом, пространством, в котором удовлетворялись наши с Джерри мечты друг о друге.

Мне удалось растянуть внутреннюю плоть Нонеу так, что я уже почти брал в кулак Джеррин хуй, находящийся в её прямой кишке, и чувствовал, как он движется взад-вперёд, и ощущал его спазмы во время оргазма. Джерри делал то же самое, засовывая руку в пизду Нонеу, и я чувствовал, как его пальцы сжимают мой хуй поверх стенок прямой кишки. Но мы друг другу и виду не подавали, что знаем о происходящем. Происходил молчаливый обмен опытом: когда я однажды, захватив хуй друга в кулак, продолжал его крепко сжимать после оргазма и удерживал, не давая Джерри вытащить хуй из зада нашей любовницы. Когда мы с Джерри поменялись местами, он сделал то же самое со мной. Нонеу и не подозревала, что происходит между её ублажателями, и просто наслаждалась до умопомрачения.

Затем случилось первое непосредственное прикосновение, когда Нонеу попросила, чтобы мы оба разом заполнили ей влагалище и хуями, и семенем. Наши твердыни тёрлись друг о друга, и пизда была лишь предлогом, хотя весьма для нас не безразличным и самоценным.

Когда Джерри стал извергаться, я тотчас задёргался в унисон от великого чувства. А дальше больше – Нопеу попросила Джерри облизать мой член, только что вытащенный из её зада. Джерри потом рассказывал, что он разом вкусил из двух миров, столь ему любезных – смесь мёда Нопеу и моей спермы.

Короче, через десять лет мы с Джерри поженились, Нопеу была на свадьбе свидетельницей и почётной гостьей. Свадебная церемония проходила на берегу океана в нашем особняке, куда прилетел петь Элтон Джон.

Недоступность

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2001. № 41.

Полу всегда хотелось больше, чем было возможно, и потому он часто дрочил, глядя в порнографические журналы. У него был любимый журнал, который постепенно вытеснил все остальные.

Весь журнал был посвящён ебле одной женщины. Это была прекрасная плоть лет двадцати, золотоволосая, с маленьким прямым носом, высокими скулами, ярко-голубыми глазами, с большим ртом и полными, плавно очерченными губами, за которыми светились крупные, белые, ровные зубы. Тело обладало большой высокой грудью с ярко-розовыми торчащими сосками и родинкой у левого соска, а также роскошными крутыми бёдрами, ягодицами – выпуклыми и плотными, густыми лобковыми волосами, мясистыми большими губами и, как казалось, всегда полураскрытыми малыми, с клитором, скинувшим капюшон из-за своего значительного размера и постоянного возбуждения, а ещё анусом, крепко сжатым, но тем не менее готовым принять любой хуй, и стройными ногами с мясистыми ляжками, округлыми икрами и тонкими лодыжками.

Все эти черты лица и части тела Пол, дроча, досконально изучил и запомнил. Женщину в тексте, излагавшем ход действий на фотографиях, называли Джули. На изображениях также фигурировало трое мужчин. На первых страницах по известной схеме была одна Джули, любящая свои клитор, влагалище и анус, затем в них также влюблялся неожиданный гость мужского пола, а за ним второй и третий. Они не оставляли без умелого внимания ни одной части тела Джули, особенно отверстия.

Пола очаровывало в Джули также и то, что ни на одной фотографии её лицо не изображало фальшивую страсть, нигде она не смотрела холодным развратным взглядом в камеру, пока её обхаживали мужчины, – везде на её лице (когда оно было видно) изображалось неподдельное увлечение действием. Это была явно искренняя и страстная женщина.

Пол знал её тело наизусть, он чуть ли не сосчитал количество волосков на лобке Джули. Он кончал, глядя на хуй в её пизде, в её зад, в её сладком рту. Он смотрел на её полураскрытые глаза с закатившимися на одной фотографии зрачками, он умилялся маленьким прыщиком на её ягодице, он хотел её, как не хотел ни одну женщину в своей жизни. У Пола не возникало ревности к трём хуям, которые приносили ей явное наслаждение – Пол полюбил её бескорыстно.

Если проходящих мимо женщин он мысленно раздевал, пытаясь представить, как они выглядят обнажёнными, то Джули он пытался одеть и представить, как бы она смотрелась в закрытом вечернем платье или в джинсах и ковбойской рубашке. Фантазии эти давали для Пола лишь дополнительные изображения Джули, подтверждающие, насколько она прекрасна.

Разглядывая в который раз пизду Джули, заполненную хуем, и очаровательный рот, раскрытый для извергающегося другого, Пол решил её разыскать и познакомиться с ней. Его охватило глубокое убеждение, что это – женщина, без которой его жизнь будет ему казаться прожитой зря. Очередной раз излив в унитаз семя, которое, как он теперь был уверен, предназначалось для нутра Джули, Пол спустил воду и стал изучать выходные данные этого журнала. В самом низу задней страницы обложки было напечатано: *Fuck Entertainment, Inc., Los Angeles, CA*. Ни адреса, ни хотя бы почтового индекса указано не было. Но Пол тем не менее обрадовался, что ему не придётся ехать в другой город, чтобы разыскать эту фирму.

В *Жёлтых страницах* такого названия, конечно, не было. Пол решил пойти в секс-шоп, где он когда-то купил этот журнал. Но тот магазин уже не существовал. В другом ему сказали, что адрес *Fuck Entertainment, Inc.* им не известен, как и адреса других подобных журналов,

потому что получают они их через дистрибьютора. Пол разузнал через владельца магазина адрес дистрибьютерной фирмы и отправился туда с журналом, свёрнутым в трубочку во внутреннем кармане куртки.

Один из сотрудников фирмы, ответственный за закупки журналов, узнал название, но адрес сообщить отказался, он дал лишь телефон *Fuck Entertainment, Inc.* Само собой, трубку снимал автоответчик. Пол несколько раз наговаривал просьбу, чтобы ему перезвонили. Но никто ему не перезвонил в течение недели. На телефонной станции ему наотрез отказались дать адрес по номеру телефона. Тогда Пол решил подкараулить сотрудника из дистрибьютерной фирмы, который дал ему телефон, и предложить ему денег за адрес. Пол пришёл к концу рабочего дня и стал в машине поджидать этого сотрудника. Стоянка была напротив здания фирмы. Вскоре человек появился на выходе и направился к стоянке. Тут Пол вышел из машины и окликнул его, тот насторожился, но по выражению лица Пола быстро понял, что опасаться его нет оснований, тем более, когда Пол вытащил стодолларовую бумажку и предложил её сотруднику в обмен за адрес *Fuck Entertainment, Inc.* и имя её президента. Сотрудник ловко сунул бумажку в нагрудный карман и сказал, чтобы Пол позвонил ему завтра.

Пол весь вечер любовался своей мечтой, вслух разговаривая с ней и обещая скорую встречу. Но Джули не обращала на него внимания и явно испытывала сильнейшее наслаждение от утонувшего в её бёдрах мужского лица. Пол подумал, что в порнографии отражается лишь продолжение женского кокетства, заключающегося в том, что в реальной ситуации женщины виляют задом, выпячивают грудь, но не дают, а в порнографии они показывают пизду, ебутся, но по-прежнему остаются недоступными.

Когда запас семени у Пола совершенно иссяк, он заснул, положив рядом на подушку журнал, открытый на фотографии лица Джули, снятого крупным планом. И хуй, который был у неё во рту, не мешал Полу.

На следующий день Пол получил адрес компании *Fuck Entertainment, Inc.* вместе с именем президента компании.

Компания располагалась рядом с Голливудом в небольшом одноэтажном здании. У входа стоял охранник в штатском, но, когда Пол назвал по имени президента и сказал, что у него есть к нему дело, охранник его пропустил. Убедить секретаршу, чтобы она пропустила его без заранее назначенной встречи, было сложнее. По настоятельной просьбе секретарши Пол рассказал ей причину своего визита, он заранее придумал версию, которая, как ему казалось, давала основания для розысков Джули. Он показал секретарше журнал и представился братом Джули, которая давно убежала из дома и не поддерживала никаких контактов с семьёй. Недавно умер её отец и оставил наследство Полу и ей. Пол уже давно, мол, разыскивает свою сестру, случайно наткнулся на её изображение в журнале и теперь пытается её найти.

Секретарша скептически посмотрела на Пола и сказала, что Джули у них не работает уже года полтора, и её адреса она дать не может. Приближалось время ланча, и Пол пригласил секретаршу поланчевать с ним. Секретарша согласилась и выбрала дорогой ресторан, куда она якобы регулярно ходит. То ли Пол понравился секретарше, то ли она расслабилась от двух коктейлей, а скорее из-за того и из-за другого, но секретарша уступила просьбам Пола и, закончив обильный ланч, пообещала, что скажет адрес Джули, которую в действительности звали Мэгги. Пол и раньше предполагал, что имя в журнале не настоящее, и потому в разговоре предусмотрительно не называл Джули иначе, чем «сестра». Секретарша похихикала, что Мэгги была одна из тех сумасшедших женщин, которые всегда испытывают наслаждение, сколько бы и кто бы их ни ёб. Пол сделал хмурое лицо, давая понять, насколько неуместно делать такие комментарии брату, а сам про себя подумал, что вот чем объясняется такая самоотдача наслаждению, которой была пронизана каждая фотография Джули. Пол продолжал про себя звать её Джули – только это имя было связано в его воображении с этой восхитительной женщиной.

На обратном пути секретарша смирившись и сказала, что адрес Мэгги будет стоить двести долларов, а ещё за сто она может отсосать Полу, пока он везёт её к *Fuck Entertainment, Inc.* У Пола было достаточно денег. Он дал девице триста, заехал на парковку, чтобы можно было раскрыть журнал с Джули и любоваться ею, пока секретарша отработывала свою сотню.

Сглотнув последнюю каплю, секретарша презрительно назвала его извращенцем, и они поехали дальше. Пол размышлял, почему так отреагировала секретарша: то ли потому, что он любит сестрой в процессе наслаждения, что уподобляется кровосмешению, то ли потому, что он вообще прибегает к помощи журнала в такой момент, то ли потому, что секретарша поняла, что Мэгги вовсе не его сестра. Но Пол не искал ответа на эти вопросы – ему нужен был адрес. Секретарша быстро нашла адрес в компьютере и отпечатала его для Пола. Это была Мэгги Джонсон. Телефона указано не было, только адрес. В справочной номер не значился.

Пол поблагодарил секретаршу и поехал по адресу Мэгги. Он ещё не знал, что ей скажет, но был уверен, что убедит её в своей любви и уж во всяком случае добьётся от неё согласия пойти с ним вечером пообедать.

Через полчаса он приехал к многоэтажному дому, где находилась квартира Мэгги. Было около четырёх часов дня, и никто на звонок не отвечал. Рядом с кнопкой значилось имя Мэгги Джонсон, так что она там действительно жила. Пол прижимал журнал с Мэгги к сердцу, которое шумело, как океан. Сначала он решил подождать несколько часов, но терпения у него не хватило, и он позвонил в звонок смотрителя. Женский голос спросил его в домофон, что ему нужно. Пол сказал, что он брат Мэгги, что они с сестрой давно не виделись и только недавно её разыскал и попросил подтвердить, действительно ли она здесь живёт и когда она обычно возвращается с работы. Женский голос сказал, что Мэгги действительно здесь живёт, но сейчас находится в больнице. Здесь платить не пришлось: женщина не стала скрывать, в какой Мэгги больнице.

Пол бросился к машине и понёсся в больницу. Там он тоже представился как брат и повторил историю о том, что они давно не виделись и что он её только что разыскал. Ему сразу сообщили номер палаты, в которой находится Мэгги. Пол пошёл в палату, стараясь идти нормальным шагом, а не бежать. Он вошёл в дверь с заветным номером – это была палата на двоих. Первая кровать пустовала. Вторая, у окна, задёрнута занавеской, и было не видно, кто там лежит. Пол медленно подошёл к занавеске и осторожно отодвинул её в сторону.

На кровати лежала Джули с закрытыми глазами. Лицо её было бледным и несколько одутловатым по сравнению с фотографиями, но это ни в коей мере не уменьшало её красоты и желанности для Пола. Мэгги спала. В этот момент Пол услышал шаги, он обернулся и увидел входящую в палату медсестру.

– Вы родственник миз Джонсон? – спросила она.

– Да, я её брат, – ответил Пол, понизив голос.

– Очень хорошо, что вы пришли, а то её никто не навещает.

– А что с ней?

– Она поступила к нам с сильными головными болями, у неё обнаружили опухоль в мозгу и оперировать уже поздно.

– Как? Её невозможно спасти? – тихим шёпотом произнёс Пол, чтобы не разбудить Джули.

– Ей сделали укол, она крепко спит и ничего не слышит, – успокоила Пола медсестра. – Об этом вам надо поговорить с врачом, он скоро должен прийти.

– Я тогда посижу с ней, пока врач придёт.

– Конечно, конечно, – сказала медсестра и вышла.

Пол сел на кресло у кровати – столь долгожданное любимое лицо было рядом. Тонкое одеяло прикрывало её грудь. Золотые волосы чуть слиплись на лбу, роскошный рот был сомкнут. Пол сидел рядом с Джули и не мог отвести от неё глаз. Она ровно дышала. Иногда

вырывался лёгкий храп. Её руки лежали поверх одеяла. Маникюра не было, но её роскошные умелые пальцы были так знакомы Полу. Он взял её руку в свою. Вдруг Мэгги раскрыла глаза, посмотрела на Пола, улыбнулась, сверкнув белыми зубами, и её глаза снова закрылись, но на губах осталась лёгкая улыбка. Пол не выпускал её руки из своей и прикидывал, за кого его приняла Джули, небось за одного из своих любовников.

Вскоре в палату вошёл врач. Пол уже привычно представился братом. Врач поманил Пола, и они вышли в коридор. Врач сказал, что положение Мэгги безнадежное, что она никого не узнаёт, что боль пока удаётся снимать уколами. Сколько она может ещё прожить, неизвестно – от нескольких дней до двух-трёх месяцев. Врач ушёл. Пол вернулся к Мэгги и радовался её улыбке, которую он у неё вызвал.

Пришла санитарка мыть Мэгги. Она задёрнула занавеску, а Пол вышел в коридор, но потом он вернулся в палату, будто бы забыл что-то и быстро заглянул за занавеску – он увидел, что санитарка стоит к нему спиной, склонившись над Мэгги, которую она повернула на бок, и обтирает её спину. В глаза Пола сверкнул роскошный зад, устремлявшийся к талии. О, как хотелось распахнуть эти волшебные ягодички! Пол заставил себя выйти в коридор – его мозг уже спланировал, как он будет вкушать любимое тело.

Наступал вечер, Пол сходил пообедать в больничное кафе и вернулся. Он сказал медсестре, что хочет остаться на ночь в палате, чтобы побыть с Мэгги.

Главное было – провести ночь с ней наедине. Медсестра сказала, что он может поспать на свободной кровати, но Пол решил не спать, а овладеть своей мечтой, пока она жива. Он уселся в кресло перед Джули и любовно смотрел на её лицо, столь знакомое и желанное.

Жизнь в больнице стала утихать. Медсестра сказала, что, когда действие укола кончится, Мэгги проснётся. Она встаёт, сама ходит в туалет и, только когда боль становится невыносимой, просит снова сделать укол.

– Вот она обрадуется, когда увидит вас, – сказала медсестра.

Но этого Пол опасался больше всего – если Джули очнётся, она может испугаться его. Но выбора не было.

Уже давно стемнело, Пол пересел с кресла на кровать и откинул одеяло, которым было укрыто тело Джули. Её пижаму он быстро расстегнул. Пол сразу узнал это заочно родное тело, эти щедрые груди, родинку рядом с левым соском. На Мэгги были надеты памперсы, и лобок был не виден. Пол хотел прикинуться к её груди, но тут он услышал шаги в коридоре и быстро застегнул пижаму, укрыл Мэгги одеялом и уселся в кресло. Вошла медсестра, она несла в руках коробочку со шприцами и прочими медицинскими ужасами. Пол вежливо поднялся ей навстречу, опасаясь, что она заметит его выпирающий хуй, но сестра показала ему жестом, чтобы он сел, а сама склонилась над Мэгги, проверяя её пульс. Лицо медсестры вдруг стало серьёзным, она приложила два пальца к горлу Мэгги, потом подняла веко, раскрыв глаз, в котором Пол узнал знакомый синий цвет – но ставший безжизненным.

Медсестра повернулась к Полу:

– Она скончалась.

Пол вздрогнул и закрыл лицо руками.

Медсестра вышла. Пол смотрел на Мэгги и раздумывал, когда она умерла и почему он не заметил её смерти. Ещё совсем недавно медсестра мыла её и переворачивала, Мэгги была жива. Значит, она умерла вскоре после этого. Его мечта выскользнула у него из рук. Он смотрел на Мэгги, но она не казалась ему мёртвой. Ну и что ж, что она не дышит, но плоть её была ещё той же и, быть может, даже ещё тёплой. Пол прикоснулся ладонью к щеке трупа – теперь он не боялся разбудить Джули. Щека не была холодной – это была всего лишь комнатная температура.

Пол решил, что нужно во что бы то ни стало успеть овладеть Джули. Он расстегнул молнию на брюках, но тут опять послышались шаги и голоса, и Пол привёл себя в порядок. Вошёл

врач, а за ним – медсестра. Врач попросил Пола выйти в коридор, и они, а не Пол остались наедине с его Джули. Пол ходил взад-вперёд перед палатой, раздумывая, как овладеть Джули, пока её не увезли в морг. И тут в коридоре появились двое санитаров, которые катили стол на колёсиках. Они направлялись к Мэгги.

Врач и медсестра вышли из палаты. Врач выразил соболезнование Полу и сказал, что Мэгги отвезут в морг.

Уже была глубокая ночь, и Пол почувствовал, как сильно его стало клонить в сон. Санитары вывезли стол, на котором тело Мэгги, с головой укрытое простынёй, смотрелось как горная гряда.

Пол двинулся следом за санитарями, они спустились на лифте на первый этаж, прошли длинным коридором и оказались у широкой двери с надписью «Морг».

Санитары, извиняясь, сказали, что посторонним туда вход запрещён. Пол решил поехать домой и поспать. Теперь он знал, где находится морг, и сможет вернуться туда через несколько часов.

Приехав домой, он вытащил из внутреннего кармана свёрнутый в трубочку заветный журнал с Джули, расправил его, положил рядом на подушку и заснул.

Пол проснулся в полдень, перед его раскрытыми глазами лежало журнальное лицо Джули с застывшим на нём великим наслаждением.

Пол решил во что бы то ни стало сокопиться с останками Джули, не позволить мечте исчезнуть совершенно. Её неподвижность не смущала его – она просто напоминала бы Полу её фотографии, на которых она тоже была неподвижна. Но ощущение Джулиной плоти, пусть уже бездушной, ему было жизненно необходимо.

Пол понимал, что проникнуть в морг и осуществить свою мечту реальнее всего будет ночью. Пока светило солнце, он решил обзавестись белым халатом, чтобы сойти за работника морга. Затем он заехал к гравировщику и заказал пластмассовую бирку с именем, подобную той, что он видел на нагрудных карманах халатов у двух санитаров, отвозивших тело Джули. К вечеру Пол был готов для проникновения в морг. В машине он надел халат и вошёл в госпиталь в облачении санитаря. Несколько часов переждал в туалете, и, когда большинство населяющих больницу впало в ночное забытие, Пол направился в морг. На случай, если его спросят, Пол придумал историю, что он недавно поступивший на работу санитар, которого послали в морг.

Полу повезло: когда он открыл двери в морг, там никого живого не оказалось. Вдоль одной стены стояли выдвижные ящики, в которых, как он видел в кинофильмах, должны были храниться трупы. Посередине зала стояло два стола для вскрытия, но там ничего не лежало. Ящиков было сорок, на каждом чернел номер. Пол стал выдвигать ящики один за другим. Большинство из них были пустыми. В четырёх лежали трупы, но среди них не было Джули. Больше искать было негде, Пол вышел из морга и уехал домой.

Утром он позвонил в морг и представился братом умершей. Ему сказали, что в документах она значилась как не имеющая родственников и друзей, и поэтому труп отправили в крематорий. Пол выяснил, в какой крематорий, и ринулся туда. Когда он приехал в крематорий, из зала прощания уходили люди в чёрном и в слезах.

Пол вызвал менеджера и представился братом Мэгги Джонсон. Менеджер посмотрел в какие-то бумаги и сказал, что Мэгги значилась как покойница без родственников и её уже кремировали, так как в таких случаях трупы кремируются сразу, как только они поступают на их предприятие. Менеджер сообщил, что урна с прахом таких сирот хранится в течение полугода на случай, если обнаруживаются родственники, и он готов вручить эту урну Полу. Пол заплакал, искренне и горько, – его любовь была сожжена. Менеджер, привыкший к слезам, профессионально, но проникновенно произнёс слова соболезнования и вышел. Через несколько минут он вернулся с урной, представлявшей из себя сосуд с крышкой, которая была залита герметизирующим составом. Пол расписался в квитанции и ушёл с миром и с прахом.

Приехав домой, Пол расковырял отвёрткой крышку и открыл урну, наполненную серой пылью. Пол расстегнул молнию на ширинке, вытащил цепляющийся за трусики предвкушающий хуй и стал вызывать в нём наслаждение.

В безутешном горе он посыпал пеплом свою головку и выплеснул слёзы семени в урну.

Она, не глядя

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2001. № 44.

Джорджу Т., миллиардеру, недавно исполнилось восемьдесят. Красавцем его даже в молодости не называли, а в эти годы тем более. Однако женщин он теперь любил ещё больше, чем в юности, потому что ощущал, что познал себя и свои желания. Познал, конечно, не до конца, ибо он был ещё жив.

Деньги позволяли ему покупать роскошных самок, но с некоторых пор это перестало радовать его. Дело в том, что, как бы хорошо они ни имитировали страсть, он прекрасно понимал, что это подделка. Даже тогда, когда он вынуждал их на оргазм, Джордж был уверен, что в эти прекрасные мгновенья они мечтают о ком-то другом, моложе его и красивее.

Если любовницы добивались встречи с ним, он знал, что их интересуют его деньги, а те, что делали вид, будто испытывают какие-то чувства, просто рассчитывали на замужество и получение наследства или хотя бы на то, что в завещании он отпишет им какую-то сумму.

Джордж возмечтал, чтобы красавица совокуплялась с ним, уродливым стариком, со страстью. Деньги решили и эту задачу.

Джорджу подыскивали трёх молодых мужчин, которым он назначил содержание за выполнение приятной работы. Богач и трое его подчинённых ехали на дискотеку в небогатый район. Миллиардер усаживался на возвышении и выбирал понравившуюся ему самку. Задачей этих мужчин было познакомиться и соблазнить её. Обольстители были выбраны трёх разных типов красоты. Один был блондин, другой – брюнет и третий – негр. Если красotka не реагировала на одного, то пытался второй, а если не везло и второму, заступал третий. Счастливчик, которому девушка выказывала расположение, без труда добивался её согласия поехать во дворец Джорджа. Соблазнитель вёз девушку на лимузине. Джордж сидел позади, отделённый от парочки перегородкой, прозрачной с одной стороны, и наблюдал за процессом соблазнения. Красота мужчины и его меткие навыки, роскошество дворца и его убранства, алкоголь и марихуана делали девушку сговорчивой. Поражённая невиданным богатством, гостя не упрямилась и отдавалась подчинённому Джорджа в громадной спальне, оборудованной скрытыми камерами, о которых не знали даже соблазнители.

Всё шло по разработанному Джорджем сценарию. В процессе наслаждений мужчина заводил разговор о том, что у него есть мечта: полюбоваться возлюбленной, отдающей его другу, но так, чтобы девушка не видела его. Мужчина уверял её, что друг его красив и молод, но не может показать девушке своего лица, тела и даже дать ей услышать его голос, так как друг этот слишком известен и никто не должен знать, что он таким образом развлекается. Разговор затевался, когда любовница сидела на хуе своего нового возлюбленного. Девушка, возбуждённая «первопроходцем» Джорджа и окружающей её роскошью, близкая к очередному оргазму, легко соглашалась. Любовник привлекал девушку к себе, целуя в губы, и её зад открывался для Джорджа. Он выходил из своего укрытия, начинённый виагрой, с хуем, стоящим по-юношески. Подчинённый держал девушку за голову, чтобы она ни в коем случае не смогла обернуться, нарушив запрет. На её глаза накладывалась повязка, чтобы гарантировать незримость Джорджа.

Он подходил к женской плоти сзади, его подчинённый вытаскивал свой хуй, освобождая место хую Джорджа, и тот погружался в подготовленное для него влагище. Девушка воспринимала это со страстью, потому что находящийся под ней мужчина в этот момент целовал её и объяснялся в любви. Покрыв хуй любовной смазкой, Джордж освобождал место для прежнего хуя, а свой устремлял в анус любовницы.

Для многих посетительниц дворца это ощущение было внове, но соучастник Джорджа включал в этот момент вибратор и прижимал его головку к клитору, чтобы наверняка вызвать в любовнице оргазм. Затем умелец брал руку девушки и вкладывал в неё вибратор, ибо только она сама могла скорейшим образом довести себя до судорог. Двигаясь в женском теле, мужчины дожидались, когда в нём вспыхнет оргазм и тогда Джордж извергался. Затем он уходил в своё укрытие, продолжая наблюдать оттуда за восторженной женской реакцией, замешенной на таинственности и необычности, которую он спланировал и (буквально) воплотил.

Джордж не произносил ни слова, чтобы старческие интонации его голоса не выдали его возраст. По той же причине он всегда заходил только со спины, чтобы гостя не могла не только увидеть его, но и почувствовать кожей груди и, не дай бог, руками, дряблость его тела. У девушки оставалось впечатление только от хуя и от упирающегося в зад живота. Но женские ягодицы не различали складок на животе старика.

Самым важным для Джорджа было то, что девушка страстно реагировала на его хуй и была уверена, что он принадлежит телу знаменитого красавца. Прежние женщины, которые видели Джорджа, заменяли в мечтах даже его хуй. Теперь же хуй они точно не заменяли и радостно принимали реальность. Остальное тело они тоже не пытались заменить фантазией, ибо пребывали в уверенности, что оно прекрасно.

Джордж считал такое положение вещей принципиально иным, потому что в женских эмоциях в процессе ебли не было никакого отрицания Джорджа, а, наоборот, полное приятие. Более того, женское желание лишь усиливалось из-за убеждённости, что Джордж так же прекрасен, как ощущения от его хуя. В женщине разгоралось ещё и любопытство – узнать, кто же этот знаменитый красавец, а любопытство лишь обостряло чувственность.

Так Джордж научился перехитрить женский ум, который мешал бы телу наслаждаться стариком.

После каждого такого свидания Джордж просматривал видеозаписи и получал особое удовольствие от зрелища совокупления с таких ракурсов, с которых ему самому никогда не удалось бы это увидеть. Кроме того, он от раза к разу шлифовал «подход» к женщинам, последовательность движений, поведение его подчинённого и пр. В итоге молодые красавицы, жаждущие хуя Джорджа и заинтригованные его неизвестной внешностью, следовали одна за другой, как на волшебном конвейере.

Расходы на трёх подчинённых мужчин были незначительными по сравнению с содержанием любовниц, так что даже с финансовой стороны это предприятие было для Джорджа весьма выгодным. Кроме того, он избавлялся от всех подготовительных операций, необходимых для склонения женщины к соитию, и лишь снимал с неё сливки.

Однажды Джордж поддался мольбам восторженной любовницы, смалодушничал и дал команду подчинённому отпустить её голову, снять с глаз повязку и позволить оглянуться. Позже Джордж не раз просматривал на видео это мгновение прозрения, кривую улыбку разочарования, отвращения и унижения. Это напомнило ему сцену из фильма Чаплина, где прозревшая девушка впервые лицезреет своего неприглядного покровителя, которому она обязана своим возвращённым зрением. В кино это было сделано умилительно. А в реальности женщина в слезах соскочила с сотрудника Джорджа и в гневе за обманутые мечты стала требовать, чтобы её немедленно отвезли домой.

С тех пор Джордж не поддавался на подобные просьбы, которые время от времени возникали. Он понял, что главное – тешить себя не иллюзиями, а телами. А женские тела дарили Джорджа такой страстью, какой никто из стариков вкушать не мог – даже сам Хью Хефнер, чьё старое лицо и тело лезло в глаза его оплаченным любовницам. Любовницы же Джорджа страстно принимали в себя его хуй, да ещё и бесплатно.

Особо понравившихся Джорджу любовниц его помощники приглашали второй раз, иногда – третий. Одна девушка девятнадцати лет так понравилась Джорджу, что он пригласил её

в четвёртый раз. Она уже привыкла и ждала, что в какой-то момент ей завяжут глаза и знаменитый друг её любовника появится откуда-то и войдёт в неё.

Девушку звали Тэмми, и она являла собой для Джорджа его любимый тип женщины, как внешне, так и по своим повадкам. Тэмми, заинтригованная регулярным появлением незнакомца в спальне, а потом в ней, пыталась узнать его имя и завязать с ним разговор. Однако Джордж не произносил ни слова, и его инструктированный подчинённый отказывал ей во всякой информации.

В какой-то момент Джордж решил рискнуть. С согласия Тэмми он отослал подчинённого из спальни. Тэмми не просила освободить глаза от повязки, и Джордж ни в коем случае это бы не разрешил. Он через подчинённого оставил ей инструкцию, что совокупляться они будут только в позиции, когда Тэмми стоит на четвереньках и Джордж будет сзади неё.

Когда они прервались на еду, старый любовник бессловесно кормил свою возлюбленную свежими устрицами, которые она любила, как и он. Джордж подавал ей в руку бокал шампанского, отрезал кусок мяса и вкладывал ей в рот. Потом он водил Тэмми в туалет и вылизывал капли мочи на её волосиках, всячески уклоняясь от её рук, пытавшихся заключить его в объятия.

Вскоре Тэмми вызвалась рассказать о своей жизни. Воспитывалась она отцом, без матери, которая умерла, когда Тэмми было три года. Отец боготворил дочь, и та обожала его. Благодаря ему и ради него Тэмми закончила школу с отличием и теперь училась в университете. Год назад отец умер от инфаркта, что было для неё страшным ударом. Отцу было 65 – Тэмми была поздним и единственным ребёнком.

Джордж невольно сравнивал себя с отцом Тэмми, хотя понимал, что он больше подходит для роли прадедушки, чем отца.

– А почему я не могу тебя увидеть или хотя бы услышать? Почему ты не даёшь себя обнять – ты приносишь мне столько наслаждений, а я не могу знать, кому я за них благодарна? – ненавязчиво просила Тэмми с завязанными глазами.

Джордж молчал и, когда напор вопросов становился чрезмерным, приглашал её соблазнителя отвлечь Тэмми, что тому легко удавалось, и Джордж не испытывал никакой ревности. Джорджу вполне хватало места в Тэмми для изъявления своей любви к ней. Подчинённый, по инструкции Джорджа, выполнять которую он мог виртуозно, страстно объяснялся в любви Тэмми, которая сидела на его хуе. Тэмми легко поддавалась любовному говору и отвечала с чувством, склоняясь и целуя подопечного Джорджа. Именно в эти моменты восторженных объяснений в любви Джордж обожал вставлять хуй в зад Тэмми, и она, только что лепетавшая «I love you»⁵, начинала восклицать, согласно изменившейся обстановке, «I love you both»⁶.

Джордж не позволял себе проявить слабость и увлечься Тэмми настолько, чтобы она в какой-то момент увидела его. Однако, чем дольше длились их встречи, тем больше возрастал риск. Поэтому Джордж решил устроить последнюю встречу с Тэмми, но так, чтобы память о приключении осталась бы у неё на всю жизнь, – в этом добром деле Джордж всё-таки проявил слабость.

На одном из балов, устроенных в Голливуде в честь влиятельных филантропов, в числе которых был и Джордж, его осенила идея при взгляде на одного из гостей – знаменитого киноактёра по имени Арчибальд. Джордж был с ним давно знаком и финансировал несколько фильмов, в которых Арчибальд играл ведущие роли. Актёр был красавцем, которого обожали женщины, но который любил юношей. Свою любовь Арчибальд держал в строжайшем секрете, чтобы это не разрушило его славу сердцееда, столь важную для успешности его карьеры. Однако в прессе стали появляться намёки, а потом и откровенные заявления о том, что Арчи-

⁵ Я люблю тебя.

⁶ Я люблю вас обоих (англ.).

балльд гомосексуалист. Джордж решил укрепить его гетеросексуальную репутацию и заодно сделать прощальный подарок Тэмми и впечатлять последующих женщин.

Джордж отозвал Арчибальда в сторону и сказал, что у него к нему дело. Они вышли в парк, окружавший особняк, где шумел бал. Джордж предложил Арчибальду способ запуска стойкого слуха о его гетеросексуальности и в то же время обещал его познакомить с очаровательными мужчинами. Арчибальд заинтересовался, и Джордж рассказал ему свой план.

Прежде всего Джордж поведал о своих наслаждениях и о том, каким способом он держит женщин в иллюзии, что их ебёт знаменитый молодой мужчина, который не желает раскрывать себя.

Джордж предложил Арчибальду появиться в спальне вместе. После того как Джордж удовлетворит свою похоть, он спрячется в одно из укрытий, которыми была оборудована спальня, тогда как Арчибальд, находящийся всё время рядом, сделает вид, что это он только что извергся в Тэмми, снимет с её глаз повязку и заговорит с ней. Таким образом, Тэмми будет уверена, что Арчибальд – это тот молчаливый второй, и будет счастлива тем, что её любовником оказался такой знаменитый и красивый мужчина.

Расчет шёл на то, что она и последующие женщины будут хвастать направо и налево или даже решат связаться с репортёром какой-либо газеты, чтобы лично опровергнуть слухи о гомосексуализме кинозвезды и заработать на этом деньги. В награду за это Джордж обещал познакомить Арчибальда с его мужчинами-подчинёнными, которые, он знал, были бисексуальны.

На вопрос Арчибальда, что ему делать с восторженной женщиной, которая потребует его сексуального внимания, Джордж ответил, что так как Арчибальд будет являться ей сразу после оргазма Джорджа, то у того будет убедительная причина для некоторого отдыха. Он будет развлекать женщину разговорами, а потом объявит, что у него есть дело, которое заставляет его уйти.

В течение разговора Арчибальд должен подчёркивать, что его больше всего возбуждает ситуация, когда любовница его не видит и не прикасается к нему руками, а он во время совокупления не произносит ни слова.

После того как Арчибальд поспешно покинет спальню, его будет поджидать в соседней спальне один из подчинённых Джорджа. А женщину, ошалелую от знакомства с красавцем-знаменитостью, как обычно, отвезёт домой шофёр.

Первая совместная операция прошла замечательно. Арчибальд тихо появился вместе с Джорджем в спальне, когда Тэмми сидела на своём соблазнителе, которого Джордж предупредил заранее об участии Арчибальда и о том, что последует после. Когда Джордж подошёл сзади и раскрыл Тэмми ягодичы, она, как обычно с повязкой на глазах, обернуться не попыталась и только ласково произнесла: *Come in me, my sweet*⁷.

Джордж, к обоюдной радости, не замедлил исполнить её повеление. Как только Джордж разъединился с ней, Арчибальд прикоснулся к задку Тэмми, а Джордж исчез за зеркальной дверью, встроенной в стену, и продолжал, невидимый, наблюдать за происходящим. Джордж видел, как Тэмми соскользнула с его подчинённого и Арчибальд снял с её глаз повязку. Тэмми, мгновенно узнав Арчибальда, в восхищении воскликнула «О Боже!» и обняла его, хотя тот ел глазами лежащего молодого мужчину.

Насколько же разительно отличалась реакция Тэмми на Арчибальда от реакции той женщины, которой Джордж так опрометчиво решил открыться некоторое время назад. Тэмми покрывала Арчибальда поцелуями и приговаривала, как она его полюбила, даже не видя, и как это романтично, что Арчибальд оказался таким же прекрасным, как его хуй. Арчибальд с

⁷ Кончи в меня, мой сладкий! (англ.)

некоторым смущением принимал эти ласки и комплименты, зато Джордж принимал большую их часть на свой счёт.

Наконец Арчибальд сказал Тэмми, что у него срочное дело, которое не позволяет ему оставаться дольше, и что Тэмми придётся уйти, но они встретятся снова и причём очень скоро. Тэмми с грустью повиновалась и оделась, продолжая целовать и ласкать Арчибальда, однако он нежно, но настойчиво избавился от Тэмми, чтобы заняться её соблазнителем.

Джордж дал подчинённому строгое указание больше не поддерживать с Тэмми никакой связи. А подчинённый тем временем уже установил близкую связь с Арчибальдом в постели, ещё тёплой от тела Тэмми.

Затем последовало немало других женщин, которым после наслаждений с Джорджем открывалось лицо и тело Арчибальда и женщины, восторженные и счастливые, холили в себе семя Джорджа, не позволяя истечь и капле, в полной уверенности, что в них побывала волшебная плоть кинозвезды.

Слухи о сексуальных похождениях Арчибальда с женщинами стали повсюду распространяться, и, как ожидалось, некоторые бульварные газеты опубликовали интервью с несколькими женщинами, среди которых, однако, не было Тэмми.

Все были довольны результатами вечеринок во дворце Джорджа.

Вскоре после последней встречи Тэмми стала появляться у ворот ограды, окружающей дворец. Она просила свиданий, которых её лишили. Но охрана вежливо выпроваживала её, говоря, что хозяева уехали в путешествие. Тэмми возымела уверенность, что Арчибальд был в неё влюблён. Её первоначальное увлечение подчинённым Джорджа полностью обратилось на Арчибальда. Тэмми разыскала адрес своего бывшего любовника и всячески докучала ему просьбами снова привезти её во дворец, будучи в полной уверенности, что, как только она там окажется, Арчибальд бросится в её объятия.

С одной стороны, Джорджу было лестно, что красивая юная женщина так домогается повторения ощущений, которые доставил ей он, а не Арчибальд. С другой – его раздражало то, что эти ощущения Тэмми неразрывно связала с Арчибальдом. Всё сводилось к тому, что наслаждение безлично и что на его каркас можно натягивать любую внешность. Именно благодаря этому Джордж получал свои наслаждения и доставлял их другим.

Однажды Тэмми опять приехала к воротам поместья и стала просить охрану впустить её, утверждая на этот раз, что у неё есть важная информация. Джордж приказал пропустить её. Слуга привёл её в библиотеку. Тэмми рассматривала книги в высоких шкафах, стоящих вдоль стен. Джордж следил за ней из соседней комнаты через видеокамеры. Наконец он вышел из дверей, опираясь на палку с золотым набалдашником. Тэмми повернулась к нему и поздоровалась. Видно было, что она собиралась держаться самоуверенно, но возраст и облик Джорджа смутили её.

- Что у вас за информация? – спросил старик.
 - У меня информация для Арчибальда. Вы можете его позвать?
 - Он здесь не живёт.
 - А где же он? – удивилась Тэмми.
 - Я не знаю. Я его дядя и могу передать ему всё, что вы имеете сообщить.
 - Мне это нужно сказать ему самой. Как я могу его найти? – настаивала Тэмми.
 - Это невозможно. Но я обещаю, что передам ему всё, что вы хотите.
- Тэмми задумалась и решила:
- Передайте ему, что я от него беременна. И что я ребёнка оставляю.
 - А что вас заставляет верить, что ребёнок именно от него?
 - Потому что ни от кого другого я забеременеть не могла.
 - Вы хотите сказать, что Арчибальд был вашим единственным мужчиной?

– У меня в это время был ещё только один мужчина, и у него была сделана операция по стерилизации, так что от него я забеременеть не могла. Я люблю Арчибальда, – сказала она твёрдо.

Джорджу стало приятно, будто она призналась в любви ему. Тем не менее он мог с полным основанием считать, что она призналась в любви к его хую.

Старый мозг Джорджа заработал по-юношески. Джордж не знал, что тот его подчинённый стерилен. Но если всё так, то отцом оказывался Джордж. Ему вдруг остро захотелось, чтобы эта красивая и смышлёная самочка родила ему ребёнка. Его единственный сын умер несколько лет назад, и Джордж остался без наследника. В отличие от поговорки, за деньги всегда можно купить любовь, но жизнь подчас ни за какие деньги купить не удаётся.

«Чем будет не наследник?» – размышлял он об их ребёнке, глядя на ладную фигурку Тэмми, которую он знал вдоль и поперёк.

Джордж привычно продумывал все варианты:

«Конечно, нужно будет проверить, действительно ли она беременна, и убедиться, что от меня. Но если это так...»

Джордж сказал, что обязательно передаст её сообщение Арчибальду и что вскоре ей позвонят.

Джордж вызвал своего подчинённого, соблазнителя Тэмми, и тот рассказал, когда и при каких обстоятельствах ему была сделана операция. Медицинская проверка быстро это подтвердила.

Затем Джордж связался с Арчибальдом и продолжил разговор, который возникал у них уже не раз. Джордж был заинтересован в киноуспехах актёра, потому как продолжал вкладывать деньги в фильмы, в которых снимался Арчибальд.

Джордж предложил ему жениться, чтобы полностью реабилитировать себя в глазах публики и снять подозрения в гомосексуализме. Тэмми была подходящей невестой. Он рассказал Арчибальду о её беременности и о том, что, по всей вероятности, сам является отцом. Арчибальд мог заполучить не только жену, но и ребёнка, и Джордж заверил, что позаботится, чтобы ни Арчибальд, ни Тэмми, ни ребёнок никогда не испытывали денежных стеснений. А Джордж, на правах дяди Арчибальда, сам будет общаться с ребёнком и сможет участвовать в его воспитании, насколько ему позволят оставшиеся годы жизни.

Арчибальд согласился с этим предложением, которое было для него вполне разумным и, что немаловажно, щедрым.

Через несколько дней Джордж пригласил Тэмми к себе, где её ждал Арчибальд и гинеколог, который удостоверился, что она действительно беременна. Было решено, что они женятся немедленно. Арчибальд хорошо играл роль влюблённого, и Тэмми была в полном восторге.

В медовый месяц, как и в прочие месяцы до родов, Арчибальд старался свести сексуальное общение с Тэмми к минимуму. Он заставлял себя проникать хуем в Тэмми, но испытать оргазм мог только с женщиной. Тэмми поначалу не подозревала о его предпочтениях и относилась к его сдержанности на счёт своей беременности, но всё же волновалась и переживала. Арчибальд пропадал на съёмках фильмов и телепередач, а Тэмми всё больше погружалась в заботы будущего материнства. Джордж издали следил за её здоровьем, держа вокруг неё врачей и сестёр. Тэмми воспринимала заботы Джорджа как поведение заботливого дяди. Когда родилась девочка, сразу был сделан анализ, и его отцовство подтвердилось. И тогда Джордж воспылал любовью к своей дочке. Фонд, который он учредил на её имя, обеспечивал ей и её будущим детям беззаботное в финансовом отношении будущее.

Однажды Джордж пригласил Тэмми с дочуркой к себе во дворец пожить несколько дней. Арчибальд пропадал с мужчинами и на съёмках. Тэмми пользовалась неограниченной свободой и имела достаточно денег. Всё, что от неё требовалось, – это появляться с Арчибальдом на

торжественных приёмах. Джордж и Тэмми говорили о том, что она может иметь любовников, сколько ей пожелается, но только не афишировать это.

Джордж умилялся, глядя, как заботливо и нежно Тэмми обращается с их дочкой, которую назвали Марией. Со счастливой улыбкой она кормила грудью девочку. Грудь Тэмми значительно увеличилась, и Джордж тоже пососал бы её с удовольствием. Он сидел рядом и разговаривал с дочкой, которая выпускала изо рта сосок, чтобы улыбнуться Джорджу, и опять принималась сосать. Насытившись, девочка заснула, и Тэмми пошла положить Мэри в кроватку – Джордж шёл следом за ними.

Так оказалось, что детская была на том же этаже, где спальня, в которой Джордж устраивал любовные вечера. Тэмми уложила похрапывающую Мэри и поманила Джорджа. Они вместе вышли из детской. Мэри повела Джорджа по коридору в сторону знакомой спальни.

– Я всё знаю, – шепнула она Джорджу. – Мне прислали видео.

Они вошли в спальню. Тэмми сняла через голову платье, щёлкнула замком лифчика, прошуршала шёлком трусиков и встала на четвереньки.

Джордж открутил золотой набалдашник на трости и вытащил из углубления спрей виагры.

Тэмми сказала:

– Только я не буду оборачиваться. Хорошо?

Крепкий коктейль

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2001. № 51.

Закончив с делами, я взял такси и приехал к *Plato Place*. Это был тайно знаменитый клуб группового секса в Нью-Йорке, о котором мне рассказывали на наших местных оргиях. Было ещё рано, часов семь вечера, но я уже видел парочки, входящие в неприглядную дверь. Я знал, что туда не пускали одиноких мужчин, и рассчитывал, что у входа найдутся одинокие женщины, которых можно будет купить и взять с собой в качестве партнёров. Но то ли было слишком рано, то ли ещё по какой причине, но по пустынной улице двигались только машины.

Вот, хлопнув дверью джипа, появилась очередная парочка. Мужчина нёс большую спортивную сумку, а женщина – такую же поменьше. Можно было подумать, что они идут в спортивный клуб. Впрочем, групповой секс – это и есть самый приятный вид спорта. Когда парочка вошла внутрь, моя фантазия окатила меня новой волной образов наслаждений, которые пенятся за этими стенами.

Послonyaвшись у входа ещё с полчаса, так и не увидев одиноких женщин, я решил поехать в какой-нибудь бар и купить проститутку, чтобы взять её с собой. Я остановил такси и попросил отвезти меня в ближайший бар, полный женщин. Таксист сказал, что знает место неподалёку, в котором есть не только женщины, но и весьма необычное представление.

– Вези, – скомандовал я.

Вскоре мы подъехали к дверям, над которыми неон круглился буквами: CLUB «СОКТЕЙЛ»⁸.

«Слеза комсомолки?» – ухмыльнулся я про себя.

– А почему такое название? – спросил я шофёра, расплачиваясь с ним. – В этом клубе только один коктейль?

– Говорят, что такой коктейль, как здесь, больше нигде не найти.

– Попробуем, – сказал я и пошёл ко входу.

Дверь была закрыта, я нажал на кнопку звонка. Меня явно осмотрели в глазок. Дверь открыла женщина в закрытом чёрном вечернем платье, до шеи облегающем её стройную фигуру с широкими бёдрами.

– Вы хотите испить наш коктейль? – спросила она с ласковой улыбкой.

– А что это за коктейль? – не понял я.

– Заходите, – пригласила она, не ответив на мой вопрос, но поняв, что я здесь впервые. Я переступил за порог, и дверь за мной захлопнулась.

– Вы готовы к совершенно необычному? – спросила женщина, глядя мне прямо в глаза.

– Всегда готов! – ответил я не задумываясь.

– Входная плата двадцать пять долларов.

Я вытащил из кармана стодолларовую бумажку и протянул ей. Она взяла её и сказала:

– Следуйте за мной, я дам вам сдачу.

Она спрятала руку с банкнотой за спиной и повернулась, чтобы повести меня куда-то – платье на спине оканчивалось ниже ягодиц, и меня обдало чудом её роскошного голого зада. Между ягодиц торчала моя стодолларовая бумажка, которую женщина туда положила, как обыкновенно женщины кладут деньги между грудей в лифчик. Я шёл за ней, зачарованный контрастом чёрного платья и белого роскошного зада, славно поигрывающего в ходьбе.

⁸ Клуб «КОКТЕЙЛЬ» (англ.)

По обе стороны прохода стояли красивые молодые мужчины, одетые в трико, сквозь которые просматривались их полустоячие члены. Женщина, проходя мимо, невзначай коснулась рукой двух из них. Мужчины восприняли это как само собой разумеющееся, с улыбкой.

Мы вошли в зал со столиками человек на тридцать, с небольшой круглой сценой посередине. Одним глазом я смотрел по сторонам, а другим следил за задом – так безотрывно смотрят олени на белый хвостик матери, бегущей впереди. Женщина подошла к бару, вытащила из ягодичек сотню и, получив у бармена сдачу, уже не стала вкладывать её в свой «кошелёк», а принесла мне в руке.

– А я бы хотел получить сдачу из того же места, – сказал я, беря деньги.

– Вам предоставится такая возможность, – ответила женщина и повела меня к столику в третьем ряду у самой сцены. Первые два ряда были уже заняты. На стене висел огромный экран, на котором демонстрируется действие, происходящее на сцене, и «ведущая» заверила меня, что с любого места всё будет видно замечательно. Я сел за столик, женщина повернулась и унесла от меня свой зад.

Тихо разливалась музыка. Между столиками ходили официантки, тоже в закрытых спереди платьях, с оголёнными руками и с вырезом на спине, полностью открывающим зад. Когда девушки наклонялись над столиком, ставя напитки или принимая заказ, их зады смотрелись ещё прекраснее. Одна из них оказалась рядом со мной.

– Что вы хотите заказать? – спросила официантка, юная и красивая.

– Я бы заказал твой зад... но давай начнём с коктейля, именем которого назван клуб.

– Он ещё не готов, – ответила официантка. – А пока я могу принести всё, что вы хотите из бара.

Я заказал своё любимое питьё. Официантка ушла, поигрывая дивной плотью. Я с облегчением заметил, что у бара сидело несколько женщин с очевидными намерениями на лицах. После представления было с кем пойти в *Plato Place*.

Когда официантка вернулась с коктейлем и склонилась, ставя его мне на столик, мужчина, сидящий со стороны её распахнувшегося зада, раскрыл ей руками ягодички и погрузил между них своё лицо. Официантка весело подмигнула мне, осталась склонённой секунд пять, распрямилась и взяла из рук моего соседа награду в двадцать долларов. «За пять секунд 20 долларов, – стал я подсчитывать в уме её часовую зарплату. – Больше моей!»

Я сосал свой коктейль через соломинку странной формы, но ещё более странного действия: с виду это была обыкновенная пластиковая прозрачная соломинка, правда чуть сужающаяся на конце, но стоило её взять в рот, как она увеличивалась в диаметре раза в два, таким образом поток коктейля нарастал, и ты его выпивал быстрее. Но за счёт чего увеличивала свой диаметр соломинка, я не мог понять – быть может, это была реакция на тепло моих губ или на давление. Что это тогда за материал? Но я решил не вдаваться в научные вопросы, а посвятил своё внимание сцене, которая вдруг осветилась ярким светом, и видеокамеры, смотрящие на круглое ложе, стоящее посередине сцены, спустились с потолка.

Музыка в зале умолкла. За столиками сидели мужчины. Некоторые были с женщинами. Все затаили дыхание, даже те, кто пришёл сюда не в первый раз.

На сцену поднялась обнажённая златоволосая женщина с весьма красивыми чертами лица. Она низко поклонилась залу, поворачиваясь задом в разные стороны зала. В данном случае приветствовал публику её зад, а не лицо. Каждый её поклон сопровождался громкими аплодисментами, особенно с той стороны зала, к которой она оказывалась спиной.

Затем она легла животом на низкое ложе. Экран на стене вспыхнул и увеличил и вознёс её зад. С двух сторон на сцену поднялись мужчины. Я их узнал – они стояли при входе, но теперь они были обнажены и члены у них стремились вверх. Мужчины расположились полукругом вокруг женщины и дровичили. Один подошёл к женщине и дал ей хуй в рот. Она радостно взялась за работу, но тут мужчина отделился от неё и переместился к её задку. На огромном

экране появился его смазанный член, медленно входящий в её анус, а затем быстро задвигавшийся и извергнувший семя через секунд двадцать, не больше. Отсутствие музыки давало место вздохам, всхлипам, стонам. Тем временем женщина энергично сосала хуй следующего мужчины, пока остальные продолжали не менее энергично онанировать. Когда первый мужчина кончил, второй сразу занял его место, что очень наглядно было видно на экране, и тоже кончил за считанные секунды. Мужчины издавали счастливые стоны, а женщина, каждый раз, чувствуя заполняющее её семя, восклицала: *Oh God!*⁹ Зал безмолвствовал в усиливающемся возбуждении.

Так минут за пять в зад женщины излилось семя десяти мужчин. Сделав доброе и приятное дело, мужчины уходили со сцены, благодарно целуя женщину в ягодицу. Женщина лежала, широко разведя ноги. Когда последний мужчина вытащил опустошённый член и её сфинктер, уже привыкший к раскрытости, нехотя закрылся, женщина продолжала лежать. Затем она торжественным и медленным жестом широко растянула руками свои ягодицы и мужской голос из громкоговорителя произнёс: «Коктейль подан!»

В этот момент ко мне подошла официантка и положила меню, где было всего две строчки:

Коктейль – \$800

Коктейль со льдом – \$1000.

Я вопросительно посмотрел на неё. Она пояснила:

– Со льдом – это значит с отсосом.

– А... – протянул я, будто мне стало понятно, что значит «коктейль с отсосом». Сам коктейль ведь тоже нужно сосать. Но тут настала эпоха Просвещения.

На сцену поднялся мужчина, вышедший из-за столика. С другой стороны на сцену вышла обнажённая женщина с маленьким подносом в руках, на котором лежала соломинка, подобная той, что торчала из моего бокала. Мужчина взял соломинку и дрожащей от нетерпения рукой аккуратно ввёл её глубоко в анус лежащей на ложе женщине. Та радостно улыбалась. Мужчина взял соломинку в рот, и она расширилась. Анус раскрылся как цветок.

Женщина, которая принесла соломинку, опустилась на колени перед мужчиной, вытащила член из брюк и взяла его в рот. На экране появились губы мужчины вокруг утопленной чуть ли не на всю длину соломинки и было отчётливо видно, как сквозь её прозрачные стенки поднималась в рот мужчины бело-коричневая масса. Он жадно её глотал, пока женщина на коленях высасывала из его хуя чистое семя.

Мужчина отпрянул от соломинки, насыщенный с одной стороны и опустошённый с другой, спрятал член в брюки, застегнул молнию на ширинке и под рукоплескания ушёл со сцены. Не менее благодарные аплодисменты обрушились и на женщину, что потчевала его коктейлем, и ту, что играла роль льда. Мужчина, спускаясь со сцены, чуть не потерял равновесие – видно, коктейль был крепок. Напиток этот можно было по праву назвать «Сучий потрох».

На сцену уже поднималась следующая женщина и укладывалась на ложе, и следом за ней выходили те же мужчины.

«Быстро оправились, – подумал я. – Интересно, сколько женщин они заполняют за вечер?»

Я заметил, как очередной любитель коктейля за соседним столиком уже нетерпеливо предвкушал свою порцию, расплачиваясь с официанткой сто долларовыми купюрами.

Я уже насытился этим зрелищем, и мне давно хотелось удовлетворить не только зрение. Расплатившись за свой обычный коктейль, я подошёл к наиболее мне приглянувшейся проститутке у бара и спросил, сколько будет стоить её сопровождение меня в *Plato Place*.

⁹ О, Боже! (англ.)

Цена определялась тем, со сколькими мужчинами (включая меня) и женщинами я захочу, чтобы она вступала в контакт. Я сказал, что ни со мной, ни с кем другим она не обязана иметь контакт, а послужит лишь пропуском, а потом она может уйти.

– Ты, наверно, никогда не был в *Plato Place*. Они не позволяют женщине уйти, пока она не даст кончить хотя бы одному мужчине.

– Хорошо, тогда я заплачу за одного, – сказал я и отсчитал ей купюры. – Как тебя зовут? – спросил я её, когда мы уселись в такси.

– Уэнди. Тебе понравилось представление? – поинтересовалась она.

– Питательное представление. Интересно, сколько женщин заполняют эти мужчины за ночь?

– Уж не думаешь ли ты, что они кончают?

– А что, разве нет? – поразился я.

– Конечно нет, – им кончать внутрь запрещено – женщины боятся заразиться. А если, бывает, кто-то не удержится, так его сразу выгоняют.

– Откуда ты знаешь?

– Я одно время тоже здесь коктейлем потчевала.

– А из чего же там белое берётся?

– Очень просто – менеджер разводит водой солёный йогурт и впрыскивает ей в зад перед выходом.

– Неужели знатоки вкус не различают?

– А дерьмо всё собой забивает.

Обманность, лживость этого коктейля сделала его более отвратительным для меня, чем даже физиологическая натуральность истинного.

Если мужское семя есть материальное воплощение оргазма, то оно в этом смысле может вызывать интерес у женщины или мужчины: им может представляться, что они глотают ове-ществлённый оргазм. А смесь его с женским дерьмом может представлять феноменологиче-ский эффект воссоединения блаженства с его тотальной тщетностью. Тщетностью, исходящей из творительницы жизни и тем дерьмо оживляющей.

Наверно, эти размышления пагубно отобразились на моём лице, потому что Уэнди участ-ливо предложила:

– Если хочешь, я могу тебе настоящее представление устроить. Но я не хочу больше пятерых мужчин, пяти вполне хватит для настоящего коктейля.

– Всё это хорошо, только мне твой напиток не нужен. Я его не пить хочу, а делать.

– Ну и будешь делать, – сказала Уэнди примирительно.

Мы подъехали к *Plato Place*.

Я вышел из машины, открыл дверь и подал спутнице руку. Рука её была мягкой и горя-чей. Облегающее платье выдавало большую грудь и зад. Уэнди, надо сказать, была весьма оча-ровательна.

Уэнди по-заговорщически зашептала мне на ухо, хотя мы стояли одни у двери. Шепча, она коснулась моего уха языком. Наверно, чтобы я лучше слышал. И действительно, я навест-рил это ухо, которым услышал следующее:

– Я найду здесь любителя коктейля, а ты найди ещё четверых. Остальное я беру на себя.

– А что остальное?

– Соломинка у меня есть...

Тут дверь *Plato Place* открылась, и мы вошли во влажный полумрак.

Телесный ум

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2001. № 52.

К ужасу родителей, их дочка Свити, дожив до четырёх лет, перестала умственно развиваться. Как будто в мозгу кто-то что-то выключил. А тело продолжало расти и по-своему уметь, вырабатывая нужные гормоны. Врачи исследовали Свити упорно и долго и пришли к выводу, что они ничего сделать не могут. Девочка, а потом девушка и женщина, была обречена жить с умом четырёхлетней всю свою жизнь.

Шёл год за годом, и родители смирились со своей судьбой и судьбой дочки. Они в юности наркоманичили, совокуплялись с кем попало, пили до упаду, и теперь совесть мучила их, что, быть может, в её ущербности виноват их прежний образ жизни. Но врачи не находили связи с этим, потому что родители уже давно вели пристойный образ жизни, при котором и зачали дочку.

Свити выросла в красивую девушку, весёлую, добрую и доверчивую. Когда у Свити начались менструации, родители объяснили их как способ очищения организма, который изнутри вымывается кровью, как руки – водой, родители не хотели связывать менструацию с процессом деторождения – больше всего они опасались, что дочка может легко забеременеть.

В школу Свити не ходила, родители обучали её делать мелкие хозяйственные дела, развлекали телевизором, книжками с картинками (читать она так и не научилась) и главное – охраняли от взрослого мира.

С первого взгляда было невозможно различить в стройной полногрудой девушке четырёхлетний ум, но стоило Свити произнести несколько слов, как её умственный возраст становился очевидным: она говорила короткими фразами, с трудом складывая слова и часто их искажая. Взгляд её, если присмотреться, был странным для взрослой девушки.

Люди, не знающие о её ситуации, принимали Свити за дурочку, но она была умненькой для четырёхлетнего возраста. Она любила своих кукол мужского пола и, держа их, всегда клала одну руку себе между ног.

Лет с шести она стала открыто мастурбировать. Родители с трудом научили её, что делать это нужно наедине, в своей комнате. Они понимали, что запрещать мастурбацию бесполезно и вредно – пусть их дочка, обделённая духовным, интеллектуальным наслаждением, будет хотя бы получать наслаждение физическое – решили они.

Лет с десяти Свити стала проявлять острый интерес к мальчикам. Если родители не успевали уследить, Свити подходила к незнакомым мальчикам, обнимала их и пыталась прижаться к ним всем телом и особенно губами к губам. Мальчики пугались, смеялись, сердились, но не возвращали ласки. А когда некоторые отталкивали Свити, она плакала от неразделённого желания. Родители утешали её и размышляли, что делать с её растущей жадой наслаждения – Свити тормозила свой клитор по многу раз на дню, и размер его из-за постоянных упражнений был выдающимся.

Врачи советовали давать ей подавляющие либидо лекарства. Но родители, помня о своей молодости, не хотели лишать свою дочь последнего. Они поступили иначе – они повели её к гинекологу, и ей перевязали трубы.

Когда Свити исполнилось восемнадцать, родители с грустной радостью отпраздновали её совершеннолетие, которое не давало дочке свободы, а лишь утверждало пожизненное попечение, которое ей будет необходимо.

Однажды родители устроили Свити работать в *Macdonald's*, где её работой было вытирать столы. На следующий день менеджер позвонил родителям и сообщил, что вынужден её уволить, так как она пристаёт ко всем мужчинам.

Оказавшись дома, без открывшегося ей было мира мужчин, Свити загрустила и предавалась отчаянной мастурбации. Даже её любимые мультики *Том и Джерри*, казалось, лишь ещё более возбуждали её.

Именно в это время Мэта познакомили со Свити. Мэту тогда исполнилось тридцать. Он играл в теннис раз в неделю с отцом Свити, и однажды тот взял с собой дочку на корт.

Мэт ничего не знал о Свити и, завидев её, был радостно встревожен её привлекательностью. Отец представил дочку, и та улыбнулась, не сказав ни слова, так что Мэт пока не догадывался ни о чём. Свити следила за игрой, а когда Мэт спросил её, хочет ли она поиграть в теннис, за неё ответил отец, что она играть не умеет. Когда сет закончился, Свити подошла к Мэту со спины, обняла его и лизнула в ухо. Мэт повернулся к ней и почувствовал губы девушки на своих. Мэт в тревоге оглянулся на отца, думая, что тот ринется к ним, чтобы оторвать Свити от Мэта. Но отец поощрительно предупредил:

– Не пугайся её, она ведёт себя как четырёхлетняя девочка, на этом возрасте остановилось её умственное развитие.

Мэт почувствовал острую жалость и обнял Свити за талию, чуть отстранив лицо от её губ, и погладил её по голове. Свити радостно засмеялась, сняла его руку со своей головы и поцеловала. Мэта это пронзило ещё глубже. Отец подошёл к ним, взял Свити за руку и сказал как маленькой девочке:

– Нам пора домой спать.

Но Свити держалась за Мэта другой рукой.

– Пойдём к нам домой, – предложила она ему.

– Ты не хочешь с нами пообедать? – поддержал её отец.

– Когда? – удивился Мэт.

– Сегодня вечером.

– Хорошо, – сразу согласился Мэт. Ему захотелось побольше разузнать о Свити и, быть может, даже поиграть в куклы с этой девушкой-девочкой.

А родители решили следующее. Сексуальная жизнь дочки с мужчиной должна начаться, но произойти это должно так, чтобы Свити не была травмирована грубостью или невежеством незнакомого мужчины. Поэтому родители решили сами выбрать для неё мужчину, который был бы с ней ласков, заботлив и смог бы её удовлетворять. Мэт представлялся хорошим кандидатом.

Обед прошёл за общим столом. Свити ела по-взрослому, координация движений у неё не была нарушена. Она не спускала глаз с Мэта и всё время улыбалась ему. Когда их взгляды встречались, Мэт видел в глазах Свити ничем не скрываемое желание, и он вежливо отводил глаза. Будь это обычная ситуация, он приступил бы к неотложным действиям, а здесь он недоумевал: «Куда же смотрят родители?»

После десерта отец пригласил Мэта в свой кабинет. Следом за ними туда вошла мать. Свити тоже хотела присоединиться, но мать попросила её посмотреть телевизор, пообещав, что Мэт скоро к ней вернётся. Отец прикрыл за Свити дверь и обратился к Мэту:

– Тебе нравится наша дочь?

– Да, – сказал Мэт, – красивая девушка, как жаль, что...

Но тут отец его прервал:

– Она созревшая девушка. И ей нужен мужчина. Ты, наверно, сам об этом уже догадался.

– Да, это заметно, – сказал Мэт, улыбнувшись, и автоматически взялся за ухо, в которое Свити его лизнула.

Отец продолжал:

– Мы долго и мучительно размышляли, – он поднял глаза на жену, стоявшую рядом с ним у кресла, и взял её за руку, – и приняли решение не травить Свити лекарствами, чтобы убить в ней женщину. Мы хотим верить её надёжному, умелому и ласковому мужчине, чтобы

он удовлетворил её желания. Мы давно приглядывались к тебе и хотим предложить тебе Свити для обучения.

– Это большая честь и радость, – ответил Мэт, – но...

Тут мать прервала его:

– Свити не может забеременеть – мы сделали ей операцию.

– Это хорошо, – Мэт в волнении встал с дивана, – но я имел в виду другое. Как вы себе представляете это будет происходить? Вернее, где? Впрочем, я согласен на любые условия, – вдруг осознал Мэт, какое сказочное приключение ему предлагается.

– Условие только одно: чтобы Свити не было больно, чтобы ты был с ней ласков и чтобы она наслаждалась жизнью, которая ей дана, пусть с такими необычными ограничениями.

– Это уже три условия, – уточнил Мэт, засмеявшись, и родители тоже улыбнулись, от утихающего волнения. – Я не считаю это условиями, поскольку всё это само собой разумеется, – радостно выпалил Мэт.

– Вот и прекрасно. Ты можешь начать сегодня. Третий этаж, где спальня Свити, в твоём распоряжении. Только не напугай её, делай всё медленно, осторожно, не торопись.

– Если вы решились довериться мне, – убеждённо и страстно воскликнул Мэт, – то я ни в коей мере не подведу вас и конечно же Свити. Она будет счастлива со мной – обещаю.

Он заметил, как слёзы покатались из глаз матери.

– Не тревожьтесь, пожалуйста, – обратился он к матери, – она будет счастлива, как только может быть счастлива девушка со своим первым мужчиной.

Они вышли из кабинета. В гостиной на полу сидела Свити и смотрела по телевизору мультики. Одну руку она держала между ног. Другой рукой она гладила куклу медвежонка. Её большая грудь была видна в полурасстёгнутую рубашку. Лифчика она не носила, он ей мешал, и после первых неуспешных попыток родители не заставляли её.

– Тебе нравится Мэт? – спросил отец дочку.

– Да, – сказала Свити и погладила медвежонка между ног.

– Мэт – доктор, он тебя положит спать и заодно осмотрит тебя, чтобы ты была здоровенькой. Хорошо?

Свити с радостным лицом повернулась к Мэту и кивнула.

Мэт быстро вошёл в роль и сказал ей:

– Ложись в постель, и я потом приду тебя осмотреть.

Свити послушно пошла к себе в спальню.

Родители в волнении поглядывали друг на друга. Мэт ещё раз заверил их, что он будет исключительно осторожен и нетороплив. Они слышали, как Свити моется в ванной и отплёвывается от зубной пасты – она так и не привыкла к процессу чистки зубов и часто глотала зубную пасту. Тем не менее зубы её были редкой белизны.

– Ну, я пойду, – сказал Мэт.

– С Богом, – благословили его родители.

Мэт поднялся по лестнице на третий этаж, и родители крикнули ему вслед:

– Вторая дверь налево.

Мэт вошёл в заветную дверь. На тумбочке горела лампа. Свити лежала в ночной рубашке под одеялом, держа в руках медвежонка.

Мэт сел на кровать и погладил медвежонка.

– А что ты будешь мне смотреть? – спросила Свити.

– Я хочу осмотреть твою грудь и твой животик, здоровы ли они. Ты ляг пониже, я тебе подниму рубашечку и потрогаю руками, а ты мне скажешь, больно тебе или приятно – хорошо?

Свити кивнула головой.

– Если тебе будет приятно, значит, ты здорова, – объяснил Мэт.

Он отвернул в сторону одеяло и потянул вверх ночную рубашку. Свити, как настоящая женщина, приподняла зад. Взору Мэта открылось роскошное юное тело с высокой грудью, слегка осевшей под своей собственной тяжестью, восторженные овалы бёдер и густо заросший светлыми волосами лобок. И нежнейшая кожа. Мэт стал массировать грудь, легко сжимая пальцами соски, которые сразу окаменели. Мэт изо всех сил делал серьёзное лицо исследователя.

– Тебе не больно? – спросил он озабоченно.

– Нет, – сказала Свити.

– Тебе приятно?

– Чуть-чуть, – спокойно сказала она.

Мэт стал опускаться ниже и, поласкав живот, опустился до лобка.

Свити сразу развела ноги, и Мэт прикоснулся пальцем к большому влажному клитору, сбросившему капюшон.

– Здесь приятно, – отрапортовала Свити.

– Очень хорошо, – как бы поставил диагноз Мэт и стал массировать клитор.

– Надо быстро, – проинструктировала «врача» Свити.

Мэт повиновался, и Свити заурчала.

– Тебе не больно? – по-докторски спросил Мэт.

– Приятно, очень-очень – пояснила Свити, прикрыв глаза.

Мэт подумал, что если он доведёт её до оргазма пальцем, то это мало чем будет отличаться от того, что делает она сама, а ему надо было произвести на неё более сильное впечатление, чтобы она хотела повторения прочувствованного.

– Теперь мне надо попробовать, какой вкус у тебя между ног. Если сладко, значит, всё в порядке. А ты мне скажешь, приятно или нет, хорошо?

– Хорошо, – шепнула Свити.

Мэт, дрожа от предвкушения, опустил голову между ног Свити и чуть не потерял сознание от красоты, обдавшей его чудесным запахом и вкусом.

– Приятно-приятно-приятно, – заговорила Свити и, опять-таки как настоящая женщина, прижала голову Мэта к себе. Вскоре она напряглась всем телом и с радостным вздохом расслабилась, отпустив голову Мэта.

Мэт поднялся, сел на кровать и сказал:

– Ты здоровая девочка, Свити. У тебя между ног всё сладко. Но я должен тебя почаще проверять, хорошо? – сказал Мэт, опуская её ночную рубашку и укрывая её одеялом.

– Там солёно, – сказала Свити сонным голосом.

– Ты не там пробовала, – сказал доктор Мэт. – А теперь спи, спокойной ночи.

– Можно, я тебя поцелую? – спросила Свити.

– Поцелуй, – сказал Мэт и подставил щёку.

Свити чмокнула его и повернулась на бок.

Мэт вышел из комнаты, радуясь, что удержался и не стал пока проникать в глубь Свити.

Мэт спустился в гостиную, где его поджидали родители.

– Замечательно! – воскликнули они в голос. – Мы не ошиблись в тебе.

– А откуда вы знаете, что замечательно? – спросил Мэт.

– В спальне установлена скрытая камера, – сказал отец. – Надеюсь, ты придёшь завтра?

– С огромным удовольствием. А теперь мне пора, – сказал Мэт, мечтая о том, чтобы скорей вздрочить и кончить.

– Я тоже пойду спать, – сказал отец.

– А я провожу тебя, – вызвалась мать.

У выходной двери она сказала Мэту:

– Я хочу отблагодарить тебя за терпение, да и тебе тяжело сейчас. – Она встала перед ним на колени и расстегнула ему ширинку.

Мэт с опаской взглянул в сторону гостиной.

– Не волнуйся – он тоже считает, что ты это заслужил, – сказала мать и взяла его вырвавшийся из брюк хуй в рот.

Мэт стал приходить к Свити почти ежедневно. Если он пропускал один день, Свити плакала и сидела у окна, поджидая его. Родители прониклись полным доверием к Мэту и больше не следили за ними в камеру. Во всяком случае, так они сказали Мэту, но его это не заботило. Свити часто повторяла, что любит «доктора Мэта».

Наслаждение оказалось областью для Свити, где её способность к обучению совершенно не была ограниченной. Если она не научилась связно говорить, бегло читать и не могла понять таблицу умножения, то способность получать и давать наслаждение оказалась у неё чрезвычайной – по-видимому, происходила компенсация ущербности мозга во всём остальном. Свити не была обременена ни стыдом, ни предрассудками, ни запретами. Её четырёхлетний мозг был достаточно светел и развит, чтобы воспринять наслаждение и относиться к нему творчески. Взрослое голодное тело стимулировало мозг работать на полную мощь.

Когда Мэт на второй вечер спросил, знает ли она, что между ног у мальчиков и дядей, Свити закивала головой, и Мэт решил показать Свити свой член. Свити сама взяла его в руку и зачарованно на него смотрела. Мэт объяснил ей, что ему будет так же приятно, если она поцелует ему член, как приятно ей, когда он целует её клитор. Свити, добрая душа, сразу стала лизать его член.

Она хорошо запомнила слово «клитор» и впоследствии выговаривала его легко и показывала на клитор пальцем, когда хотела, чтобы Мэт уделил ему внимание. А она хотела этого практически постоянно.

Обучение шло эффективно и быстро. Свити нравилось всё, что показывал Мэт, и он вспоминал обучение Эжени в «Философии в будуаре», чувствуя себя настоящим Дольмансе. Однако разница была существенной – с ней не нужно было вести умных и долгих разговоров, Свити и без них не боялась и не стыдилась ничего, потому что родители в открытую благословляли Свити на наслаждение.

Жизнь Свити наполнилась смыслом – и это был единственный смысл её жизни – наслаждение. Еда, кров над головой, безусловная любовь родителей – всё это придавалось ей как само собой разумеющееся и бороться за это ей не приходилось, да это было бы для неё невозможно. Так что всё её существо полностью ушло в испытание наслаждений.

Мэт вскоре понял, как поняли и родители, что возникла опасность для Свити отождествлять все наслаждения с Мэтом. Поэтому если Мэт по той или иной причине исчезнет, то у Свити начнутся любовные страдания, а точнее – острая жажда и болезненное стремление получить отнятое наслаждение. Среди людей с нормальным умственным развитием эти чувства назывались бы любовью.

Вот почему Мэт предложил родителям переключить похоть Свити на ещё одного мужчину, которого он предложил привести. Он заверил родителей, что это будет такой же заботливый и умелый мужчина, которого Мэт тоже представит Свити врачом, с которым якобы Мэту нужно посоветоваться относительно её здоровья. Так и сделали. Мэт представил своего приятеля, и родители одобрили его. Свити смотрела на него так же зачарованно, но уже с большим знанием дела. После осмотра Свити «новым врачом» Мэт и его друг стали чередоваться, и Свити радостно принимала каждого из них порознь или вместе.

Мэт нередко смотрел на просветлённое наслаждением лицо Свити и думал, что, будь она обыкновенной девочкой, он, погружая её в разнообразные наслаждения, отвлекал бы её от учения, интеллектуального развития, подавлял бы наслаждением другие интересы и тем самым лишал бы её всех возможностей, кроме сексуальных, которые могла бы даровать ей

жизнь. Это могло бы стать достаточным основанием для тяжёлых угрызений совести. Но в данной ситуации он имел дело только с женским телом, ум в котором достиг предела своего развития и не мог функционировать иным способом, кроме как поиском новых наслаждений, которые предоставляло взрослое тело. Иначе говоря, обучение Свити всё-таки происходило, но исключительно в области добычи наслаждений. Так что Мэт испытывал не угрызения совести, а гордость от того, что он делает жизнь Свити наполненной смыслом. По сути, единственным основополагающим смыслом – наслаждением.

Когда Мэт уехал в отпуск и оставил вместо себя своего приятеля, Свити тосковала не столько по Мэту, сколько по второму мужчине. Ей так полюбились два члена одновременно и последовательно, что теперь она спрашивала у сменщика, а где Мэт, а у Мэта, где другой врач, если они приходили порознь.

К тому времени Свити возлюбила все формы секса, и ничто у неё не вызывало отвращения, если хоть как-то было связано с половыми органами.

Любое наслаждение требует увеличения, временно заменять которое может разнообразие. Следующим шагом была связь с женщиной. Свити быстро нашла сходство между своим клитором и клитором другой женщины и влюбилась в 69, которое стало её счастливым числом.

Групповые наслаждения стали нормой, и такой же нормой было, что Свити оказывалась самой любвеобильной из всех участников и участниц.

Родители решили ограничить количество участников в оргиях, чтобы хоть как-то контролировать ситуацию, – этот предел был установлен в четверо мужчин и ещё одной женщины. С одной стороны, они хотели подстраховать дочку от возможно чрезмерных для неё желаний четверых мужчин и разбавить их пыл ещё одной женщиной, а с другой стороны, они не хотели допускать более одной женщины, чтобы для Свити хватало мужского внимания. Однако Свити умудрялась привлекать к себе желания не только мужчин, но и женщин. Свити ревниво требовала, чтобы мужчины кончали только в неё, и делилась она спермой только так: когда мужчина изливается ей в рот, она не глотала сперму, а, держа её во рту, склонялась над лежащей женщиной и целовала, кормя её спермой из своего рта.

Родители с тревожной радостью наблюдали за жизнью своей ущербной дочери, показывающей им чудеса похоти и свободы, которые они сами никогда не испытывали в такой мере. Родители занимали важные посты в больших фирмах, и времени да и сил на себя оставалось мало.

Как это часто происходит, родители перекладывают свои несвершившиеся надежды на ребёнка, радуясь, когда он их наконец достигает. Так и в данном случае, родители видели, что вся жизнь их дочери состоит из наслаждений – о такой жизни в ранней юности они мечтали сами.

Существование своей дочери представлялось родителям идеальным – в нём не было ничего, кроме наслаждения, а Свити ни о чём ином и не мечтала. Самым прекрасным казалось то, что она ни о чём другом и не была в состоянии мечтать. Никаких жизненных забот не ложилось на покатые полные плечи их дочери, а тот необходимый участок мозга, который управлял наслаждениями, был в идеальном порядке, и это всё, что ей требовалось для абсолютно счастливой жизни.

Более того, родители гордились тем, что без их активного участия и решительности их собственная мечта не свершилась бы в дочкиной жизни.

Родители не выпускали Свити никуда из дома из естественного опасения, что она будет бросаться на всех мужчин и женщин. Поэтому они построили вокруг своего участка высокий забор, благо участок был большой и лесистый, в нём резвилась Свити, бегая и прыгая со скалкой, поджидая очередных партнёров и партнёрш.

Вскоре жизнь Свити превратилась в сплошные оргии, в которых участвовали несколько мужчин и женщин, – она огорчалась только тогда, когда ей уделялось недостаточное внимание

из-за усталости партнёров, – сама Свити никогда не уставала и не просила перерыва. Оргазмы у неё следовали один за другим: Свити достигала их легко и в различных позах. Она вдохновляла и возбуждала всех участников, которые искренне любили её. Далеко не все участники оргий знали о её ограниченном уме и так как словесных переговоров в процессе не происходило, то многие не замечали умственной ущербности Свити, а воспринимали её как экстраординарную в любви красивую женщину.

Она действительно была идеальной женщиной – страстной, бесстыдной, умелой. Всё, что ей требовалось, – это внимание: прежде всего доведение её до оргазма, потому как если этого не делалось, то она зверела и плакала. Но если она кончала вдоволь, то она любила искренне всякого, кто её ублажал. От мужчины Свити также требовалась ласка в промежутках между оргазмами. Это всё, что ей было нужно.

Свити быстро усвоила своим детским умом, что наслаждение ей может дать любой мужчина. И потому она не привязывалась к кому-то одному, а желала всех.

С некоторых пор родители стали замечать нечто удивительное, происходящее со Свити. Однажды за обедом ни с того ни с сего она произнесла: «Признаться, я о вас совершенно забыла». У родителей от удивления отвалились челюсти – Свити никогда не произносила такой длинной фразы так слитно и чисто да ещё абсолютно не имеющей ни к чему отношения. Неясно, был ли ей понятен смысл этой фразы, но по просьбе родителей она её повторила ещё и ещё раз.

– Кто тебя научил это говорить? – спросила мать.

Свити ткнула пальцем в телевизор.

– Ты слышала, что кто-то говорил это по телевизору?

– Ага, – сказала Свити и встала из-за стола, чтобы подойти к окну, у которого она поджидала приезжающих на оргию друзей.

– Подожди минуточку, – попросил отец и бросился включать телевизор.

Диктор читал последние известия. Отец увеличил громкость и попросил дочку:

– Повтори что-нибудь, пожалуйста. Постарайся.

Свити, не глядя на телевизор, а всматриваясь в окно, бросила прежнее: «Признаться, я о вас совершенно забыла».

К дому подъезжали две машины с любовниками Свити, и она бросилась открывать им дверь.

Когда все поднялись на третий этаж, родители стали восторженно обсуждать случившееся. Самое главное было то, что Свити могла говорить нормально – произнесённая фраза свидетельствовала о том, что мозг дочки может обучаться, в противовес обречённому диагнозу врачей.

Следующие несколько дней родители потратили на то, чтобы обучить Свити какой-либо другой фразе – они удерживали Свити у телевизора как только могли и показывали различные программы, в которых преобладала речь. Но ни одного нового слова она произнести не могла, а лишь по просьбе опять повторяла фразу: «Признаться, я о вас совершенно забыла».

Вскоре Свити удивила родителей ещё одной фразой, на этот раз куцей: «...меня крепче, и скорее кончайте, другие ждут. Дай мне твой...» Мать и отец переглянулись и уставились на дочь.

– А где ты научилась этому? – спросила мать, предполагая, что дочка укажет наверх, на третий этаж, потому что эта фраза могла быть произнесена её партнёршей или даже одним из её партнёров.

Но Свити опять указала пальцем на телевизор. Родители знали, что по этому телевизору она не могла услышать таких слов, поскольку они не держали в доме порнографических фильмов и порноканалов тоже у них не было.

– На этом телевизоре ты это слышала? – переспросила мать.

– Мой телевизор, – уточнила Свити.

Родители поняли, что, наверно, гости приносили видео и Свити видела порнографический фильм по телевизору в своей спальне. В начале сексуального образования Мэт приносил порнографические видео, которые оказывались замечательным учебным пособием для Свити. Она радостно копировала всё, что она видела на экране, – это было значительно эффективнее, чем начинать с показа наяву. Когда Свити видела что-либо на экране, она уже знала, что она хочет и что от неё хотят партнёры – зрительное объяснение было для неё самым понятным, а следовательно, желанным. Но, обучившись основам, Свити стала сама предлагать и показывать сексуальные контакты в таких формах и комбинациях, которые явно указывали на её интеллектуальные способности, которые были скрыты и проявлялись только в области секса. Но, по-видимому, недавно кто-то принёс видео, не зная о нынешнем безразличии Свити к порнографии, когда она была свободна вершить её самостоятельно.

Родители недоумевали: почему только две фразы их дочь научилась выговаривать слитно и по-взрослому? Почему именно эти фразы произвели на неё такое впечатление? И если вторая фраза несла энергию, которая могла заставить запомнить её, то первая фраза была совершенно «ниоткуда».

Вскоре появилась и третья фраза: «...есней выступит замечательный певец и композитор, которого вы все прекрасно...» На этом фраза, произнесённая Свити с безупречной дикцией, обрывалась, и родители не могли узнать, о каком певце и композиторе шла речь. Свити иногда повторяла все три фразы одна за другой и, если не прислушиваться к словам, то издали была полная уверенность, что слышится речь нормального человека. Свити не заставляла себя уговаривать и легко произносила три фразы без всяких пауз: «Признаться, я о вас совершенно забыла...меня крепче, и скорее кончайте, другие ждут. Дай мне твой...есней выступит замечательный певец и композитор, которого вы все прекрасно...»

Родители каждый раз не могли удержаться от смеха, когда Свити торжественно произносила эту поэму. А дочка воспринимала это как поощрение и декламировала «рассказ» с ещё большим пафосом.

После сопоставления фактов родители пришли к очевидному заключению, что эти три фразы дочка почерпнула из телевизионных передач или видеозаписей, которые она слышала по телевизору в своей спальне. Но родители хотели во что бы то ни стало выяснить, почему именно эти фразы запомнились Свити. Родители решили снова установить скрытую камеру в спальне. Это был первый раз, как они воспользовались камерой с тех пор, когда они проверяли Мэта.

На следующий день после установки камеры Свити одарила родителей ещё одной фразой: «...одня пасмурно и дождливо, но зато завтра вы насладитесь солнечным небом».

Мать и отец радостно поцеловали дочку и бросились просматривать, что же засняла камера в спальне.

Много воды утекло со времени первой записи скрытой камерой – из неумелой девочки Свити превратилась в такую мессалину, что смутила даже своих опытных родителей. Из записи стало понятно, что один из мужчин включил телевизор – он опасался, что стоны Свити услышат родители. Родители с упоением смотрели, как наслаждается их дочь и фоном слышалась передача по телевизору. Один мужчина лизал лежащей Свити клитор, член другого мужчины она сосала, другие мужчины ждали своей очереди и лизали ей грудь. Свити явно приближалась к оргазму, одной рукой она держала член мужчины, другой прижимала к себе голову лижущего клитор. Свити напряглась и прекратила на мгновение насаживаться головой на мужчину, и в этот момент родители услышали голос телевизионного диктора: «Сегодня пасмурно и дождливо, но зато завтра вы насладитесь солнечным небом». Свити мычала от наслаждения, продолжив движения головой, приостановленные на мгновение предоргазмья.

Дальше смотреть родителям было уже неинтересно, и они выключили запись – загадка была разгадана: в момент оргазма Свити становилась способной воспринимать и запоминать поступающую звуковую информацию, а потом точно воспроизводить её.

Родители были счастливы – открывался путь обучения для недавно безнадёжной дочери. Они стали разрабатывать план. Сначала они поставили ещё один эксперимент, чтобы подтвердить своё открытие: они попросили Свити помастурбировать и включили запись сонетов Шекспира. Как и следовало ожидать, строчки, прозвучавшие во время оргазма, Свити запомнила и потом декламировала:

Я лгу тебе, ты лжёшь невольно мне,
И, кажется, довольны мы впол...¹⁰

Гипотеза подтверждалась: оргазм открывал мозг Свити к восприятию и запоминанию информации, который был непроницаем для информации во все другие времена.

Теперь вставала задача, как вложить Свити не обрывочную информацию, а систематические знания – ведь время оргазма, увы, так кратко и повторять его можно тоже лишь ограниченное количество раз.

С этим вопросом родители обратились к врачам, и те ухватились за этот феномен. Свити бушевала и плакала, когда родители привезли её в медицинскую лабораторию, где врачи начали было ставить на ней эксперименты. Возникла дилемма – вкладывать в голову дочери знания и тем делать её несчастной или оставить её на детском уровне мышления, но счастливой. Родители приняли решение не мучить свою девочку экспериментами в лаборатории, а делать всё, что можно, в их доме, но не в ущерб наслаждениям, жизненно необходимым для Свити.

Врачи предложили поставить следующий эксперимент – записать текст, который читается в течение часа, а потом проиграть его с такой большой скоростью, чтобы он был проговорен за несколько секунд оргазма. Таким образом проверялось, насколько восприимчив становится мозг Свити и сможет ли он воспринять и обработать настолько уплотнённую во времени информацию. Чтобы наверняка захватить секунды оргазма, врачи записали текст заведомо более длинный, так что общее время быстрого его проигрывания было растянуто минуты на три. Поэтому, наблюдая скрытой камерой за наслаждением Свити, врачи включили запись заведомо до оргазма и запись закончилась заведомо после его завершения. В качестве текста был выбран учебник литературы.

На следующий день родители попросили Свити рассказать, что она знает нового – она уже привыкла к этому вопросу последнее время, потому что родители часто просили повторять услышанное ею во время оргазмов. Свити насупила брови, сосредоточилась как никогда ранее и с полуслова, которым, очевидно, фиксировалось мгновение, когда её мозг распахнулся оргазмом для потока информации, начала декламировать: «...дернизм стал главенствующим литературным направлением конца двадцатого века...»

К восторженному удивлению родителей и врача, присутствовавшего в доме для этого эксперимента, Свити декламировала около часа и также на полуслове оборвала свою речь: «Влияние русской литературы на мировую культуру было не...»

Свити была явно утомлена от этой декламации и сразу заснула. Все были потрясены. Оказывается, Свити вовсе не была умственно недоразвитой, а, напротив, имела уникальные умственные способности.

¹⁰ В переводе С.Я. Маршака.

Однако сразу после демонстрации одного таланта Свити почувствовала потерю другого. В тот же вечер во время очередной оргии родители услышали злобный вой и крик дочки – такого они не слышали никогда, они бросились наверх в спальню и увидели рыдающую дочку. Вокруг неё сидели в недоумении трое обнажённых мужчин.

- Что случилось? – спросили родители смятённых любовников.
- Она никак не может кончить, – смущённо объяснил один.
- Раньше она всегда кончала легко и раз за разом, – оправдывался другой.
- Мы делаем всё что можем, – пояснил третий.
- Мама, я хочу! – выкрикнула дочка, вся в слезах.
- Успокойся, дорогая, ты отдохни немножко, и всё получится, – утешали родители.

Но в тот вечер так ничего и не получилось. Не получилось и на завтра, и на послезавтра. Свити спалила вибратор от многочасового непрерывного использования, натёрла мозоли о клитор на двух пальцах, но никак не могла достичь столь необходимого оргазма.

Свои попытки она перемежала с выкрикиванием фраз, которые засели у неё в голове из учебника литературы.

Врачи пришли к несложному выводу, что тело таким образом сопротивляется поступающей информации. Родители поняли, что нужно сделать выбор: либо пичкать Свити новыми знаниями во имя её будущего умственного развития, которое вовсе не гарантировало радости и счастья, либо прекратить эксперимент и оставить дочку со счастьем, которое она уже испытывала. Конечно же родители решили вернуть всё в прежнее русло, но сделать это было пока невозможно – Свити бесилась от неудовлетворяемого возбуждения так сильно, что пришлось давать ей успокоительные лекарства. Речь шла лишь о том, как вернуть дочке способность наслаждаться.

Родители решили начать как бы сначала, что вернуло бы, по их представлению, Свити к счастливому началу её сексуальной жизни.

Отец разыскал Мэта, которому рассказал о том, что произошло с его дочерью за эти годы. Мэт живо заинтересовался своей подопечной и радостно согласился прийти и попытаться вернуть Свити её способность наслаждаться. Родители нарочно не предупреждали дочку о визите Мэта, чтобы неожиданность тоже способствовала пробиванию возникшей стены перед оргазмом дочери. Когда Свити увидела Мэта в дверях, она сразу узнала его и воскликнула: «Доктор Мэт!» Она бросилась к нему, поцеловала, обвив его шею руками, взяла за руку и повела за собой в спальню. Через несколько минут родители услышали счастливый стон дочери, а через час счастливые любовники спустились вниз – глаза Свити сияли удовлетворённостью, которой они давно не видели. Свити с обожанием смотрела на Мэта, свою первую любовь, и то и дело брала его член в руку. Любовники наскоро пообедали с родителями и снова уединились в спальне.

Свити к тому времени было уже двадцать восемь лет, и становилось необходимым позаботиться о её будущем – родители думали о времени, когда они состарятся и не смогут больше ухаживать за дочкой и за её желаниями.

Мэт был и стал идеальным кандидатом для попечителя: честный, заботливый, нежный. Да к тому же он нуждался в деньгах, а родители обеспечивали ему безбедное существование при условии заботы о дочери. В эти обязанности входило не только удовлетворение её жизненных потребностей, но и покупка ей любовников, когда она состарится.

Так жизнь Свити продолжилась, состоя из счастливых оргий, но с той лишь разницей, что теперь она не позволяла включать видео и телевизор во время наслаждений.

На это у Свити хватало ума.

Орление

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2002. № 53.

Этот мужчина мог обернуться орлом и прилететь в город, полный женщин. Они любили ходить по улицам толпами. Женщины смотрели перед собой, пожирали глазами витрины, раскошеливались или косили глазами на проходящих мужчин, но не поднимали головы и не смотрели в небеса. Однако именно с небес стремительно падал орёл и хватал одну из тех женщин, у которых волосы были забраны в «конский хвост». Благодаря захвату за оттянутые от черепа волосы орёл не касался когтями кожи и не ранил женщину. Кроме того, захват за волосяной жгут был самым надёжным. Орёл тут же взмывал в воздух, держа в когтях вопящую от страха женщину.

– Замолчи, иначе выпущу! – клекотал он, и женщина замолкала, видя под собой землю, беспощадную к тем, кто посмел от неё оторваться, но потом терял силы для сопротивления тяге к ней.

Орлиное гнездо было неподалёку, за городом в лесу, и там не было орлят. Но зато в гнезде было ложе, на которое орёл бросал женщину. Потом он обращался в красивого мужчину с орлиным носом, овладевал добычей и вселял в неё наслаждение, в котором женщина воспаряла значительно выше, чем недавно в орлиных когтях. Когда измождённая счастьем женщина засыпала, мужчина снова обращался в орла и осторожно, чтобы не разбудить, брался когтями за «конский хвост» и летел с ней обратно в город. Женщина уже ничего не боялась и продолжала дремать в полёте. Орёл медленно опускал её в пустынном месте города и исчезал в тучах или голубизне неба.

Женщина, ошеломлённая, но осчастливленная случившимся, торопилась домой, придумывая причину своего отсутствия для мужа, любовника или родителей. А одинокая женщина не обременяла свой мозг ничем и радостно предавалась воспоминаниям по пути к дому.

На следующий день орёл вырывал из толпы другую женщину с «конским хвостом», и всё повторялось снова.

Постепенно среди женщин распространилась молва, что быть унесённой орлом сулит лишь замечательное приключение – невредимые и насыщенные наслаждением женщины, вернувшиеся из орлиного гнезда, рассказывали по секрету своим подругам об испытанном восторге, а те добросовестно доверяли секрет всем, кому могли.

Вскоре все женщины в городе стали прогуливаться по улицам с одной и той же причёской – «конский хвост». Те, кто носил короткую причёску, перестали стричься, в нетерпении отращая волосы, чтобы можно было сделать из волос хвост. Теперь женщины ожидающе смотрели в небеса и, увидев орла, не бежали прочь, а останавливались и, наклонив голову к земле, выставляли вверх свой «конский хвост», приподнимая его рукой с затылка, чтобы он торчал ещё виднее. А та счастливица, которую орёл выхватывал, уже не орала, вися под орлом, а немела в предвкушении захватывающего дух полёта и наслаждения в орлином гнезде.

Одна изобретательная женщина собрала волосы в «конский хвост» не на затылке, а на темечке, так что её волосы смотрелись как фонтанчик – она таким способом хотела оказаться не только более заметной для орла, но и более удобной для похищения.

Вскоре эта мода распространилась среди всех женщин. Какую бы причёску они ни носили на работе или дома, но перед выходом на улицу все собирали свои волосы в хвост на темечке. Некоторые женщины перевязывали волосы обыкновенной резинкой, другие прикрепляли к ней разные украшения – от цветов до драгоценностей. Предполагалось, что орёл должен лучше реагировать на блестящее. Но большинство считало это предрассудком, так как никакой закономерности в выборе женщин орлом не наблюдалось: ими бывали молодые и пожилые, краси-

вые и дурнушки. Орёл любил всех, за исключением слишком толстых, да и то, наверно, потому, что у него не хватало сил для полёта с тяжёлым грузом. Заметив эту особенность, все полные женщины сели на диеты, хотя одна толстуха по секрету утверждала, что, когда она была в парке и вышла из рощицы на поляну, на неё упал с неба орёл, бросил её на землю и, никуда не унося, тут же обернулся в мужчину и овладел ею. Так что она даже не носила «конского хвоста», поскольку орёл бы им не заинтересовался из-за его бесполезности, но зато она избегала людных улиц, а слонялась по пустырям да прочим уединённым местам, призывая орла внутренним клёкотом желая. Однако о других подобных случаях было неизвестно, и потому женщины продолжали сбрасывать вес.

Что же делали мужчины в этом городе, чтобы защитить своих женщин (которые вовсе не желали защиты, но мужчины всегда уверены, что женщины в ней нуждаются)? Как всегда, мужчины сначала ничего не замечали. Орёл уносил женщин ненадолго и всегда возвращал невредимыми, и, кроме того, женщины, как обычно, находили убедительные объяснения для своего краткого отсутствия. Так что, когда мужчины спохватились, было уже поздно.

Вскоре от посетивших орлиное гнездо женщин стали рождаться орлицы. Не столько внешне, сколько по своему поведению. Правда, нос у них был крючковатый, и на лобке росли не волосы, а пух. Многим мужчинам это даже нравилось, но если мужчина не удовлетворял такую женщину, а это случалось почти всегда, мужчина не успевал опомниться от оргазма, как она выклёвывала ему член и яйца и проглатывала их не жуя. Вскоре настоящих мужчин в городе осталось лишь несколько сотен. Остальные с выклеванной промежностью смирились с жизнью прислужников при орлицах.

Обыкновенные женщины стали мало интересоваться мужчинами – их влёл орёл, который вошел во вкус и делал налёты на город раза по четыре в день. Некоторые женщины утверждали, что это разные орлы, но никогда не появлялось несколько орлов одновременно.

Каждая женщина толпы, ожидающая своей очереди, с завистью вглядывалась в небеса, видя, как в них парит её любимец и в его когтях зажаты волосы очередной счастливицы.

Некоторые женщины пытались задержаться в орлином гнезде, но орёл был беспощаден, хватал их за волосы, выволакивал из гнезда и доставлял обратно. Одна хитрая женщина, оказавшись в орлином гнезде, вытащила спрятанные ножницы и отрезала себе все волосы на голове, чтобы орлу не за что было её схватить. Орёл рассвирепел, бросил её на спину, вонзил в каждую грудь когти и принёс обратно в город, истекающую кровью, приземлив её на центральной площади в назидание другим.

Это кровавое событие послужило предлогом для возмущённых и ревнивых мужчин города начать готовить месть орлу. Однако месть произошла даже без их прямого вмешательства. Дело в том, что женщины-орлицы, рождавшиеся от союза орла с обыкновенными женщинами, росли со скоростью орлиных птенцов. Поэтому за несколько месяцев эти существа вырастали во взрослых женщин с орлиным носом и пухом на лобке. Но именно ими орёл пренебрегал, какие бы «конские хвосты» они ни сооружали у себя на головах.

По наущению мужчин такие женщины стали делать пластические операции по выправлению носа, а на лобке они выщипывали пух и наклеивали волосной парик. Обыкновенных женщин мужчины перестали выпускать из дома, и на улицах города стали преобладать женщины-орлицы, сделавшие пластические операции. Несколько раз орла удалось провести, и он хватал своих дочерей за «конские хвосты», но, взмывая в небеса, видно, распознавал их и разжимал когти. Оказавшись в свободном падении, эти женщины, следуя зову своей орлиной крови, оборачивались орлицами, их руки превращались в крылья, и они улетали в неизвестном направлении. Но орёл обиделся, устранился или разочаровался городом и перестал туда прилетать. Быть может, он выбрал другой город для своих налётов.

А женщины тем временем недоумевали и волновались из-за отсутствия орла. И хотя мужчина-орёл никогда не брал одну и ту же женщину себе в гнездо более одного раза, всякая жен-

щина, однажды побывавшая там, не теряла надежды, что именно её орёл захочет взять ещё хотя бы раз.

Своим фланированием женщины, познавшие орла, лишь разжигали любопытство и желание в тех женщинах, что ещё только мечтали попасть к нему в когти. Те и другие напрасно задирали головы к небу в поисках стремительно увеличивающейся чёрной точки – она больше не появлялась.

Мужчины, в отличие от женщин, быстро поверили, что орёл исчез навсегда, и со злой ухмылкой смотрели на их торчащие «конские хвосты».

Женщина по имени Линн, которая мечтала об орле, решила не ждать его прилёта, а самой разыскать гнездо орла, забраться туда и поджидать орла обнажённой. Линн поехала за город, на берег леса, из которого прилетал орёл. Она не знала, где свито орлиное гнездо, но была уверена, что найдёт его.

Линн остановилась в отеле для любителей природы и решила сначала прогуляться по лесу. Она спросила у метрдотеля, велик ли лес, тот подтвердил, что велик, и вручил ей карту окрестных троп. Линн решила погулять часок и вернуться, чтобы отдохнуть перед началом систематических поисков. В лесу она намеревалась влезть на дерево и следить за летящим орлом и таким способом увидеть, где его гнездо.

Линн пошла по широкой тропе, было утро, и небо сквозь листву и иголки сияло синевой. Вокруг пели птицы, шуршали звери, скрипели деревья. Линн всю жизнь провела в городе и редко оказывалась в лесу – последний раз это было лет десять назад, когда муж взял её на романтическую прогулку. Все её впечатления от той прогулки сводились к ощущениям жёсткости земли и боли в ягодцах от муравьиных укусов. Теперь она была в лесу одна, и её захватила дикость природы.

Вскоре Линн заметила, что тропа превратилась в тропинку и то и дело грозит совсем исчезнуть. Линн вспомнила, что в пояснениях к карте было сказано, что некоторые тропинки могут временно теряться, а потом возникать вновь. Поэтому Линн не волновалась, когда под ногами оказался непротоптаный настил из иголок и листьев. Линн, привыкшая к цивилизации, утешала себя, что она скоро услышит шум проезжающих машин, выйдет на шоссе или где-то появится указатель, как в парках, что тропа такая-то находится слева или справа. Но ничего, кроме громкого торжества дикой лесной жизни, Линн не слыхала. Её вдруг охватил страх, что она не знает, куда идти, чтобы выйти из леса, она бросилась назад, где, как ей казалось, была тропинка, по которой она пришла сюда, но она бежала по лесу, а тропы не появлялось. Рядом мелькнул какой-то зверь и скрылся в кустах. Ей показалось, что это волк. Мысли закружились в голове у Линн, устрояя её ещё больше. Как ей выбраться из леса до наступления темноты? А если не получится, где и как провести ночь, чтобы на неё не напали дикие звери? Что ей есть и пить? И тут она вспомнила, что в маленьком рюкзаке за спиной у неё должно быть две сливы и бутылочка с минеральной водой. Трепещущими руками Линн стянула с себя рюкзачок и съела одну сливу. Воду она решила не трогать, хотя пить ей уже хотелось – это был неприкосновенный запас на крайний случай, решила она. Но в то же время она пыталась анализировать своё состояние – так вот что значит «паника». Нельзя позволять себе расслабиться. Нужно выбираться – или находить орла. Но как? Линн посмотрела на карту – на ней была обозначена река. Как далеко эта река от того места, где Линн находилась сейчас, и в какой стороне? Линн ещё раз огляделась вокруг себя, и ей показалось, что чуть подальше местность повышается. Она пошла в том направлении, и действительно, лес взбирался на холм. Вскоре Линн увидела сквозь деревья светящееся на солнце тело реки. Она подпрыгнула от радости и ещё лучше разглядела свою цель. Идя вдоль реки, можно было выйти к пристани, которая была обозначена на карте. Линн бросилась вниз к реке. Путь шёл через высокий кустарник, но Линн решила не сворачивать, чтобы не сбиться с направления, над ней сияло солнце, как ясный ориентир. Она продиралась сквозь кусты выше своего роста и убеждала себя, что движется в нужную сторону.

Но в какой-то момент она засомневалась и решила, что если через час она не выйдет к реке, то нужно срочно возвращаться, чтобы успеть на холм до темноты – на холме ей представлялось более безопасно провести ночь.

Но направление было верным – заросли вдруг кончились, и перед ней в камышах у реки предстали два огромных лося. Линн остановилась как вкопанная. Лоси медленно повернулись к ней и трякнули рогами. На лосиных мордах проступило недоумение. Линн стояла, моля, чтобы они не бросились на неё, а ушли. Она даже боялась на них смотреть и отвернулась в сторону. Лоси постояли, втягивая ноздрями воздух, медленно повернулись и пошли прочь от Линн. Она радостно вздохнула и зашагала к реке. Посередине реки была мель, и в этом месте река была неглубокой, всего по колено. Линн вышла на мель и увидела вдали пристань, к которой она стремилась. Великое счастье охватило её – вот оно, освобождение, свобода! Она вытащила бутылку и жадно отпила несколько глотков. Теперь все её городские проблемы казались смешными. Жизнь продолжалась, и ничего не было важнее.

В этот момент ей послышался клёкот – она подняла голову и увидела в небе пикирующего орла. Её на мгновение охватил страх, но он быстро сменился радостным трепетом. Орёл схватил её за «конский хвост» и взмыл вместе с ней в небо. Линн, только что осчастливленная спасением, теперь была осчастливлена ещё и грядущей любовью. Она смотрела вниз на лес и пыталась представить, как выглядит орлиное гнездо, в котором орёл должен обернуться красивым мужчиной. По мере полёта Линн стала замечать, что лес под ними редет, появляются дома, и вскоре Линн узнала знакомый район города, а потом и вовсе свою улицу и дом. Орёл спустился к парадной и плавно поставил Линн у входа, а сам резко взмыл ввысь.

Линн испытывала двойственные чувства. С одной стороны, она была разочарована тем, что орёл, вместо того чтобы принести её в гнездо и там, обернувшись мужчиной, овладеть ею, принёс Линн домой, не испытав желания её вкусить. С другой стороны, она ощущала огромное облегчение от осознания ничтожности её городских проблем по сравнению с недавно испытанным лесным ужасом.

А соседи заметили, что Линн была принесена домой орлом – и завистливый слух прошёл по городу. Все стали ждать рождения очередной женщины-орлицы. Ведь орёл всегда выбирал женщину, готовую забеременеть.

Но произошло нечто совершенно противоположное. Линн, примеряя новое платье перед зеркалом, заметила у себя на лобке пух, повернулась кругом и превратилась в орлицу. Почувствовав необычную силу в своих руках-крыльях, она вспорхнула на подоконник и, пересилив первый страх, выпрыгнула из окна, расправила крылья, взмахнула ими и поднялась над городом. Теперь она точно ощущала направление, в котором ей нужно было лететь.

Любвеобильный песенник

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2002. № 56–58, 61.

С каждой впечатлившей меня песней ассоциируется какая-нибудь любимая женщина. Или две. А бывает и три. Даже четыре бывает. А пять, так... Ладно, хватит. Начну с одной женщины и с одной песни. Дело было в Ленинграде. Во время моего предыдущего воплощения.

1. «Stars Fell on Alabama»

(Doris Day)

Не помню, где я познакомился с Аллой. Но помню, что первое свидание с ней произошло на автобусной остановке у метро, и мы сразу поехали ко мне домой – послушать музыку. Это был стандартный и эффективно действующий предлог для завлечения девушки в постель. Алла не ломалась, согласилась сразу.

Нам было по восемнадцать.

Алла поражала стройностью фигуры и ласковой сдержанностью. Чернейшие глаза и волосы, белейшие зубы и кожа.

Мы тряслись в автобусе, и я трепетал от предвкушения: рай находился в двух остановках, а Ева была при мне.

Я владел богатством – собственной большой комнатой в отдельной квартире родителей. Одна длинная стена комнаты была заставлена книжными полками под потолок, стена напротив подпирала большую тахту, на которой я спал один или бодрствовал с моими первыми женщинами. У окна находился письменный стол с креслом и магнитофон. Эта обстановка действовала на девушек убеждающе. И я тоже – действовал.

Войдя в комнату, я сразу закрыл дверь на ключ и нажал тугую кнопку советского магнитофона. Алла села на тахту и выжидающе смотрела на меня. Из магнитофона запела Дорис Дэй. Это была моя недавняя драгоценная запись с её пластинки. Потекла по усам *Stars Fell on Alabama*.

Я вытащил бутылку с тремя звёздочками, и мы выпили по стопке. А на Алабаму, судя по песнопению, звёзд падало гораздо больше.

Дальше по схеме соблазнения следовали танцы. Вернее, медленное переминание с ноги на ногу в процессе объятий с поцелуями. Алла прекрасно знала эту схему и послушно следовала ей.

Потом мы переместились к тахте, и я стал Аллу раздевать. Расстегнув кофточку и лифчик, я обнажил сказочные груди, устремлённые на меня. Я прильнул к одному соску, потом к другому, но, чтобы не лишиться разума, устремился к бёдрам. Минувя кругляшки коленок, стянул к мягким маленьким ступням белые шёлковые трусики, отбросил их в сторону. Мне в глаза засверкало тёмное пятно волос на лобке. Я развёл Алле ноги и с вывалившимся, как у собаки в жару, языком прижал своё лицо к её междуножью и стал лизать что попадётся, постепенно выходя на клитор. Алла, казалось, была чем-то удивлена. Быть может, тем, что я промахнулся и на клитор не попал. Или тому, что попал, но слишком сильно его зализывал. Или, быть может, она испугалась небывалого наслаждения. Также, вполне возможно, Алла считала, что нужно сразу войти в неё хуем, а остальное, по-Лолитиному, является извращением? Что бы ни было, но Алла сделала отстраняющееся движение. Я же имел глупость прерваться и тоже

отстраниться, чтобы взглянуть на неё. Это позволило Алле сразу сжать ноги, встать и быстро натянуть трусики – она явно была чем-то недовольна или испугана.

Дорис Дей замолчала, все звёзды уже попадали, и кассета крутилась, шлёпая болтающимся концом плёнки по какой-то выступающей части магнитофона. Я подошёл и вдавил в магнитофон кнопку «стоп». Звёзды окончательно потухли. Наступил мрак разлуки.

Пизда Аллы пахла божественно. И по вкусу была пищей богов – амброзией. Я чувствовал аромат, оставшийся на моём лице, который продолжал в отсутствие пизды приобщать меня к божественному. Алла решительно застегнула крючки на лифчике и пуговички на кофточке, а я, всё ещё ошеломлённый вкушённым волшебством, не мог, не смел удержать Аллу.

Мы поехали обратно на автобусе к метро. Прощаясь, Алла сказала, что встречается с кем-то из Политехнического института, кто его уже заканчивает (а я думал о том, что не успел кончить. А она – и подавно). Я-то был на первом курсе, и Алла, как мне казалось, давала понять, что встречается с взрослыми мужчинами и лишь ими интересуется. Я также успел узнать от Аллы, что она работает на близлежащем заводе обыкновенной рабочей. Домашнего телефона у неё не было. Я надеялся, что она мне позвонит.

Все последующие дни я мучился, вспоминая её красоту под звёзды, падавшие на меня и на Алабаму. Я уже не мог слышать эту песню без боли от происшедшей потери.

Я не выдержал и через несколько дней пошёл в отдел кадров завода, где работала Алла, и мне дали её домашний адрес. Для представительства я купил букет цветов. Поднялся по обшарпанной лестнице на пятый этаж часов в семь вечера, ужасаясь – вдруг Аллы нет дома? Но она оказалась дома и открыла мне дверь в задрипанном халатике, без косметики, но по-прежнему прекрасная. Увидев меня с цветами, Алла не смутилась, не обрадовалась, а спокойно приняла цветы. Она поблагодарила, извинилась, что не может меня пригласить, и сообщила, что через неделю уезжает работать на Байкал. Я не догадался тут же назначить свидание до её отъезда. Я подумал, что раз она уезжает, то всё кончено. Ведь с Аллой я настроился только на продолжительные отношения. Но почему-то я нашёлся ревниво спросить, едет ли она на Байкал со своим знакомым старшекурсником? Алла кивнула головой, попрощалась и закрыла передо мной дверь. Я вышел на улицу гнусно опустошённым. Больше я Аллу не видел, она мне не позвонила перед отъездом.

Лет через пять я шёл по улице и заметил Аллу, идущую мне навстречу с какой-то мужеподобной женщиной, явно старше её. Алла была по-прежнему красива, о чём-то оживлённо говорила, скользнула взглядом по мне, не узнала. Я развернулся и пошёл следом за ними.

– Алла, – окликнул я её. Подруги оглянулись на меня, но не остановились. Я нагнал их: – Алла, ты не узнаёшь меня? Я – Владимир, мы с тобой слушали Дорис Дей у меня дома лет пять назад.

Алла посмотрела на меня узнавательно, грустно улыбнулась. И тут её подруга заговорила:

– Ну здравствуй, Володя! Уж не тот ли ты Володя, который хотел от нас Аллочку увести? – И она многозначительно хихикнула.

– От кого от вас? – спросил я, ничего не понимая.

Алла покраснела. Она смотрела в сторону, не желая встречаться со мной взглядом.

– От нас, девочек на БАМе, – наглым голосом пояснила женщина и по-хозяйски обняла Аллу за плечи.

– Пойдём, – устало сказала Алла. И подруги пошли, теряясь в толпе.

Постепенно мои неудачные эксперименты по сближению с Аллой начали укладываться в стройную, как сама Алла, теорию.

И даже американская песня, которая сопровождала мою тщетную любовь, полностью вписалась в русский язык: её название *Stars fell on Alabama* превратилось в свой российский эквивалент: «Пизды пали на Аллу БАМа».

2. «Easy Like Sunday Morning»

(Lionel Richie. The Commodores)

Эта песня поселилась во мне в самом начале моего явления Америке.

У Барбары лукавая миловидная мордашка и огромная при таком небольшом теле грудь. Из всей силы я сжимаю ей соски пальцами – так она просила. Видно, в груди столько мяса, что ощущения от лёгкой игры с соском не проходили бы сквозь эту толщу, и потому то, что для другой женщины с нормальной грудью было бы болью, для Барбары оказывалось в самый раз.

Я лижу ей клитор чуть ли не целый час – уж теперь его нахожу с закрытыми глазами. Но глаза у меня открыты, а Барбара всё не может кончить. У меня уж челюсти стали ныть. Она всё время балансировала на грани с оргазмом и скатывалась не в ту сторону.

Вчера на пути к ней домой Барбара захотела зайти в пластиночный магазин и купила штук двадцать пластинок. Одна из них с песней *Easy Like Sunday Morning*. Я тогда был свеженьким эмигрантом, еле сводившим концы с концами, и поразился, что можно купить сразу двадцать пластинок. И вот мы лежим, а Lionel Richie поёт нам чудо. Гитарный проигрыш вливается в самое нутро.

Когда я ехал к Барбаре, эта песня неслась из радио и, когда ехал от неё, опять. И действительно, наутро было беззаботное воскресенье, и мы собирались весь день провести в постели.

И вот утром, именно в момент, когда я ебу Барбару, стук в дверь. Я замираю с полупогружённым хуем. Барбара делает мне знак, чтобы я не волновался, и поддаёт, чтобы я тоже продолжал движение. Барбара рассказывала мне, что встречается с мужиком из Южной Африки, с которым она якобы не спит. А просто дружит, помогает устроиться в Америке. Барбара ободряюще шепчет мне: «Ты еби меня, не останавливайся», – а сама начинает переговариваться с незванным гостем томным голосом, стараясь выдать его за сонный. Барбара явно не волнуется, что пришедший вломится в квартиру или устроит под дверью скандал.

– Уходи, – велит она гостю, прижимая меня за зад к себе и елозя клитором по моему лобку. – Я потом тебе позвоню, я плохо себя чувствую.

А сама – ух как хорошо себя чувствует. Вдруг она кончает и вливается в моё плечо зубами, чтобы не застонать и не всполошить южноафриканыча за дверью.

Повезло на мужика, он вякнул, что будет ждать её звонка, и послушно удалился.

– Надо же, – удивился я, – другая бы женщина никогда не кончила в такой напряжённой ситуации, с другим мужиком под дверью.

– А меня это только возбудило, – хихикнула Барбара, светясь мордашкой.

– Ну, тогда нужно его всё время под дверь приглашать, чтобы тебе легче было кончить.

– А я его нарочно для этого и пригласила, – сказала она рассмеявшись, оставляя меня в недоумении, шутит она или говорит всерьёз.

Барбара потянулась за выключалкой, и экран телевизора одухотворился. Из него больше-ротовый очаровательный Lionel Richie пел свой хит.

Я лёг на спину и с чувством исполненного долга расслабился, Барбара затрясла грудями, семена на кухню – готовить для меня американскую яичницу с жареной ветчиной. Жизнь была *Easy Like Sunday Morning*¹¹.

¹¹ беззаботна, как воскресное утро (англ.).

3. «Losing My Religion»

(R.E.M. Michael Stipe)

Впервые я услышал эту песню в машине, едучи по Виннетке на юг, подъезжая к 55-му хайвею. Я направлялся к Джой. Песня эта потрясла меня, как поманившая из лимузина красавица, предлагающая себя не то что бесплатно, а ещё и с доплатой.

От неожиданности я сразу не разобрался в мелодии, она показалась несколько монотонной, но с потрясающими поворотами и ходами. Так происходит со мной всегда, когда я впервые слышу песню, в которую затем влюблюсь, – я испытываю состояние нечленораздельного шока от услышанного чуда. Я ещё не распотрошил анализом мелодию, не обмусолил слова, не понял, как и что, – но я однозначно и бесповоротно почувствовал: эта песня – Нечто.

Я не расслышал названия песни и не узнал, кто её исполнял. Но когда я вошёл к Джой, то после первого оргазма, который у нас свершался без всяких предварительных разговоров (мы просто бросались друг на друга добыть наслаждение: моё – спрятанное у неё, а её – у меня)... так вот после отхлынувшей с нас волны я сразу рассказал Джой о своём музыкальном потрясении и попытался напеть мелодию. Джой спрыгнула с кровати (ягодицы и груди её пришли в божественное движение), вытащила альбом *R.E.M.*, который она купила на днях, поставила на проигрыватель и опустила иглу на нужную бороздку, склонившись так низко, что я снова захотел её.

Теперь я начал мелодию смаковать. Но Джой, видно, наслушалась до моего прихода или музыка её в данный момент не интересовала, и она стала жадно сосать мне хуй.

«Вот она, моя вера, – пронеслось у меня в голове, – только бы её не потерять».

Джой, добившись, что мой хуй надёжно затвердел, забросила на меня ногу, словно садясь на жеребца, направила пальцами головку в нужное место, плотно уселась на меня и стала двигаться не в такт песне. У Джой был свой ритм, да и песню уже она вряд ли слышала. А я наслаждался, глядя на её счастливое лицо с полужакрытыми глазами – она творила музыку своих сфер.

Когда песня *Losing My Religion* появилась на MTV и я узнал ярко обшарпанные стены комнаты с окном, сделанные по фотографиям Яна Саудека¹², я ещё более воспалился душой, так как Джой подарила мне недавно на день рождения альбом именно его работ.

Я смотрел клип *Losing My Religion* на своём видео, а Джой уже была далеко. Она мне виделась, задастая и грудастая, на фоне облезших стен в комнате, в которой делал свои странные, но зачаровывающие телодвижения Michael Stipe под стать своей чарующей песне.

Я скорбел о потере Джой, хотя в песне пелось:

Life is bigger,
It's bigger than you¹³.

Но в данном случае это было не так, ибо Джой стала соразмерна моей жизни. Во всяком случае, в тот период.

¹² См.: <http://www.saudek.com>

¹³ Жизнь – она больше, Больше, чем ты (англ.).

Джой позвонила мне неожиданно, сказала, что вернулась в город после того, как три месяца скрывалась от своего любовника-мафиози, который разыскивал её и которого наконец посадили в тюрьму.

Джой предложила встретиться в баре, где в былые времена мы часто обменивались свежими новостями и выпивали по кружке пива, прежде чем пойти к ней вкушать друг друга.

Когда я зашёл в дымный и шумный бар, я сразу увидел Джой за столиком с каким-то бородачом. Я подошёл к ним, и она меня представила своему другу. У неё таких друзей – полгорода. Но, видно, время, отпущенное Джой бородачу, истекло, и он через минуту встал и распрощался.

На столе стояло несколько пустых пивных кружек, Джой досасывала по меньшей мере вторую, а пьянела она быстро. Я подумал, что это к лучшему – будет проще склонить её к ебле.

Но Джой не склонялась. Всё твердила, что это наша последняя встреча, что она уезжает далеко и навсегда. Она два раза бегала в туалет пописать, и все мужики провожали глазами её статное тело со светящимся лицом. Мы вышли на улицу, завернули к стоянке за угол бара.

– Ты понимаешь, что мы видимся в последний раз? – спросила она меня с пьяным трагизмом.

Я обнял её, но она скинула мои руки и отшатнулась.

– Я не верю в последние разы, – ответил я браво. – Мы ещё с тобой не раз поебёмся!

– Нет, больше никогда, – сказала она со слезами в голосе.

На стоянку въезжала машина с опущенными стёклами на окнах, и изнутри голосил Michael Stipe: Life is bigger, It's bigger than you.

Джой повернулась и пошла к своей машине. А я – к своей, уверенный, что мы ещё когда-то окажемся друг в друге. Но с тех пор я больше не видел Джой и не знаю, где она. Однако жизнь действительно оказалась больше, чем Джой. Причём значительно.

4. «What It Takes»

(Aerosmith. Steven Tyler & Joe Perry)

Эта песня так меня забрала, что, когда мы подъехали к дому Сэнди, я должен был досидеть в машине и дослушать песню до конца. Сэнди даже слегка обиделась, что я не спешу забраться с ней в постель. Я спешил, но я был буквально загипнотизирован, причём не только пронзительным голосом Steven Tyler, но и словечками. Переводить их бессмысленно, так что верьте на слово или изучайте английский.

Сэнди снисходительно смотрела на меня, упивающегося звуками из радио, а не стонами, которые могли бы исходить из неё. Но что поделаешь – искусство требует человеческих жертв, а тут жертвовались всего две минуты половой жизни.

Когда я впервые приехал к Сэнди домой, была солнечная летняя суббота. Я вошёл в ворота, Сэнди сидела на корточках и сажала цветы на клумбе. Она была в обтягивающих: спортивных штучках, явно надетых с целью пленить меня задом, ляжками и икрами, которые были действительно роскошны. Потому-то она и присела специально на корточки и повернулась задом, увидев мою машину. Посидев несколько секунд и убедившись, что я успел запечатлеть в себе её прелести, Сэнди поднялась мне навстречу. Руки у неё были чёрные – она любила ощущения влажной земли и нарочно не надевала перчаток, когда возилась с цветами.

– Роскошные цветы, – сказал я.

– Роскошная пизда, – сказал я через час, глядя между разведённых ног Сэнди. А ещё через некоторое время я поделился с ней силлогизмом: – Цветок – символ прекрасного. Цветы – символ женских половых органов. Следовательно, половые женские органы – прекрасны.

Сэнди не возражала и лишь уточнила, что в цветке имеются и мужские половые органы, а посему и они – прекрасны.

Я тоже не возражал.

Её дом была завален цветами. И хотя у Сэнди имелся свой цветник, я полагал, что это подарки её ухажёров – уж слишком много было роз, тогда как в цветнике рос единственный розовый куст.

Мои подозрения подтвердились полностью, когда служанка принесла букет длинноногих роз к нам в постель. Я не стал спрашивать, от кого это, зная, что в ответ я получу либо ложь, либо неприятную правду.

Утром Сэнди любила, едва проснувшись, броситься в бассейн. Я предпочитал горячий душ. После завтрака Сэнди отправлялась валяться голой на солнце и коричневеть кожей.

Как-то раз она так лежала у себя на лужайке перед цветником, а рядом под большим зонтом сидел я с наушниками, в которых жила любимая музыка. Я заметил, что над нами кружится маленький одноместный самолёт. Мы даже разглядели лётчика, явно увлечённого наготой Сэнди. Она помахала ему рукой, а он покачал ей крыльями.

– Жаль, нет посадочной площадки поблизости, – сказал я.

– Отчего же, – возразила Сэнди, – частный аэродром всего в десяти милях.

– А... – протянул я.

Меня стала обуревать ревность – все эти букеты роз, летающие хахали. Я, надо сказать, был весьма увлечён этой Сэнди. Я не выказывал ей свою ревность, но мне самому эта ревность начала надоедать.

Как обычно, я сидел в шезлонге и слушал музыку, пока Сэнди отдавала бассейну своё голое ласковое тело.

Girl, before I met you
I was F.I.N.E. fine
but your love made me a prisoner,
yeah my heart's been doing time...

Я с раздражением смотрел, как Сэнди, выйдя из бассейна, укладывается на ярко-красную подстилку и открывает небу свою грудь и чёрный лобок.

«Небось сверху смотрится безошибочно – пизда на красном фоне, – думал я. – Как бы на неё с парашютом не приземлились».

В этот момент я услышал, что в доме раздался звонок в дверь. Сэнди продолжала лежать не шевелясь.

Из дома вышла служанка, подошла к Сэнди и наклонилась к ней, что-то шепча. Служанка – ладная кобылка в коротенькой юбочке и с длинными волосами, свёрнутыми в узел.

Сэнди извинилась, сказала, что скоро придёт, накинула халатик и удалилась.

– Глория, – окликнул я служанку.

– Да, сэр, – подошла она ко мне.

– Кто там пришёл?

– Я не знаю, кто это, – потупилась она. И я понял, что она прекрасно знает.

– Мужчина или женщина?

– Мужчина, – призналась она и, чтобы мне помочь в догадках, добавила: – С букетом роз.

– Поди, скажи им, чтобы шли сюда.

– Не могу, сэр.

– Это почему ещё?

– Хозяйка приказала их не беспокоить, – объяснила она.

«Ах, так, – подумал я, – ну ладно».

– Идём со мной, – приказал я Глории.

Неподалеку от бассейна стоял домик, в котором хранился садовый инвентарь, и я направился туда, а за мной засемила Глория. Теперь я не сомневался, что Сэнди ебётся с гостем, а значит, и у меня есть время развлечься.

Я зашёл в домик и поманил Глорию, остановившуюся у порога, но не переступающую его. Тогда я вытащил из кармана стодолларовую купюру и протянул ей. Глория переступила порог и взяла деньги. Я спустил шорты, и служанка села на корточки – на колени она становиться не хотела – пол был грязным. Глория сосала славно, оправдывая своё имя...

– А кто этот мужчина с розами? – спросил я, натягивая шорты.

– Это лётчик, – объяснила Глория.

Я вышел из домика первым, Сэнди было не видать, я подал знак Глории, и она заторопилась в дом. Я снова уселся в шезлонг и напялил наушники.

Теперь я чувствовал себя отмщённым. На меня снизошло благодущие, и я уже не злился на Сэнди.

Она вскоре вернулась со свежей косметикой на лице и с лётчиком под ручку. Представила меня как друга, а лётчика как её тренера в любительской лётной школе. Лётчик был в купальных трусах, в которых он, по-видимому, летал, ездил на машине и навещал своих учениц, чтобы сразу нырнуть в бассейн.

– Это настоящий рай, – сказал мужчина, оглядывая цветник, бассейн и Сэнди.

I don't wanna burn in paradise¹⁴, – заканчивал свою песню Steven Tyler великолепным визгом.

– Особенно в огненном нутре, – уточнил я и для того, и для другого.

Лётчик посмотрел на меня с удивлением и катапультировался в бассейн.

Сэнди подошла ко мне и участливо спросила:

– Надеюсь, ты не ревнуешь?

– Ну как можно? – ответил я и столкнул её в бассейн – прямо в объятия лётчика.

5. «Goodbye Yellow Brick Road»

(Elton John & Bernie Taupin)

После кино мы приехали к Дэбби домой. Было ещё светло, она отпустила няньку и предложила прогуляться по соседнему парку. Я согласился, думая, что мы пойдём вдвоём, забыв о детях. Их было целых двое: мальчик трёх лет и девочка – четырёх.

Дэбби недавно развелась и неизбежно должна была быть голодна. На этом я, перманентно голодный, строил свою стратегию.

Дэбби была весьма сексапильна, со всеми необходимыми мне женскими атрибутами и в придачу с тёмно-рыжими волосами, распущенными по плечам. Был тёплый летний вечер, и мы брели в парк: Дэбби, я и двое карапузиков, держащих за руки её и меня. Люди, видящие нас, не сомневались, что я – отец и муж. А я-то целился в любовники. Дэбби явно прикидывала, какой из меня получится приёмный отец, и поглядывала на меня со стороны, подмечая, как я веду себя с её детьми.

¹⁴ Я не хочу гореть в раю (англ.).

А я вёл себя нормально, я люблю детей в небольших количествах. Я разговаривал с ними про жизнь, и они мне отвечали. Я не задавал сложных вопросов, и дети отвечали однозначно и без утайки. Их вопросы тоже не могли заставить меня врасплох. Детки были забавные и милые, но за это сажать их себе на шею мне не хотелось.

Их мама тоже была мила, но сажать её я хотел только на хуй. Однако она сопротивлялась, будто я сажал её жопой на кол.

Когда мы пришли с прогулки, Дэбби уложила детей спать. Потом мы засели в гостиной, и я сразу взялся за Дэбби вплотную. Дэбби стала отдирать от себя мои руки, как репейник от одежды, и отмахиваться от моих губ, как от медово-жалящей пчелы. В какой-то момент она решила отвлечь моё внимание на музыку, вырвалась и уселась за рояль, раскрыла ноты с песнями Elton John, полистала и заиграла *Goodbye Yellow Brick Road*¹⁵. Я пристроился сзади, поднимал её тяжёлые волосы и целовал шею и уши. Она ёжилась и пыталась отстраниться. Пение и игра получались у неё неплохо, голос вроде имелся, но мне хотелось стукнуть её по голове этим жёлтым кирпичом, чтобы от ебли не увиливала. Несмотря на мои поползновения, Дэбби держалась твёрдо – вместо того чтобы держать мой твёрдый.

– Не сегодня – твердила она.

– У тебя что, менструация? – допытывался я.

– Нет, просто я не хочу сегодня.

– У тебя что, венерическое заболевание?

– Да что ты? – возмущённо протестовала Дэбби, продолжая отдирать от себя мои руки.

– Ты что, боишься забеременеть? – продолжал я лезть в душу.

– Нет, я на таблетках, – отвергала Дэбби одну мою гипотезу за другой.

– В чём же дело? – воскликнул я.

Дэбби приложила палец к губам, показывая глазами на спальню детей.

И тут я заметил, что не один, а все пальцы на её руках были покрыты заусеницами, причем не по одной заусенице, а по несколько. Кусочки кожи торчали вокруг маленьких ноготков. Я ошалело смотрел на этот дерматологический феномен, стараясь не показать своего отвращения. Дэбби между тем сжимала мои руки в своих, даже не стараясь прятать свои пальцы, а будто выставляя их напоказ.

Мне стало противно: какого чёрта я сижу с этой мамашей, которая ради детей продаёт свою пизду только за мужа?

– Мне пора, – сказал я и встал с дивана, на котором мы сражались.

У Дэбби была возможность меня удержать, допустив до пизды, но Дэбби не воспользовалась ни возможностью, ни пиздой. Ведь для женщины все жизненные возможности приходят через пизду.

Или через рот и зад.

Я ехал домой и слушал *Goodbye Yellow Brick Road* в исконном исполнении. Как всегда, слова любимой песни звучали с особой значительностью:

Oh I've finally decided my future lies
Beyond the yellow brick road¹⁶.

¹⁵ Дословно: Прощай, дорога из жёлтого кирпича (англ.). В ассоциации с американской сказкой *Волшебник страны Оз*, пересказанной в СССР как *Волшебник Изумрудного города*, означает: Прощайте, несбыточные мечты.

¹⁶ Я, наконец, решил, что моё будущее лежит вдали от дороги из жёлтого кирпича (англ.).

Я нёсся по яркому хайвею в уютный бордель, где у меня последнее время завелась любимая проститутка.

6. «Emotion»

(Samantha Sang & Bee Gees)

Огромные снежинки в ослепляющем количестве окутывают мой новый синий восьмицилиндровый *Chrysler Cordoba* – такой огромный, что его давно сняли с производства. Из радио плывёт сладкий и тревожный голос Samantha Sang: And where are you now?¹⁷ Но я знаю, где она сейчас, моя Анджи. *Cordoba*, как танк, идёт сквозь снегопад и прочие препятствия к молодой женщине, которая ждёт меня, в нетерпении потирая клитор. Я знаю, что, как только моя машина остановится перед её окнами, дверь дома распахнётся и выбежит Анджи, потому что она сидит одетая у окна и поджидает меня.

Она влюблена в меня.

Она влюблена во всех мужчин. Но в меня – больше, и мне предстояло в этом убедиться в тот вечер.

Анджи выбегает в снегопад, придерживая распахивающееся пальто, и впрыгивает в открытую для неё дверь машины. Целует меня в щёку и прижимает руку к моим брюкам, как бы проверяя, при мне ли хуй. Куда ж ему деваться? Он даже готов продемонстрировать свою вечную тягу к глубоким знаниям. Анджи ощущает это и одобрительно поглаживает его через брюки.

Мы едем на ебальную вечеринку, и я предвкушаю свежих женщин. Но человек предполагает, а бог располагает – любовников на кровати. Из приглашённых гостей-женщин никто не появился, а ждали нас двое мужчин, один из которых был хозяином дома. Вполне возможно, что они и не приглашали других женщин, а нарочно ждали меня с Анджи, о раскованности и страстности которой были наслышаны, причём от меня же самого.

Как бы там ни было, но нас оказалось четверо – трое мужчин и Анджи. Её это не смущало. Меня – тем более. Когда после часового питьевого ожидания стало ясно, что две приглашённые подружки не придут, у меня была возможность встать, забрать Анджи и уйти. Но выпитое сделало меня ещё добрее, чем обычно, да и Анджи предпочитала вбирать в себя содержимое всех мужчин, не делаясь ни с кем. Вот я и предложил Анджи воспользоваться всеми нами по очереди. Анджи от радости запрыгала и захлопала в ладоши. Раздевшись, мы, мужчины, по просьбе Анджи, легли все трое рядом на ковёр. Я оказался в середине, слева от меня лежал со вздыбленным хуем гостеприимный хозяин дома, а справа – его приятель, тоже выросший в размерах. Раздевшаяся быстрее нас Анджи, видно из уважения к хозяину дома, села ему на хуй первому и стала медленно подниматься и опускаться с закрытыми глазами и блаженным лицом. Хозяин играл её сосками и стонал. Анджи ему подпевала.

Мы с хозяйским приятелем восторженно наблюдали за близлежащим пламенем наслаждения, которое должно было вскоре перекинуться на нас. Наконец хозяин напрягся и взвыл – Анджи наклонилась к нему, чтобы поцелуем усилить оргазм, и задвигала бёдрами. Глаза у хозяина раскрылись, знаменуя финал наслаждения, и Анджи осторожно поднялась, будто опасаясь что-то повредить. Она закинула ногу, и я подумал, что она сядет теперь на меня, но она лишь склонилась ко мне и шепнула:

– Я хочу кончить с тобой, а тот пусть ещё меня разогреет. Хорошо?

¹⁷ И где же ты сейчас? (англ.)

Я кивнул головой в знак согласия. Анджи перелезла через меня и взяла в руку хуй моего соседа справа. Она оседлала его, и тот понёсся добывать себе оргазм. Стереосистема в доме была высшего класса, радио было настроено на станцию, передающую мягкий рок, и музыка создавала романтический антураж для наших возвышенных эмоций. Именно о них, об Emotions снова пела всем нам Samantha. Как неожиданно точно звучали теперь её слова:

I'm there at your side, I'm part of all the things you are
But you've got a part of someone else...¹⁸

Анджи лизала высунутый язык моего соседа, и тот ухнул в неё литр спермы. Может, и меньше, но, когда Анджи снялась с него и осела на мой хуй, меня затопила жидкость и её собственная, и скопившаяся в ней от предыдущих. Но теперь Анджи решила позаботиться о своём оргазме – она легла на меня всем телом, шепнула мне в ухо: «Я так соскучилась по тебе» – и стала двигаться уже иначе, чем на двоих до меня. Она громко кончила. Мои два соратника, любовавшиеся нами, даже заплотдирировали.

Все были счастливы. А хозяин дома уже являл свою готовность к новой порции счастья. Анджи посмотрела на меня, ища моего одобрения на продолжение радостей.

Ну как тут можно было возражать?

7. «Let's Twist Again»

(Chubby Checker)

Она работала официанткой в доме отдыха и была старше меня лет на шесть. Мне было 14. Вопрос: сколько было лет официантке? Для меня ответ был сказочным, взрослым, и я за ней волочил, потому что меня лет до 25 влекли самки старше меня. А потом стали влечь все подряд. Поумнел-таки.

А эту звали Галя. Я подждал её после окончания смены, и мы шли вместе до её продолговатого одноэтажного дома, пронзённого насквозь коридором с комнатами по обе стороны. У Гали была своя отдельная комната. Правда, туалет находился во дворе. В доме жили и другие официантки, но нравилась мне только Галя, невысокая, стройненькая, ладненькая.

Всё, что она мне позволяла, – это долго целовать её в губы. В процессе целования она обжигала меня своим язычком, время от времени выстреливая им в мой рот. Всегда с открытыми глазами и иронической улыбкой, Галя наблюдала за производимым на меня эффектом. И он явно доставлял ей удовольствие. Иначе зачем бы она со мной связывалась.

Однажды, когда в её комнатке я набросился на любимый рот, из него пахло зубо-врачебным букетом лекарственных снадобий. Я отпрянул от вонючего эфира и ещё чего-то отвратительного, и Галя выжидающе на меня посмотрела:

– Мне сегодня пломбу поставили.

Я, намеренно преодолевая отвращение, снова потянулся к Гале, а она как Змея Горынычна, дышала на меня ядовитой медициной, шутя отгоняя меня от своего рта, но и проверяя, сможет ли моё желание преодолеть отвращение. Желание оказалось много сильнее.

¹⁸ Я рядом с тобой, я – часть тебя, Но в тебе есть часть кого-то ещё... (англ.)

По-видимому, в награду за мою страсть Галя позволила мне лечь на неё. Прежние разы мы целовались сидя. Я уже не замечал запаха из её рта – я упивался ощущением её тела под одеждой. Я прижимался к ней хуем, и – что бы вы думали? – он не замедлил сработать и залить меня всего изнутри горячей, но быстро остывшей липкой жидкостью. Не знаю, почувствовала ли это Галя, но она должна была заметить, как резко я потерял к ней всякий интерес. Меня опять затошнило от эфирного запаха, который исходил у неё из рта.

Я встал, вышел из комнаты и направился в туалет во дворе. Там я попытался почистить ляжки и лобок носовым платком, но от свернувшихся комочков спермы, приклеившихся к волосам, так просто было не избавиться. Я заодно помочился. Натянув брюки, я откинул крючок и распахнул дверь, чуть не вышибив полный ночной горшок из вытянутой руки соседки, поджидавшей у туалета.

Возвращаться к Гале в комнату мне не хотелось. У меня было ощущение обманутости и напрасности желаний.

Когда я на следующий год приехал на дачу, то был вооружён новым приёмником *Спидола*, с которым не расставался. Я всегда таскал его с собой, отлавливая западную музыку. Твист был в самом разгаре, а его апостол, Chubby Checker, заполнил собой все западные радиоволны.

Кроме приёмника, у меня имелся целый год нового опыта, и я намеревался обязательно залезть Гале в трусы. И даже всунуть туда всё у меня имеющееся. Я шёл по коридору и держал в руках *Спидолу*, из которой нёсся твист.

Я постучал в дверь, её открыла девушка не хуже Гали, а может, и лучше. Она сказала, что Галя здесь больше не живёт – вышла замуж и уехала.

– А тебя как зовут? – спросил я.

– Тоже Галя, – как бы извиняясь, сказала девушка.

– И ты тоже в доме отдыха работаешь?

– Да, – улыбнулась новая Галя.

– Ты твист танцуешь?

– Танцую.

– Тогда приглашай в гости, – сказал я и, не дожидаясь приглашения, переступил порог.

– А ты скорый, – ухмыльнулась девушка, пропуская меня в комнату.

Комната выглядела по-прежнему, она была такой маленькой, что ничего принципиально в ней измениться не могло: кровать, шкаф, столик и стул.

Галя была в лёгкой рубашечке и короткой юбке. Тело было близко.

Я поставил *Спидолу* на столик, и мы стали твистовать:

Let's twist again
like we did last summer...¹⁹

А когда мы устали, Галя приготовила сосиски с картошкой и выставила маленькую водки. И всё получилось много лучше, целенаправленной, чем прошлым летом.

¹⁹ Давай станцуем твист снова, Как мы делали это прошлым летом... (англ.).

8. «Green Grass»

(Gary Lewis & The Playboys)

Эту женщину звали Валентиной Васильевной. Фамилию её никак припомнить не могу. Но именно по имени-отчеству я вызывал её по телефону, когда звонил ей на работу, чтобы назначить очередное свидание. Она безотказно и радостно приходила ко мне после работы часа на два. Я включал любовную глушилку – магнитофон, который перекрывал наши аморальные стоны.

Валя была яркой блондинкой, с большой грудью, но с недостаточно широкими для её тела бёдрами. Познакомились мы в Репино. Она была отдыхающая, а я дачник. Вот что я тогда писал:

...вон гуляющие гуляющие
из публичного дома отдыха.

Было мне 22, а ей 32. Мы совокуплялись в Валиной комнате, когда её соседка уходила по вечерам на танцы.

Директор-массовик, того же возраста и такой же долговязый, как Киса Воробьянинов, но еврей, ел глазами Валью, когда мы, бывало, проходили мимо него, поскольку на пяточке дома отдыха все постоянно сталкивались друг с другом. И он как-то раз, явно одобряя мой вкус, восторженно шепнул нечто вроде: «Какая фемина!» – но это уже было из Паниковского. В отличие от этих двух персонажей, директор-массовик изрядно ёб женщин-отдыхающих – он пользовался своим служебным положением и соблазнял их в обмен на разные привилегии, типа отдельной комнаты.

Наши с Валею совокупления в её комнате происходили впопыхах и в опасениях раннего возвращения соседки, а нам хотелось расслабиться и посвятить делу наслаждений достойное его продолжительное время. Вот мы и поехали в Ленинград в мою пустую квартиру. Там-то нас и обворожил Gary Lewis со своей «зелёной травкой».

Валя была первой моей женщиной, которая кончала раз за разом. Все до неё, включая Свету, кончали по-мужски один отчётливый раз, а затем отстранялись от моего языка до тех пор, пока не подспевало новое желание. А Валя сморщивала лицо во время оргазма, вздыхала и тотчас бросалась за новым. Тот быстренько являлся, ублажал, уступал дорогу бегущему новому, и так до тех пор, пока я полностью не выдыхался.

Светой же была моя девушка о двадцати четырёх годах, с которой я встречался уже больше года и теперь старался расстаться, чтобы призрак женитьбы перестал витать надо мной, но уж больно Света была хороша.

А тут я решил всё-таки с ней распрощаться, держась за груди Вали.

Хотя даже в такой позе мне это было нелегко, потому что к Свете моё сердце присохло, а с Валею оно лишь временами учащённо билось.

Опытность старшей любовницы мне действительно пригодилась. Когда мы вместе мылись в душе, она предложила мне помочиться ей в пизду. Я, не задумываясь, согласился, но для того, чтобы ввести член, он должен стоять, а когда он стоит, то мочевого канал перекрывается и мочиться практически невозможно. Но и здесь – было бы желание, а решение найдётся: вводил я стоячий, потом не двигался некоторое время, думал о постороннем, давал ему опасть

и тогда мочился. Валя кончала. Она вообще кончала легко и от всего. От прикосновения к груди, от поцелуя в шею и много ещё от чего. А уж тут, конечно, от оргазма никуда было не уйти.

Опорожнившись, я продолжал её ебать, и моя моча выливалась наружу, а на её место поступала сперма.

В разговорах об усилении наслаждения Валя поведала мне, что, когда она занимается мастурбацией, она вставляет себе в пизду нечто хуеобразное, в те времена искусственные хуи в России не водились. А в зад вставляет наконечник от клизмы. Потом она берётся за клитор, и тогда её оргазм при тотальной заполненности разражается с особой силой.

Каждый солнечный день мы с Валею ходили на пляж. Я лежал на животе, а Валя любила выискивать и выдавливать угри на моей спине. И в это же время она мне пела песни, в том числе из *Green Grass*:

While the bluebirds sing their magic song
We will love the summer long...²⁰

Валина песня, конечно, была без слов, так как она их не знала. Валя просто лялялякала, но мелодию воспроизводила добросовестно.

А я тосковал по Свете. Представлял её большой губастый рот с роскошными зубами, высокие скулы, маленький носик, крупные зелёные раскосые глаза и каштановые выющиеся волосы. И ко всему – ещё длинноногая и задом смачно виляющая при малейшем перемещении. Мужики всегда прилипали к ней глазами. Раз на вечеринке в кафе *Ровесник*, куда пришли два молодых доцента из моего института, причём весьма красивые ребята, они её прихватили с моего разрешения и свидание назначать пытались. Отвели её в сторону, к окошку, млели, но она была моя, я подошёл, взял её за руку и повёл к себе за столик.

Хватит, поигрались. Потом я одному из них экзамен сдавал, но он оказался незлопамятным и поставил мне пятёрку. А может, подлизывался в надежде, что я Свете с ним ебаться позволю.

Приехали мы с Валею в третий раз из Репино ко мне на квартиру, чтобы развернуться на всю ебальную мощь, вдруг Света звонит:

– Ты уже приехал?

– На один день.

– Что ж ты мне не звонишь?

– Потому что я понял, что нам пора расстаться, – решил я.

Слышу, Валя кнопку магнитофона нажала и *Green Grass*²¹ проросла.

– У тебя кто-то там есть? – дрожащим голосом спрашивает Света.

– Да, – признался я честно.

– Ах, так...

И Света бросила трубку.

Я предчувствовал, что она сейчас прибежит, но решил убедиться в справедливости моего предчувствия, прежде чем что-либо предпринимать.

Валя слышала мой разговор, но виду не подала.

Мы быстро скинули всё, что скрывало наши разрозненные тела, и соединились. Музыка нас несла в ту же сторону, что и желание.

²⁰ Пока маленькие синие птички поют свои чарующие песни, Мы будем любить лето снова и снова... (амер.)

²¹ Зелёная трава (англ.).

И вдруг сквозь сладкие звуки слышу звонок в дверь. Я приостанавливаю движение. Опытная Валя предупреждает:

– Это твоя Света.

– Посмотрим, – сказал я, разъединяясь.

– Это она, – уверенно сказала Валя. – Удовлетвори её, я ревновать не буду. Я только посмотрю.

Я немножко ошалел, поскольку о таких вещах лишь мечтал, а тут такой сюрприз.

– А если она не захочет? – спросил я, отправляясь к двери, услышав второй нетерпеливый звонок. Я шествовал со стоячим хуем, мокрым от Валиной пизды, и решил не надевать халат.

– Это уже зависит от тебя, – сказала Валя. – Я пока спрячусь в шкаф и выйду, когда нужно будет.

Я подошёл к двери и посмотрел в глазок – это была действительно Света. Я открыл дверь. Гнев Светы сменился удивлением от моего вида, и я тут же сказал:

– Как хорошо, что ты пришла, я так хочу тебя!

Она переступила порог.

– Но ведь у тебя здесь...

Я не дал ей договорить и впился в её большой рот. Она взяла в кулак мой хуй, который уже подсох.

Я стал раздевать её одной рукой, а другую руку засунул ей в трусики и играл с клитором, под чьё сильное влияние она сразу попадала.

Мы передвигались к спальне, не размыкая губ, и Света шла расставив ноги, чтобы моя рука имела достаточно места у неё между ног.

Войдя в комнату, мы всё-таки расцепились, и Света подозрительно уставилась на развороченную постель. Вещи свои Валя тоже забрала с собой в шкаф.

– У тебя была женщина? – строго спросила Света.

– Почему была – есть, – серьёзно сказал я, улыбаясь.

На магнитофоне кончилась кассета, я перевернул её на другую сторону и заново заправил ленту. Я снова принялся за Светин клитор, но уже разложив её на постели. Когда Света выходила на определённую стадию возбуждения, то за оргазм она могла отдать не только душу, но и всё тело. Войдя в эту стадию, она схватывала обеими руками мою голову и, если бы я остановил движение моего языка, она бы мне её оторвала.

Я слизывал пупырышку её клитора, которая от этого не уменьшалась, а вырастала в не иначе как шелковичного червячка. *Green Grass* заполняла комнату – получались не «листья травы», а целый лес травы. Света сжимала мою голову обеими руками, не позволяя ей отклониться ни на миллиметр в сторону от точного попадания. И в этот момент Валя осторожно вышла из стенового шкафа, подошла на цыпочках к нам и, склонившись над Светой, стала лизать её сосок кончиком языка. Света, нетерпеливо поджидавшая оргазм, из-за закрытых глаз и из-за громкой музыки не почувствовала приближения Вали и, быть может, думала, что я вожу по соску мокрым пальцем, что я часто делал, пока лизал ей клитор. Через несколько секунд после того, как Валя стала лизать вздувшийся сосок, Света взвыла (так она всегда реагировала на вспышку) и отпустила мою голову – уже ненужную, ибо всё дальнейшее наслаждение происходило автоматически. Валя продолжала лизать, а я приостановился, ожидая, что же теперь будет.

Света открыла глаза, увидела Валу и сразу села. Тут я понял, что мне нужно брать ситуацию в свои руки.

– Света, это Валя, она влюбилась в тебя, когда увидела твою фотографию – принялся я лгать. – Я обещал Вале, что познакомлю с тобой. Но я боялся, что ты не захочешь, и поэтому вынужден был подготовить неожиданную ситуацию, чтобы поставить тебя перед свершившимся фактом. Но знай, что я люблю только тебя. – И я бросился к Светиным губам.

– Ты такая красивая, – подхватила Валя и лизнула Свету в пупок.

Я знал, что если продолжать ласкать Свету, осторожно поддерживая её возбуждение, но без резких прикосновений к клитору, то она очень быстро захочет снова. Поэтому я продолжал целовать её в губы и шею, надеясь, что Валя сообразит, что делать. Валя действительно не теряла времени и устроилась между ног Светы.

– Ты правда любишь меня больше всех? – спросила Света, чуть отстраняясь от моих губ и падая в новую волну наслаждения.

– Да, моя красавица, – не задумываясь, выпалил я, – только ты даёшь мне великое счастье.

Видно, Валя знала дело не хуже меня, потому что Света знакомо застонала, что означало – прилив начался. Я поднёс мой хуй к её лицу, и Света жадно потянулась к нему ртом, а обеими руками она уже привычно прижимала к своим бёдрам золотоволосую голову Вали.

Я понял, что оргазм приближается, когда Света перестала сосать мой хуй, а замерла, сжимая его в губах. И действительно, когда хлынули спазмы, она снова задвигала языком и головой, призывая меня излиться в неё. Но я хотел уделить внимание и Вале. Я осторожно отстранился от Светы и спросил:

– Видишь, как Валя тебя сильно любит?

– Да, сильно – призналась Света и улыбнулась Вале.

Валя взяла руку Светы и нежно поцеловала. Света была польщена таким вниманием, а я в это время ласково обнимал её.

– Свет, но нам нельзя быть эгоистами, поцелуй Валу, а я тебя сзади...

Света послушно встала на четвереньки над услужливо разлёгшейся Валей, но засомневалась, засмушалась раскрытой пизды – всё-таки первый раз. Валя развела пальцами губы и вытаращила клитор, чтобы сомнений не было, куда Свете направить язык. А я тем временем заполнил Светино влагалище своим распираемым кровью мясом. Она от этого ощущения прониклась новым желанием и осторожно опустила голову в направлении просящего Валиного клитора.

Мне было не видно, что там происходит, но у Вали закрылись глаза, и я понял, что Светин язык оказался на нужном месте.

Следует отметить, что Света была исключительно благодарным человеком и хотя бы в силу этого своего качества обязательно отплатила бы Вале наслаждением за наслаждение. Однако было очевидно, что женщины пришлось друг другу по вкусу.

А меня охватила радость от этого тройственного союза, в котором я оказался впервые. Валя быстро закатилась в зону оргазмов, где один, как всегда, шёл за другим. Света явно радовалась влиянию и власти своего языка. Я вскоре звучно кончил в Свету, и она прекратила свои старания над Валей. Но Валя, в силу её долгой инерции ещё пребывающая в наслаждении, попросила Свету:

– Встань, милая, надо мной, я хочу его семя из тебя высосать.

Валя на спине проползла под Свету, а та на коленях сделала шаг в направлении Валиного лица. Света напрягла мышцы влагалища, и из него потянулись длинные капли моего семени в широко раскрытый рот Вали, который не стал дожидаться тянущихся медленных капель, а всосался во влагалище, вылизывая его содержимое. А я тем временем целовал Свету в губы.

Когда мы в конце концов расстались, Света и Валя уже были закадычными подругами и обменялись телефонами. У меня это вызвало если не ревность, то настороженность. Я-то мечтал, что мы теперь будем встречаться втроём. Но они стали встречаться без меня.

Этому невольно способствовал и я сам. Я называл Валу Аленькой, не столько из нежности, сколько из эстетических соображений: «Валенька» звучало почти как «валенок» и потому у меня язык не поворачивался ласкательно использовать такое слово.

А когда я через несколько дней сливался со Светой, то во время пика восторга, охватывающего перед его полным исчезновением, я случайно назвал её Аленькой. Причём в момент,

когда пелась *Green Grass* – сработал рефлекс. Света рассвирепела. Я пытался выкрутиться, что она, мол, ослышалась, а я назвал-то её Маленькой. Хотя она маленькой не была, а была средненькой. По росту. А по внешности она была небоскрёбно выше среднего.

Настроение у Светы испортилось на весь вечер, и, когда я её провожал, она мне призналась, что влюбилась в Валу. А Валя потом мне сказала, что Света влюбилась в песню *Green Grass*. Такая вот мелкотравчатая история вышла.

9. «Five Months, Two Weeks, Two Days»

(Louis Prima)

Эту песню все мои приятели называли «Нокаут подлец». Английских слов песни никто разобрать не мог. Пластинку, где можно было бы прочесть название песни, никто в глаза не видел – магнитофонная запись делалась с энной магнитофонной перезаписи.

Приходилось довольствоваться воображением. В качестве припева Louis Prima выделял звуки, которые мог бы издавать боксёр, выбрасывая руку в сильном ударе. Потому-то и придумался «нокаут». А «подлец» появился как вящее основание для этих многочисленных ударов.

Я, четырнадцатилетний, носился со своим гробообразным магнитофоном по знакомым и переписывал американскую музыку. Элвис Пресли, записей которого у всех было навалом, мне почему-то тогда не нравился. «Рок вокруг часов» (так дословно переводили *Rock Around The Clock*) и подобные словосочетания вызвали почтительное недоумение перед американской смелостью давать такие наглобессмысленные названия – мой робкий разум рисовал парочку, бешено скачущую вокруг больших стенных часов, поставленных посередине комнаты) и прочие роки тоже не впечатляли, скорее всего потому, что душой и телом до них я тогда ещё не дорос. Я искал нечто подобное моей любимой музыке из *Серенады Солнечной долины*.

Когда я впервые услышал эти песни, они мне представились исчерпывающим воплощением американской музыки, джаза, идеального образа жизни. Поэтому, когда я потом слышал country, blue grass, jass modern, rock-n-roll, я отстранялся, поражаясь, как это Америка могла сделать нечто настолько менее интересное, чем джаз из *Серенады*? Я тогда не знал, что эта форма джаза называлась swing и что исполняли её big bands. Слово «джаз» для меня тогда было всеобъемлющим и неделимым, и я никак не мог отыскать записи, которые мне бы нравились, так как диксиленд и джаз модерн попадались постоянно, а big bands почему-то меня миновали. Я также никак не мог понять, почему джаз, который попадаетеся, мне не нравится, а тот, который нравится, не попадаетеся – это ведь джаз, а раз джаз, то он должен нравиться, и всё тут. Но так не получалось.

А вот Луис Прима в то время был почти у всех, к кому бы я ни приходил переписывать музыку, и он стал замечательным компромиссом. Его «Нокаут подлец» – самая ритмичная и заводная для меня вещь по сей день. Слушать её неподвижно для меня просто невозможно.

В то время я познакомился с девочкой, с которой мы интенсивно целовались в тёмном углу сквера. Когда мы слиплись первый раз, она чуть не потеряла сознание. Дело было в том, что она насмотрелась советских фальшиво-романтических фильмов и, наблюдая за актёрами, прониклась уверенностью, что при поцелуе надо задерживать дыхание. А так как я совершал весьма продолжительный поцелуй, дорвавшись до девичьего рта, то время задержки было уже слишком большим. Чтобы выжить, девочка начала дышать, и жизнь наградила её наслаждением, которого до этого она не чувствовала, ибо ранее всё её внимание сосредоточивалось на задержке дыхания.

Девочку звали Тамара, и я, желая поделиться с ней восторгом от Луиса Примы, пригласил её домой, послушать. Это было после школы, днём, родители были на работе. Луис Прима ей понравился, и мы опять целовались. Уже под крышей, а не в скверике. Прошу прощения, но больше ничего у меня с ней не случилось. Забавляясь рифмами, я сказал ей: «Тамара, я хочу твоего товара». И она обиделась. Видно, потому, что за моим хотением ничего не последовало. Пустые слова каждой женщине кажутся оскорбительными. Потому-то женщинам так оскорбителен мат: грозят выебать, в рот засунуть или в зад, но все эти сладкие обещания остаются на словах. Настоящие мужчины не матерятся на женщин, а ебут их.

В Америке я пытался разыскать «Нокаут подлецу», но так получалось, что на дисках Луиса Примы, до которых я добирался, этой песни не было. Настоящего названия её я не знал. Вернее, я думал, что и впрямь название песни – «Нокаут подлецу», переводил его на английский и ничего найти не мог.

И вот однажды я со своей молоденькой обучающейся любовницей Жаклин сидел на диване и смотрел фильм, который мы взяли на видео. Фильм был слабый, *Big Night*, и Жаклин, чтобы не терять времени, решила ещё раз потренироваться в сосании хуя. Она любила брать его глубоко и всегда закашливалась, давилась и чуть ли не задыхалась. Она вообще была забавная: когда она чихала, у неё выскакивал тампон. Поэтому она, поджидая чих, не только прикрывала рот, но и сжимала ноги.

И вот когда Жаклин очередной раз задержала дыхание и чуть не задохнулась, я вспомнил Тамару, которая задерживала дыхание при поцелуе и до «товара» которой я не добрался.

«Как всё прекрасно повторяется и как всегда можно учиться чему-либо. И учить», – подумал я, наслаждаясь стараниями Жаклин.

И вдруг я услышал из фильма буквально потрясший меня ритм, который я не слышал лет пятнадцать, но теперь с уже абсолютно понятными словами:

Five months, two weeks, two days
my loving baby's been gone.
If you've seen my baby,
please send her home to me.

Я стал дёргаться в ритм, а Жаклин подумала, что я поддаю от наслаждения, и в этом момент она нашла правильное положение хуя и перестала задыхаться. Я радостно кончил под любимую музыку, и Жаклин впервые не поперхнулась. Вот она, наглядная обучающая сила искусства!

В титрах я нашёл название песни и быстро скачал её с *Napster*, тогда он был ещё жив. Теперь я всегда дёргаюсь под эту песню, когда хочу размять кости. Или кость. Ту самую.

10. Музыкальный винегрет с щедрой подливой

«It's Over» (*Electric Light Orchestra*. Jeff Lynne)

«Peg» (*Steely Dan*)

«We're All Alone» (Boz Scaggs)

«Hold Me, Thrill Me» (Mel Carter)

«Livin' On The Edge Of The Night» (Iggy Pop)

«Oh Babe, What Would You Say?» (Hurricane Smith)

Надо сказать, что вкус на музыку у Сандры был поразительный. В том отношении, что полностью совпадал с моим.

Её условием первой встречи со мной в мотеле было то, что она принесёт с собой boombox и мы будем ебаться под её музыку, без которой она якобы не в состоянии расслабиться. Такое условие для меня было легче, чем какое бы то ни было. Я бы согласился ебаться под любую какофонию или мёртвую тишину – лишь бы ебаться.

Мужем Сандры был шофёр трейлера, он уезжал на неделю, потом возвращался на несколько дней, и опять в путь. Целую неделю, пока муж шофёрил, Сандра тешила своё тело и тела множественных: любовников. Женщина она была мясная, горячая и знающая, чего она хочет. Она, например, в тот период знала, что ей нужно разработать анус, так как любовник, который вскоре должен был прилететь из Австралии, имел большой член и предпочитал анальный секс остальному. Так что Сандра занималась растяжкой сфинктера с моей помощью и не моей тоже.

Она поджидала меня у входа в мотель, возвышаясь на высоченных каблуках и держа в руках boombox фиолетового цвета. Губы были кроваво намазаны, платье самонадеянное, считающее колени ниже себя, – сияющий вид женщины лёгкого поведения – а именно такую мне было и нужно. В руке она сжимала ключ от комнаты. Она вручила его мне, и он был такой горячий от её жара, что я в нетерпении вздрогнул.

Только мы вошли в комнату, она поставила boombox на стол, нажала кнопку и только потом повернулась ко мне, приоткрыв рот для поцелуя.

Из колбасистого ящика, из беззачковых гляделок динамиков понеслась мелодия *It's Over*²².

«Вещь значительная», – подумал я, но ведь всё ещё только начинается, а Сандра, никак, с расчётом поставила на самое начало нашего слияния. Быть может, сие знаменует – любовник кончил, да здравствует любовник?

Склеенные поцелуем, Сандра и я быстро раздели друг друга и оказались в 69 – в таком поцелуе, при котором красота лица да и всего тела перестает иметь какое-либо значение. Пожалуй, единственная поза, когда хуй и пизда затмевают собой весь мир. Между прочим, честь им за это и хвала!

Я уже чуть было не собрался кончить, как вдруг Сандра прервалась, сказала «Sorry», потянулась к boombox и увеличила громкость. Полилась странная песня *Peg* из диска *Aja*, который был моим любимцем. Сандра опять приютила во рту мой хуй, а я принялся за её, недоразвитый, который и до моего языка-то сам дотянуться не мог, не говоря уже про в рот залезть.

Сандра не отступала, пока я не забрызгал весь её рот, и хотя интерес к тесному контакту с ней я после этого потерял, тем не менее испытывал ответственность довести и её до оргазма. Как говорится, через «не хочу», которое, я знал, долго не продержится.

Тем не менее я уже не мог вытерпеть продолжения её сосания – ей было явно мало, пока она сама не кончит. Я вытянул хуй из её засоса и, развернувшись, переместился вниз, прикинув к её клитору и слушая новую подступившую песню.

Какой бы цифрой изобразить позу, когда женщина лежит на спине, а я ниже, у её бёдер, лижу всё, что у неё между ног с акцентом на клитор? Я думаю это будет цифра «пять» в третьей степени, где палочка пятёрки будет символизировать мой язык, обращённый на среднюю выпуклость тройки, олицетворяющую клитор, а приподнятое положение «в степени» цифры «три» как раз и образует нужный контакт. Да и в результате образуется «опять – сто двадцать пять».

Так вот следующая песня, которую я запомнил (потому как в горячке мог и пропустить одну-две), была *We're All Alone*, которую сочинил и пел Boz Scaggs. Эта дивная песня никак не

²² «Всё кончено» (англ.).

могла как следует пронять народ, пока Rita Coolidge не пропела её, сладенько и гладко, и тогда песня стала самой популярной.

А я тем временем систематически лизал клитор, чувствуя, как Сандра напрягается всё больше и больше, как и следует тому быть, а я пока вкушал музыку и размышлял о подспудных связях и ассоциациях. Тут тоже нужно сладенько и гладко, без творческих выходов, а найдя нужную точку, дожимать до оргазма. Так, видно, и в музыке народная любовь срабатывает на систематическое и без выкрутасов музыкальное исполнение. А также не для того ли Сандра выбрала группу *Steely Dan* с именем дилдо из берроузовского *Naked Lunch*, чтобы представлять себе огромный член в зад. А песня *We're All Alone* не означает ли, что... и тут мои мысли прервались: Сандра взвыла, и в мой раскрытый в работе рот выплеснулось огромное количество пиздяных соков, будто в меня плеснули стаканом жидкости, и вся она попала в рот. Жидкость солоноватая, и влетела она мне сразу в глотку, так что я закашлялся и стал отплёвываться. Но не от отвращения, а от неожиданности. Я слышал раньше о женской эякуляции, но никогда не видел её в заметном количестве. А тут – целая Ниагара, да и прямо в глотку. Я подумал, что, быть может, это моча – но тогда её мочеточник должен был быть диаметром с влагалище, иначе такой мощный поток был бы невозможен. Быть может, там и было немного мочи, но наверняка её было лишь добавлено чуть-чуть, для вкуса.

– Sorry, – томно произнесла Сандра. – У меня всегда так, когда я сильно кончаю.

Это должно было звучать лестно-успокоительно – ведь это я заставил её так сильно кончить.

Тут Сандра выключила музыку, видно, музыка своё дело сделала и теперь могла заткнуться.

– Это не моча, не волнуйся, – успокоила она меня.

– А хоть бы и моча, я люблю твои соки, – браво сказал я, вытирая губы, подбородок и шею полотенцем. – Скажи, а по какому принципу ты выбирала эту музыку и именно в таком порядке?

– Я же сказала, что она мне помогает расслабиться. Но я не могу объяснить, почему именно эта песня мне нужна в данный момент.

«Бескрайнее поле для музыкальных структуралистов и их спекулятивных интерпретаций», – подумал я.

– Ну давай тренировать твой анус, – предложил я, почувствовав прилив нового желания. – Какую песню ты считаешь соответствующей анальному проникновению?

Сандра посмотрела на меня иронически, встала на четвереньки и в этой позиции нажала кнопку магнитолы.

Понеслась ещё одна любимая мною мелодия: *Hold Me, Thrill me*.

Передо мной красовался ждущий меня анус Сандры. Она чуть повиливала задом, приглашая меня не задерживаться.

«Вечная музыка», – подумал я и, размазав слюну по всему хую, медленно ввёл его в глубину. Ощущение в прямой кишке было райским.

– Глубже, – попросила Сандра.

Но я уже упирался в неё бёдрами, используя всю свою длину.

– Глубже будет с австралийцем, – сказал я.

Она стала драть себе клитор, а я надеялся, что при оргазме у неё не случится с анусом нечто аналогичное тому, что произошло с влагалищем – тут я должен был обязательно дожидаться её оргазма, чтобы использовать хуй как пробку.

Вскоре я услышал опять-таки любимую песню: *Livin' On The Edge Of The Night*²³. Наслаждаясь музыкой и плотной плотью, я думал, что если «жить с женщиной» значит ебать жен-

²³ Жизнь на краю ночи (англ.).

щину, то жизнь на краю ночи можно рассматривать как еблю в зад, ибо ночь – темнота («темно, как в жопе»), а «край ночи» в данном случае не что иное, как сфинктер. Такая интерпретация песни в данной ситуации имела больше оснований, чем вся астрология с хиромантией вместе взятые.

И вдруг я понял, что любая мелодия будет идеально соответствовать всякой ебле. В той же мере, как и любые слова. Ибо ебля самодостаточна. А то, что Сандра требовала музыку в процессе, так это, наверно, потому, что ебля придавала больше прелести музыке. А вовсе не наоборот, как это принято считать.

Сандра кончила под совсем уж романтическую песню: *Oh Babe, What Would You Say?*²⁴ «А что скажет моя Babe, когда кончит?» – подумал я. Я дождался, пока она стала доить меня спазмами, довёл её до полного размякания, убедился, что ничто в меня не выстрелит, и только тогда выпустил в неё своих птичек, а затем медленно вытащил мою пробку. Сфинктер исправно сомкнулся, ничего не выпуская наружу.

– It was fucking good²⁵, – вот что сказала моя Babe.

Потом я пошёл в туалет и, струясь, смотрел в окно. Вдруг я заметил, что на стоянку мотеля заезжает огромный трейлер, и я подумал, а вдруг это муж Сандры, и ухмыльнулся невероятности такого предположения.

Через десять минут кто-то настойчиво постучал в дверь. Мы с Сандрой переглянулись и, не сговариваясь, стали одновременно натягивать на себя одежду.

– Сандра, я знаю, что ты здесь, – раздался голос мужчины, – открой сейчас же!

Я на всякий случай взял в руку карандаш, лежавший на ночном столике, намереваясь его использовать в качестве оружия в этой ситуации – другого под рукой не было. «Чтоб к штыку приравняли перо». Вот и приравнял.

– Это мой муж, – успокоившись, пояснила она мне.

– Откуда он узнал, что мы здесь? – удивился я дрожащим голосом.

– Я ему сказала, где я. Не волнуйся, он добрый, – успокоила она меня. – У нас открытый брак, и он знает, что у меня есть любовники.

Меня это не очень успокоило, но Сандра уверенно подошла к двери и открыла замок.

Мужчина шофёрского вида в клетчатой рубашке и джинсах быстро вошёл в комнату, бросил на меня беглый взгляд и сразу направился к столу. Он схватил boombox, заткнул его рот кнопкой и недовольно бросил:

– Опять взяла не спросясь, а мне в дороге что слушать?

И, не прощаясь, удалился, даже не хлопнув дверью.

Я с облегчением вздохнул и закрыл дверь на замок.

– У тебя поистине счастливый брак, – восхищённо сказал я Сандре.

– Ага, – подтвердила она и подошла к радиочасам, стоявшим на тумбочке у кровати, нашла музыкальную станцию и стала снова раздеваться.

Я подошёл к окну и посмотрел на выруливающий на дорогу трейлер.

Теперь и я мог раздеться. Под вечную музыку.

²⁴ Что бы ты сказала, милая? (англ.)

²⁵ Это было охуенно! (англ.)

Типун

Впервые опубликовано в *General Erotic*. 2002. № 59.

Квартал красных фонарей был полон уличных проституток. Клиентов сновало поменьше, но ровно настолько, чтобы среди женщин существовала здоровая конкуренция. Количество проституток и количество мужчин регулировались законом половых джунглей.

Шёл процесс милой торговли и беспрепятственного удовлетворения разнообразных желаний, следуя которым всегда убеждаешься, что все они ведут в Рим оргазма.

Однако с некоторого времени этот закон стали нарушать попрошайки. Нет, они не кланчили денег, они не были грязными оборванцами. Это были скромно, но чисто одетые пожилые мужчины.

Они подходили к проституткам и кланчили:

Пососите, Бога ради!

Подайте пизды – два года не ёбся.

Выполняю любую работу за пизду!

У них, очевидно, не было денег, чтобы платить за наслаждения. В обмен за бесплатный оргазм некоторые мужчины предлагали себя в качестве слуг: они были готовы убирать квартиру, состоять на побегушках и даже поставлять женщинам платных клиентов.

Некоторые попрошайки подходили к проституткам с видом клиентов и излагали свои желания, а когда женщина называла соответствующую цену, мужчины начинали предлагать свои услуги взамен денег. Другие, как классические попрошайки, кланчили, вставали на колени, хватали за одежду, старались прикоснуться к телу женщины, короче, всячески унижались, умоляя о бесплатной ласке.

Поначалу попрошайки обращались со своими просьбами к обыкновенным женщинам, в обычных городских кварталах. Но самки оскорблялись, отшатывались, ужасались, впадали в истерику или просто беспощадно грубили и даже занимались рукоприкладством. Возмущённые дамочки вызывали полицейских, и те очищали улицы от пиздопросителей и даже сажали их в тюрьмы. Так что пришлось всем попрошкам переместиться в квартал красных фонарей, где их просьбы хотя бы не рассматривались как хулиганство или извращение.

Как правило, проститутки тоже гнали попрошаек. Нередко приезжала полиция и охотилась за беднягами, которые мешали женщинам работать.

Среди обделённых пиздой попрошаек находились хитрецы, которые маскировались под клиентов, вели торговлю за услуги совершенно серьёзно и с увлечением, а когда оказывались с проституткой наедине, то объявляли ей о своей некредитоспособности. Такого рода тактика попрошайничества вносила дополнительные трудности в и без того нелёгкую работу женщин: приходилось выставлять мужчину из комнаты, часто со скандалом, и тратить драгоценное время на простой. Однако проститутки быстро научились бороться и с этим: они требовали показать деньги сразу после достижения договорённости о цене и только тогда вели клиента к себе.

Среди попрошаек ходили легенды о счастливицах, которым якобы удалось вызвать жалость у проститутки, и та не только одаряла бесплатным наслаждением, но и брала на содержание того, кому удавалось обворожить её своим чарующим характером.

Следует отметить, что иногда действительно находились сердобольные проститутки. Они задирали юбку и давали лизнуть клитор стоящему на коленях попрошайке или теребили рукой его член. Такие случаи давали почву для появления многочисленных легенд о счастливицах.

Был краткий период, когда проститутки не столько жалились над попрошайками, сколько те им чрезвычайно надоели, и женщины попытались решить проблему по-деловому. Как в музеях выделяют один день в неделю, когда не взимается входная плата, чтобы даже бедняки могли приобщиться к искусству, так и проститутки выделяли одну, которая практически бесплатно приобщала неимущих к чуду любви. Проститутки выделяли из своего числа одну, которая занималась этим общественно-полезным трудом и удовлетворяла нищих за доступную им цену; но чтобы выходило не совсем бесплатно – иначе страдала бы честь профессии, – попрошайка обязан был платить сколько мог. Чтобы компенсировать убыток общественно-полезной проститутке, все её коллеги сбрасывались и добавляли до усреднённого дневного заработка. На следующий день, то есть ночь, заступала другая женщина на тех же условиях. Эта очерёдность не только была удобна для уличных работниц, но и предоставляла разнообразие женщин для попрошаек.

Однако, когда что-то даётся почти бесплатно, возникает слишком много желающих, и в квартал красных фонарей хлынул такой поток бедняков, что проститутки прекратили эту богадельню и снова стали взимать полную плату со всех, а кланчащих беспощадно гнать.

Но всё-таки один из попрошаек у всех на глазах вырвался из своей сексуальной нищеты в женское богатство. Полная самоотдача и одержимость желанием приносить радость сделала это возможным. Счастливицу звали Дан.

Но прежде следует сделать отступление и рассказать о событии, которое повлияло на мировоззрение Дана да и всех, кто посещал квартал красных фонарей.

Квартал красных фонарей располагался на запад от могилы Неизвестной Проститутки, вокруг которой был построен мемориал. Войти в квартал можно было только через этот мемориал, поскольку со всех сторон район наслаждений был обнесён высокой стеной. Мемориал был возведён благодаря специальному налогу на свои услуги, который ввели сами девицы.

Лет десять назад был обнаружен труп зверски убитой проститутки, личность которой установить не удалось. Она успела поработать лишь неделю, и коллеги знали её только по имени. Какой-то клиент вывез её за город и там замучил до смерти. Полиция не смогла найти убийцу, и проститутки решили взяться за расследование сами. Они своей женской интуицией точно угадали, что убийца попытается повторить своё ужасное деяние, так как на одном преступлении такие изверги не останавливаются. Проститутки обзавелись микропередатчиками, которые сообщают координаты места нахождения их владельца. Каждая женщина, отправляясь с клиентом, брала с собой маленький пистолет и спрей с жидкостью, вызывающей конвульсии при попадании в лицо.

Работницам пизды не пришлось ждать долго – от одной из проституток поступил сигнал тревоги, и четверо дежурных женщин помчались на машине к указанным координатам. Это была местность неподалёку от того пустыря, где нашли истерзанный труп. Там четверых женщин ждала дрожащая от страха colega и мужчина, корчившийся в судорогах на земле. Проститутки надели на него наручники, связали, втащили в машину и увезли в заранее подготовленное место. Они решили обойтись без полиции и самим решить проблему своей безопасности. Женщины привели мужчину в чувство и начали допрос. Он под пытками сознался в том, что убил их коллегу, а также собирался убить и ту счастливицу, которую удалось спасти. Признание записали на видео. Убийцу заставили рассказать в деталях, как произошло убийство для подтверждения, что перед ними именно тот, кого они искали. Мужчина описал подробности своего преступления, которые мог знать только сам убийца. Как у всех религиозных фанатиков, мотивами убийства у него было желание «очистить город от греха».

Далее показательное возмездие тоже записывалось на видео. Перед привязанным к стулу убийцей установили большой портрет истерзанной им жертвы, чтобы этот портрет всегда был перед его глазами, и начались мучения убийцы, а пока они длились, повторялась одна и та же фраза: «Ты истязал и убил эту женщину, и за это сам умрёшь в страшных мучениях, а труп твой будет скормлен свиньям».

Проститутки пытали убийцу в течение суток, сменяя одна другую. Главной задачей было держать его в сознании и не дать ему умереть раньше времени. Когда убийца сошёл с ума от боли, его прикончили, а труп кинули свиньям на свиноферме. Обглоданные кости сложили в мешок и выбросили на помойку. Всё это снималось на видео, и из отснятого материала сделали получасовой фильм, выбрав самые болезненные для убийцы пытки, а также пожирание его трупа свиньями.

Этот фильм непрерывно шёл в маленьком кинозале мемориала у могилы Неизвестной Проститутки. Каждый мужчина, приходивший в квартал красных фонарей, должен был пройти через этот зал и посмотреть хотя бы небольшой кусочек этого фильма с комментариями о причинах его создания. Пытки убийцы обязательно сопровождалась громко произносимой фразой: «Ты истязал и убил женщину, продающую наслаждения, и за это сам умрёшь в страшных мучениях, а труп твой будет скормлен свиньям».

Слух об этом фильме прошёл по всему городу и вызвал не только страх, но и почтение к проституткам, внушал уважение к их решимости защищаться.

Убийства в городе прекратились, и полиция сквозь пальцы смотрела на эти кинопоказы, помогавшие поддерживать порядок, да и сама побаивалась этих женщин, которые смогли так постоять за себя. Некоторых преступников полицейские приводили в кинозал насильно, чтобы они не помышляли об убийстве, неся наказание за менее тяжкие преступления.

А у клиента страх после просмотра фильма быстро превращался в благоговение, когда вскоре за этим он погружался в профессиональную женскую нежность и мастерство.

По-видимому, Дан был одним из тех мужчин, которые прониклись к проституткам особыми уважением и любовью.

Так вот, этот попрошайка по имени Дан не кланчал, как другие попрошайки, не канючил пизды, а сам предлагал ей наслаждение. Его лозунг был: «Лижу до оргазма!»

Именно с этой фразой он подходил к каждой проститутке, именно такой плакатик он держал в руках, стоя в их толпе.

Однажды труженица, проработавшая пять часов с десятью клиентами и, как обычно, ни разу не достигшая оргазма, решила проверить, чего стоит предложение Дана. Она поманила его за собой в уличный одностенный туалет. Дан, оглядываясь, чтобы никто не заметил, что в туалете двое, закрыл за собой дверь. Проститутка встала, а не села на пластмассовую панель, в которой было проделано очко, широко расставила ноги и подняла юбку, под которой трусиков не полагалось. Дан точным движением присосался к клитору и заработал языком. Через минуту проститутка вздрогнула, у неё вырвался стон, который она быстро подавила, и отстранилась от Дана. Удовлетворённая соскочила на пол, одёрнула юбочку, бросила «спасибо» и выскочила первой на улицу с радостной улыбкой на лице. Когда Дан вышел за ней, женщина уже садилась к клиенту в машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.